

95 коп.

Юрий Никитин ШПАГА АЛЕКСАНДРА ЗАСЯДЬКО

Юрий Никитин

**ШПАГА
АЛЕКСАНДРА
ЗАСЯДЬКО**

Юрий Никитин

ПОВЕСТЬ

КИЕВ, ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЛКСМУ «МОЛОДЬ»
1979

Никитин Ю. А.
Н62 Шпага Александра Засядько. Повесть. Язык русский.
К., «Молодь», 1979. 224 с., пл.

В те далекие времена, когда стреляли чугунными ядрами, Александр Засядько видел будущее артиллерии в ракетной технике и посвятил развитию этого вида оружия всю свою жизнь.

Н 70303—026 77—79 4702590200
М228(04)—79

P2

Юрий Александрович Никитин
ШПАГА АЛЕКСАНДРА ЗАСЯДЬКО
Повесть
«Молодь»

Художественное оформление Г. С. Ковпаненко
Редактор Н. Б. Мурченко
Художественный редактор В. И. Пойда
Технические редакторы М. Л. Мелько, М. Г. Черевник
Корректор З. М. Клещенко

Информ. бланк № 781.

Сдано на производство 09.10.78. Подписано к печати 05.01.79. БФ 24755.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Условн. печ. л. 11,76. Учетн.-изд. л. 12,75. Тираж
30 000. Заказ № 1280. Цена 95 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252004,
Киев-4, Пушкинская, 28.

Киевская книжная фабрика республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», ул. Воровского, 24.

Н 70303—026 77—79 4702590200
М228(04)—79

© Издательство «Молодь», 1979

ПРОЩАЙ, КОРПУС

Преподаватель баллистики подполковник Кениг решил сократить путь к выходу из училища и пошел через зал для фехтования. Сюда он редко заглядывал, ибо упражнения со шпагой казались пелеными человеку, привыкшему рассчитывать траектории огромных чугунных ядер, каждое из которых способно спшибить с ног слона, не только человека с оружием в руках.

Зал был почти пуст, лишь в дальнем углу упражнялся высокий, атлетического сложения юноша. Под мокрой от пота и прилипшей к широкой мускулистой спине рубашкой бугрились мышцы. Плечи у юноши были массивные, налитые здоровой, уверенной силой. Он раз за разом повторял один и тот же прием, оттачивая каждое движение до ювелирного изящества. Выпад — поворот рукоятки — укол... Выпад — поворот — укол...

Кениг поморщился. Высокий и сутулый, с взлохмаченными волосами и хищным ястребиным носом, он сейчас напоминал большого коршуна, готового броситься на первую попавшуюся жертву. Впрочем, внешность вполне соответствовала характеру. Злой и язвительный, наделенный острым аналитическим умом, Кениг не давал

спуску ни курсантам, ни коллегам. С его легкой руки многие преподаватели получили обидные клички, директор нажил язву желудка, а кадеты то и дело подвергались взысканиям. Он был из числа многих иностранцев, приехавших в Россию, как сказал впоследствии Лермонтов, «на ловлю счастья и чинов». Процесс европеизации, начатый еще Петром I, все еще не был завершен, почти на всех высших командных должностях стояли иностранцы, и они же представляли преподавательский состав в академии и во всякого рода высших училищах. Кенига злили и раздражали остатки патриархального боярского быта, которые выплывали исподволь то там, то здесь, и он боролся с ними со всей яростью и энергией холерического темперамента.

Да, внешне он был похож на коршуна, но юноша, упражняющийся со шпагой, меньше всего походил на мышь или зайца. Поразительнее всего было то, что восемь лет тому — при поступлении в кадетский корпус — это был очень худенький, болезненного вида мальчик. Но в слабеньком тельце таилась несокрушимая воля. В то время как его сверстники еще не жили в постелях, этот странный кадет уже до изнеможения упражнялся в гимнастическом зале, а когда товарищи старательно разучивали правила игры в светские карточные игры, он в пустой комнате читал вслух стихи, ибо от рождения был наделен некоторым косноязычием. И в то же время успевал быть первым в науках!

И вот теперь в зале сражался с чувлом мускулистый юноша, пожалуй, самый сильный в училище. У него прорезался чистый голос — мощный и звонкий, как боевая труба, он имел самые широкие среди кадетов плечи, зато пояс двенадцатилетней девочки ему пришелся бы впору.

Кениг продолжал хмуриться. Ему неприятно было видеть, что самый талантливый ученик занимается ничемным делом. Пусть ему только восемнадцать лет, возраст, в котором кровопролитные дуэли имеют едва ли не первостепенное значение, но ведь у него и глубокий ум, которому старики могут позавидовать!

Юноша обернулся на стук шагов, вытянулся в струнку.

— Вольно, — сказал Кениг. Он хотел было пройти мимо, но что-то мелькнуло в памяти, заставило остановиться. — Погодите, — сказал он медленно, — ведь сегодня вы

получили офицерский чин. Вы уже не курсант, подпоручик Засядько. Ваши товарищи, которые едва-едва вытянули на прапорщиков, закатали пир горой. А вы? Тычете шпагой ни в чем не повинное чучело. Словно бы ничего особенного не случилось! Да поймите же — вас выпускают из училища подпоручиком! Вспомните, князь Михаил Илларионович Кутузов тоже окончил артиллерийское училище, но был выпущен лишь прапорщиком. А каких вершин достиг! На днях назначен директором артиллерийского училища в Петербурге.

Засядько спокойно смотрел в лицо преподавателя баллистики. Глаза юноши были ясные, чистые. Был он наделен той мужественной красотой, которая так редко встречается у дворянских сынков, прирожденных горожан. «Из казачьего рода, — вспомнил Кениг. — Сын главного гармаша Сечи».

— Что же вы не отвечаете? — спросил Кениг, стараясь придать голосу суровость. — Хоть вы и подпоручик, но разговариваете с подполковником!

Засядько снова вытянулся. Кениг недовольно поморщился, махнул рукой.

— Вольно, вольно. Нечего передо мною тянуться. Давайте лучше присядем, юноша. Возможно, я вас больше не увижу. Наверняка не увижу. Хочется поговорить напоследок...

Удивленный Засядько сел рядом с подполковником на подоконник. Кениг внимательно и грустно рассматривал юношу.

— Скажите, почему вы не на пирушке?

Молодой подпоручик неопределенно пожал плечами.

— Н-ну... я не люблю пить.

— Послушайте, Засядько, постарайтесь быть со мной откровенным. Ведь вы мой лучший ученик. Надеюсь, вы и сами замечали мое особое отношение к вам?

— Замечал, — улыбнулся Засядько. — Вы меня гоняли по предметам больше всех.

— Потому что люблю ваши ответы. Вы отвечаете умно, смело, оригинально, обосновывая свое мнение. Часто спорите с авторитетами. У вас острый ум, Засядько. Но не только острый, ибо можно до конца дней остаться салонным острословом, но и глубокий. Теперь вы уходите, а я так до конца и не разобрался в вас. Мне хочется, если позволите, задать один несколько необычный вопрос... Вот вы — первый ученик в кадетском корпусе. И по

знаниям, и по фехтованию. Никто этого не отрицает. Но почему вы так рветесь на вершину? Вы буквально изнуряете себя занятиями и тренировками. Другие видят только парадную сторону и завидуют: ах, какой талантливый, как ему все легко дается! Но я знаю цену подобной легкости. Вы можете так надорваться. Советую вам соразмерять силы. Если у вас нет какой-то сверхцели, то не лучше ли вести более размеренную жизнь?

— А если есть? — спросил Засядько.

— Что? — не понял Кениг.

— Сверхцель.

— Тогда боже благослови... Но откуда у вас, такого юного, сверхцель? И как вы ее конкретно представляете?

Юноша помолчал, потом испытующе посмотрел на преподавателя.

— Человек... должен жить в полную силу. Так мне говорил отец. Он должен делать наибольшее, на что способны его организм и мозг.

— Все хотят быть полезными государю и отечеству, — напомнил Кениг.

— Хотеть мало, — ответил Засядько серьезно. Он поставил шпагу между колен, погладил эфес. — Что хорошего в пирушке? Напьются, пообъясняются друг другу в вечной любви и дружбе. Наутро сами себе покажутся противными.

— Не все же время можно работать, — возразил Кениг.

— Не все, — подтвердил Засядько с сожалением.

Кениг осторожно заметил:

— Возможно, вы не пошли из-за стесненности в средствах... В таком случае, Саша, позвольте мне так вас называть, располагайте моим кошельком. Получаю я немало, а много ли надо одинокому человеку? Как я слышал, ваши родители небогатые люди.

Засядько ответил просто:

— Это верно. Мои родители денег мне присылать не могут. Но я не пошел на пирушку по иной причине. Просто... вспомнил пирамиды.

— Что?.. Что?! — переспросил Кениг. Ему показалось, что он ослышался.

— Пирамиды, возведенные неведомыми строителями Египта. Десятки веков стоят в пустыне, а люди все не

надивятся. Да и поистине это величайшее из семи чудес света!

— Что-то я не понимаю ваших иносказаний.

— Это не иносказание. Строители пирамид были обречены на каторжный труд. Им было не до пирушек. Зато творения их рук уже не одну тысячу лет удивляют мир. А что осталось от тех, кто не строил пирамид, а проводил жизнь в пирушках? Ни-че-го.

Кениг уважительно посмотрел на восемнадцатилетнего богатыря. Чего-чего, а такой философии не ожидал от юноши.

— И ты тоже, — спросил, неожиданно переходя на «ты», — хочешь строить свою пирамиду?

— Да, — горячо ответил Засядько. — Разум мне дап, чтобы я им пользовался, а не низводил до скотского уровня в оргиях. Скажите, чем закончилась битва у Си-ракуз?

— Не помню, — ответил Кениг удивленно.

— Почти никто не помнит, хотя это была крупная битва. И почти никто не знает имен воевавших тогда царей. Зато все знают, что в те дни был убит один совсем незнатный человек по имени Архимед. Память хранит только имена людей, что-то сделавших для человечества. И я мечтаю быть среди тех, кто удостоился этой чести!

— Весьма похвально, — пробормотал Кениг. — Весьма похвально.. Но зачем вам эти упражнения? Ведь вы же знаете, что только умом и знаниями можно завоевать место в истории. А что значит грубая сила и это нелепое пыряние шпагой?

— Я офицер Война — моя профессия.

— Сейчас нет войны.

— Я малоросс, — сказал тихо Засядько. — Меня многие задевали, еще когда я поступал в кадетский корпус. Я вынужден был научиться давать достойную сатисфакцию.

— Вы — первая шпага училища, — напомнил Кениг, снова переходя на «вы». — И первая сабля. Никто лучше вас не владеет оружием. К тому же, говорят, вы знаете какие-то боевые приемы запорожцев?

— Да, — ответил Засядько неохотно. — Я кое-чему научился еще до поступления в корпус... Но я еще не знаю, буду ли первым в армии!

Кениг встал, протянул руку юноше. Тот, помедлив, протянул свою.

— Желаю удачи,— сказал Кениг.

Когда прием стал получаться самопроизвольно, без участия сознания, Засядько позволил себе передышку. Было без трех минут шесть вечера. «Надо еще успеть попрощаться с Геннадием Ивановичем»,— подумал он.

К одному из кадетов приходил по праздникам и воскресеньям старичок дядька, охотник рассказывать разные истории из жизни святых отцов. Александр, как и его товарищи, пристрастился слушать. Старик знал удивительно много. Его память, несмотря на преклонный возраст, хранила уйму сведений и подробностей о жизни отшельников и аскетов-монахов. Однажды Засядько в порыве энтузиазма решил даже поступить в монашеское звание, но, к его удивлению, старик отсоветовал.

Александр бегом промчался через двор. Ноги были сильные, руки крепкие, дыхание не сбивалось, а сердце даже не ускорило ритм. Жизнь хороша!

Старик по обыкновению находился в часовенке. В это время здесь бывало пусто, тем более сейчас, когда выпускники и преподаватели занимались возлияниями в честь Бахуса.

Александр медленно подошел к старику. В часовне было тихо, прохладно, торжественно. Старик сидел в задумчивости, книга покоилась у него на коленях. Он не молился, ибо губы его не шевелились. Просто отдыхал с закрытыми глазами.

Александр вздрогнул, когда старик, все еще не открывая глаз, сказал негромко:

— Зашел проститься, Саша?

— Да... гм... здравствуйте, Геннадий Иванович!

Старик открыл глаза, внимательно посмотрел на юношу. Александр в который раз подивился тому, какое у этого древнего деда одухотворенное лицо. Голова и борода седые, руки с вздутыми синими венами, однако глаза смотрят бодро, просветленно, а голос мощный, словно у молодого парня.

— Это хорошо, что не забываешь,— сказал старик.

— Разве я мог забыть,— ответил Засядько с легкой обидой.— Вы же знаете, как я вас уважаю. Даже в монастырь собирался, но вы отсоветовали.

— И правильно отсоветовал... Это раньше монастыри были единственными светочами знаний. В то время, когда

даже короли погрязали в дикости и невежестве и не могли расписаться на собственных указах, монастыри хранили и умножали культуру. Теперь же их усилия увенчались успехом: грамотность и образованность перестали казаться пороком. Посему тебе не обязательно идти в монастырь и даже нежелательно, ибо в светской жизни человек может для людей и культуры сделать больше...

— Теперь я это понимаю,— ответил Александр.

— Иди в большой мир, юноша. Ты силен духом, мир тебя не одолеет. Неси людям убеждение, что дух сильнее плоти, что разум выше скотства, что духовность и наука важнее красивых вещей и сытной пищи...

Александр при слове «наука» вздрогнул, и старик это заметил. У юноши были свои причины, но Геннадий Иванович истолковал его чувства по-своему.

— Да,— сказал он убежденно,— наука и культура! Было время, когда наукой занимались только при монастырях. Многие важнейшие открытия до недавнего времени сделаны монахами. В монастыре Коперник создал свое учение, Кампанелла писал книги, Паскаль занимался математикой и философией... Но сейчас, когда образование и развитие общей культуры победоносно идут по странам, когда заниматься наукой стало модным, а короли дают на лаборатории и печатанье книг деньги, иди в мир, отрок! Там возможностей больше. И помни: дух силен, плоть немощна.

Он встал и торжественно перекрестил юношу. Александр почтительно наклонил голову, принимая благословение.

Часом позже Засядько, задумавшись, шел по бульвару. Вспомнился разговор с Кенигом. Что придется несладко, знал и сам. Выходец из бедной провинциальной семьи не мог рассчитывать на хорошую должность. Он и дворянином стал лишь благодаря указу, приравнявшему украинскую старшину к российскому дворянству. Но указ указом, однако царские чиновники проводили свою политику.

Вдруг кто-то свирепо рявкнул:

— Подпоручик Засядько!

Александр щелкнул каблуками и мгновенно вытянулся. За спиной весело засмеялись. Засядько оглянулся и тоже улыбнулся. К нему подходили два друга по корпусу — Балабуха и Быховский. На мундирах у обоих свер-

кали значки прапорщиков. Лицо Быховского спяло: он искусно подражал голосам старших офицеров и часто пользовался своим умением. Мог говорить самым низким басом, как директор училища князь Дранде, и писклявым дискантом, как преподаватель словесности Богомолов. А сам был хрупким и легким, словно мотылек.

— Что-о новенького? — спросил Балабуха, растягивая слова. — Как сдал?

В отличие от Быховского это был широкоплечий, мускулистый крепыш, с кирпично-красным, будто налитым солнцем, лицом, огненно-рыжими волосами, коричневыми веснушками вокруг носа. Руки у него были короткие, толстые и заканчивались увесистыми кулаками.

Александр молча достал свидетельство. Друзья одновременно склонили головы и больно стукнулись лбами. Быховский сморщился и потер ушибленное место, а Балабуха принялся читать вслух:

— «...Науку инженерную и артиллерийскую знает превосходно, по-французски говорит и переводит весьма изрядно, по-латыни разумеет, а в истории и географии хорошее начало имеет...»

— Счастливчик! — заметил Быховский. — Нам бы такие.

— Ничего, — утешил товарища Балабуха. — Мы еще себя покажем.

— Покажем, — огрызнулся Быховский. — С гатчинцами?

Настроение у всех троих сразу же испортилось. Они пошли дальше молча. Уже год, как умерла императрица Екатерина II, и положение в военном деле сразу же ухудшилось. Несмотря на женскую ограниченность или благодаря ей, императрица имела смелость признавать собственную некомпетентность в ряде вопросов и полагаться на людей более сведущих. В военном искусстве она не стеснялась инициативы полководцев — фельдмаршалов Румянцева, Потемкина, Суворова. В результате ее политики русские войска одержали ряд блестящих побед над турками и значительно расширили владения Российской империи на юге.

Зато сменивший ее император Павел... Армия по его приказу одела зауженные немецкие мундиры, солдаты обязаны были носить парики с косичками и буклями. Широкий славянский шаг был сокращен по прусскому образцу. За нарушение строя каждого ждала жестокая кара, а то и смерть под шпиретенами. Парады стали про-

водиться ежедневно и нагоняли ужас как на солдат, так и на офицеров.

— Туго нам придется, — проговорил Балабуха озабоченно. — Солдата в случае нарушения ружейного приема ждет кара, а нас — Сибирь. Теперь на парадах солдаты обязаны появляться в длинных темно-зеленых мундирах с красными обшлагами, в длиннющих суконных гетрах и тупоносых ботинках. Сам видел новую форму, клянусь! Да, забыл, еще в белых штанах! Представляете? На голове у каждого сверкает начищенный кивер, из-под него выглядывают букли, а сзади торчит косичка. Я слышал, что для того, чтобы содержать в порядке парики и кивера, приходится вставать ночью, вдобавок начищать две дюжины блях и пряжек!

— Суворов, говорят, сказал: «Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак, а я не немец, а чистый русак».

— Здорово! — восхитился Быховский.

— Здорово, да не очень, — возразил всезнающий Балабуха. — Император вчера дал фельдмаршалу отставку, лишил чинов и сослал в родовое имение Кончанское под надзор полицейского чиновника.

Засядько попробовал утешить приунывших друзей:

— Ничего... Парады парадными, а как дойдет дело до войны, то куда вся эта мишура и денется. Что ни говори, а пудра и в самом деле не порох.

— Дай бог нашему теленку да вашего волка съесть, — недовольно буркнул Балабуха.

— А как князь Голенищев-Кутузов писал по Бугскому егерскому корпусу, — засмеялся Быховский и с удовольствием процитировал, гордясь своей безупречной памятью: — «Приемами много не заниматься, учить без лишнего стука и так, чтобы ружье от него не терпело...»

Середину улицы занимала громадная лужа. Прохожие опасно жались к заборам, боясь попасть под брызги или копыта лошадей, подгоняемых лихими извозчиками. Балабуха и Быховский обошли ее по кромке, а Засядько лихо перепрыгнул.

— Теперь и Кутузова отстранят, — сказал Балабуха.

— Вряд ли, — возразил Засядько. — Кутузов — опытный политик. С двором он ладить умеет.

Балабуха и тут не упустил случая блеснуть своей осведомленностью:

— Вчера Кутузова послали в Берлин договариваться о совместных действиях против революционной Франции.

Довольно легкое дело, ибо Пруссии выгодно вступить в коалицию с Россией, Англией и Австрией. Все они боятся Франции. Помяните мое слово, нам еще придется драться с французами!

Быховский угрюмо подтвердил:

— Да, с запада пахнет порохом.

Впереди показалась колонна солдат. Одинаковые, в темно-зеленых долгополых сюртуках и белых гетрах, напудренные, завитые, они были похожи на оловянных солдатиков — излюбленную игру короля Фридриха и императора Павла. Солдаты шли, не сгибая коленей, поднимая высоко ноги и опуская их на вытянутые ступни.

Балабуха, который с первого же дня возненавидел прусские порядки, разозленно сплюнул. Быховский толкнул его в бок и сказал примирительно:

— Не сердись. Умей находить в жизни и хорошее. Посмотри в ту сторону... Видишь коляску? Разве не ангел сидит в ней в окружении гарпий?

Со стороны площади двигалась элегантная закрытая коляска, запряженная четверкой вороных. Быховский с досады сгустил краски: две пожилые женщины, находившиеся в ней, вовсе не были похожи на гарпий, однако третья пассажирка, миловидная девушка лет шестнадцати, и в самом деле напоминала ангела с рождественских открыток.

Александр никогда раньше не приходилось видеть такого безукоризненно правильного лица с большими ясными глазами и доброй улыбкой. Девушка смотрела на мир открыто и радостно, лицо ее было милым и прекрасным.

Кучер взял чуть левее, пропуская колонну солдат. Молоденький офицер, который вел отряд, молодцевато отсалютовал обнаженной шпагой прекрасной незнакомке. Затем обернулся к солдатам и подал какой-то знак. Через мгновение раздался душераздирающий рев труб и грохот барабанов: это заиграл полковой оркестр.

Три друга вздрогнули от неожиданности. Быховский, оправившись от испуга, искал взглядом по земле, словно высматривал булыжник. Балабуха выругался и схватил товарища за локти, указывая на коляску.

Там испугались куда сильнее. Оркестр как раз проходил рядом. Трубы взревели во всю мочь, обе женщины выронили из рук свертки. Еще больше прусский марш подействовал на лошадей. Они вздыбились и рванулись

вперед с такой силой, что кучер не удержался и скатился с козел. К счастью, колеса его не задели, когда неуправляемая коляска понеслась подальше от страшного грохота.

— А, черт... — проговорил побелевший Быховский. — Разобьются ведь!

Коляска неслась почти на них, друзья прыгнули в стороны. Александр чуть помедлил. Первым его движением было вцепиться в удила взбесившихся лошадей и остановить, но в памяти вдруг непроизвольно всплыла сцена из недавно прочитанного сентиментального романа: герой подобным образом спасает девушку, затем следует любовное объяснение, женитьба...

Лошади промчались мимо. Однако в следующее мгновение Александр, устыдившись своего замешательства, откинулся всем корпусом назад, напряг мышцы ног и ухватился за заднее колесо. Рывок назад! Ноги его пропахали две борозды, затем коляска дернулась — лошади остановились. Александр перевел дыхание, отряхнул ладони и поспешно отступил к забору. К нему подбежали побледневшие друзья.

— Геракла из себя строишь? — напустился на него Быховский. Балабуха укоризненно покачал головой и побежал к коляске.

«Геракл, — подумал Александр, глядя вслед Балабухе. — И Андрей смог бы остановить, если б осмелился ухватиться за колесо. Я еще в детстве так баловался. Увидишь, что казак везет подводу сена, подкрадешься сзади и — цап за колесо! Уж он и «гэй», и «цоб», и кнутом перетянет беднягу лошадь, пока не догадается оглянуться... Когда подрос, наловчился останавливать на полном скаку. Нужно только не бояться, преодолеть себя...»

— Молодой человек! — позвала из коляски дрожащим голосом одна из женщин. Рядом с ней стоял Балабуха и что-то объяснял, отчаянно жестикулируя, словно изображал битву горакиев с курациями.

Засядько притворился, будто ничего не слышит, и, схватив Быховского за локоть, потащил в первый попавшийся переулок. Ошеломленному прапорщику удалось вырваться из железных пальцев друга лишь за поворотом.

— Пусти, леший! Ровно клещами сдавил. Ты чего?

— Мне только благодарностей не хватало. И так запахло сентиментами. Не-е-ет, это не для меня!

— Тебе все равно не избежать их. Там остался Балабуха. Он наверняка распишет тебя Георгием Победоносцем, попирающим змия.

— Голову оторву, — пообещал Засядько. — Благодарности обязывают. А зачем это мне? Завтра соберу баул и — фьюить! — уеду на место прохождения службы. Скорей бы...

— А вдруг зашлют в какую-нибудь Тмутаракань?

— Хоть к черту на рога. Зато обрету самостоятельность. Наконец-то займусь и отцовским делом...

— Отцовским? — переспросил Быховский.

— Да... Вернее, по наказу отца. Было когда-то на Сечи грозное оружие: боевые — да, боевые! — ракеты. Ими в тысяча пятьсот шестнадцатом году казаки гетмана Ружинского разгромили татарскую орду Мелик-Гирея. Татар было намного больше, однако ракетным ударом удалось уничтожить всех до единого. Никто не спасся.

— Ух ты! — выдохнул Быховский. Его глаза загорелись. — А что потом? Почему сейчас нет такого оружия?

— В последующих боях погибли казаки, владевшие им. С ними погиб и секрет ракетного оружия. Мой отец пытался раскрыть его, да знаний не хватило. Может, только поэтому и отдал меня в училище, чтобы я подучился наукам. Вот так... Ну, ты прости, мне пора.

— Снова упражняться?

— Да. Час на фехтование, потом буду в библиотеке.

— А там зачем?

— Хочу просмотреть журналы по баллистике.

— Не понимаю, — удивился Быховский. — У тебя в кармане документы об окончании корпуса. К тому же ты и так лучше всех знаешь артиллерию и баллистику!

— Я думаю, — сухо ответил Александр, — что Бонапарт и Кутузов, тоже окончившие артиллерийские корпуса, занимались и помимо программы.

— Завидую тебе. Я бы не смог так себя мучить. Грызть гранит науки в то время, когда можно грызть пирожное из рук хорошеньких воспитанниц пансиона благородных девиц!

Засядько улыбнулся.

— Я не мучаю себя. Мне и в самом деле приятнее грызть гранит науки, как ты выразился, чем распаркиваться перед нафуфыренными девицами, изображая из себя галантного кавалера. Ну, будь здоров!

Александр кивнул и пошел быстрым шагом к корпусу, здание которого уже виднелось над верхушками капитанов.

В зале для фехтования никого не было: кадеты праздновали окончание занятий, а выпускники отмечали присвоение офицерских званий. Александр почувствовал облегчение. Он не любил зевак, которые собирались за его спиной, когда он упражнялся. Изображая равнодушного, на самом деле он не был таким, повышенное внимание тяготило его.

Сбросил камзол, засучил рукава и выхватил шпагу. Рр-а-аз!.. Хорошо, но можно лучше. Рр-а-аз!.. Хорошо, но можно еще лучше. Рр-а-аз!.. Хорошо, но предела совершенствованию нет, можно еще и еще лучше...

Он не слышал, как в зале хлопнула дверь. Кто-то вошел, постоял минуту, наблюдая, затем подошел ближе. Это был Кениг.

— Все еще занимаетесь? — удивился он. — А когда обедали? Ах, делали перерыв? Все равно, ваше трудолюбие удивления достойно. Давайте присядем, юноша. у меня есть новости.

Кениг сел на подоконник, жестом велел Александру сесть рядом. Лицо подполковника чуть осунулось и пожелтело, словно все это время он провел в накуренной комнате. С тех пор, как Петр Великий ввел в употребление табачное зелье, в департаментах и офицерских собраниях стало модным не расставаться с трубкой.

— Закончилось заседание комиссии по распределению, — объяснил Кениг. — Гнусность. Меня наверняка пригласили участвовать только из-за иностранного происхождения. Дескать, не будет пробивать своего протеже. Просто некого.

Александр с бьющимся сердцем примостился на подоконнике рядом с подполковником. Распределение! Завтра-послезавтра каждый выпускник получит на руки назначение, но уже сейчас Кениг может приподнять краешек завесы над всех интересующей тайной.

— У меня не выходит из головы прошлый наш разговор, — признался Кениг. — Вы говорили, что будете жить в полную силу. Как это понимать?

Александр прямо взглянул в лицо преподавателя.

— Я понимаю, что вы хотите спросить. Нет, я не буду жить для собственного удовольствия. Я слишком хорошо помню, что я лишь один из людского рода. Люди —

мое племя, и я обязан сделать все для его процветания. Посему я приложу все усилия, чтобы род человеческий возвышался над всеми тварями, а также и над прочими разумными существами, буде они окажутся в других мирах!

Кениг помолчал, потом сказал глухо:

— Трудно вам придется, Засядько. Ведь у вас нет никаких влиятельных родственников? А для успешной карьеры необходимы прочные связи. Все на этом держится. Связи, родственники, вельможные покровители... Почти каждый воспитанник пользуется протекцией. И поступали сюда по протекции, и получили распределение по протекции. Туда, где можно быстро сделать карьеру. В Санкт-Петербург, на худой конец — в Москву. Или за границу. За вас никто не вступился на совете во время распределения. И это сказалося...

— На чем? — тревожно спросил Александр.

— Для вас места в Санкт-Петербурге оказались закрытыми. Их уже заранее распределили между отпрысками титулованных ничтожеств. В ход были пущены взятки, нажим, высочайшие указания... Словом, вы получите назначение в глушь — в десятый батальон, квартирующийся в Херсонской губернии.

Засядько, опустив голову, задумчиво покусывал верхнюю губу, на которой уже пробивались черные усики.

— Жаль, конечно... Собственно, в столицу я и не рвался. Что мне там? Балы, светское общество, придворный мир... Всего этого я и так лишен из-за невысокого происхождения. А вот то, что не получил назначения куда-нибудь за границу, жаль...

— Жаль, — подтвердил Кениг. — Правда, Петербург вы тоже недооцениваете. Там не только балы и светское общество. Высший генералитет тоже там. В этом проклятом мире зачастую достаточно красиво поднять слетевшую с генерала шляпу, чтобы получить повышение в чине!

Засядько расхохотался. Смеялся он весело и заразительно, так что и хмурый Кениг тоже не удержался от улыбки. Но он тут же согнал ее с лица и продолжил так же строго:

— А вам нужно годами подвергать себя смертельной опасности, питаться из солдатского котла, жить едва ли не в одном помещении со свиньями! А бывшие прапорщики, попав в Петербург, тем временем станут получать чины.

Засядько молчал. Кениг быстро спросил:

— Вам нравится такое положение вещей?

Юноша сдвинул брови, некоторое время раздумывал, потом ответил уклончиво:

— Наши государи установили разумный порядок, и я не вижу в нем изъянов.

Кениг досадливо крикнул. Затем сказал с кривой усмешкой:

— Правильно, Засядько. Молодец! Как говорят в России: не говори, что думаешь, а думай, что говоришь. Иначе не сносить головы. Мне в этом отношении легче: я — иностранец. Впрочем, вольнодумство иностранцев тоже должно иметь границы. Вольтерьянство в России постепенно выходит из моды. — Он вдруг замолк и соскочил с подоконника. — Ладно, оставим это... Давай прощаемся, рыцарь! — По-отечески обнял Александра, сказал с чувством: — Если не сгорят твои крылья, сделаешь много славных дел. Счастливого тебе полета, молодой орел!

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Вечером Александр в полном одиночестве собирал вещи в небольшой узелок. *Omnia mea mecum porto*, то есть все свое ношу с собой, как учит латинская пословица. Пусть другие обзаводятся сундуками и баулами. Философу и воину лишние вещи ни к чему. И так мир идет по неверному пути: человек обзаводится все новыми и новыми вещами, хотя конечной целью цивилизации является развитие самого человека, накопление духовных, а не вещественных благ...

Не успел собрать вещи, как в дверь постучали. Это был дежурный по этажу.

— Засядько, — сказал он бесстрастно, — спуститесь вниз. К вам пришли гости.

— Ко мне? — удивился Александр.

— К вам.

— Но у меня здесь нет знакомых...

— Поторапливайтесь!

Засядько поправил пояс и заспешил вниз. В зале, в креслах для почетных гостей, сидели две женщины. Прежде чем он узнал их, одна из них поднялась, протянула к нему руки:

— Вот он! Вот этот мужественный юноша!
Александр от неожиданности растерялся. Вторая дама уже расцвела улыбкой и тоже поднялась ему навстречу.

— Вы герой! — сказала первая дама. — Я попрошу директора корпуса, чтобы вас отметили за мужественный поступок. Мой муж, узнав о случившемся, велел пригласить вас сегодня вечером на чай.

— Я занят, — ответил Засядько глухо. Он злился и презирал себя за малодушие, не позволявшее ответить пожестче, чтобы дамы обиделись и ушли.

— Дежурный офицер обещал нам, что освободит вас от дел, — сказала первая дама. Вторая, судя по всему, менее разговорчивая, молча взяла Александра за локоть и легонько подтолкнула к выходу.

— Кстати, меня зовут Мария Степановна, — тараторила первая, — а это моя кузина Елизавета Павловна...

— Александр Засядько, — представился юноша, увлекаемый к двери.

— О, какое красивое имя! Оно очень подходит вам. Александр — значит мужественный защитник людей. Помню из учебника истории, что в войске Александра Македонского был воин по имени Александр, который боялся сражений. Македонский подозвал его и сказал: «Или перестань бояться, или смени имя». А вам не придется менять героическое имя. Да вы, судя по фамилии, украинец?

— Да. Из села Лютенка Гадячского уезда.

— Так мы же почти земляки! Елизавета из Полтавы, это вблизи вашего уезда, а я живу под Харьковом...

У подъезда их ждала закрытая карета. Засядько взглянул на позолоченные ручки дверок и стенки, покрытые филигранью, и сделал последнюю попытку избежать визита, но Мария Степановна решительно подтолкнула его внутрь и вошла следом.

Сидения были покрыты персидскими коврами, тускло блестела слоновая кость поручней. Засядько сел, покрившись судьбе. Постепенно в его душе начала разгораться искорка любопытства. За все время учебы в корпусе он еще ни разу не был дома у богатых товарищей-горожан.

Карета качнулась: на запятки вскочили лакеи. Кучер прикрикнул на лошадей. Александр покосился в раскрытое окно. Карета мчалась с большой скоростью, сидение

под пассажирами мягко покачивалось. Елизавета Павловна смотрела на юного героя с любопытством и материнским участием, а Мария Степановна продолжала без умолку тараторить.

— ...И сейчас бы мы жили под Харьковом, если бы не замужество. А вот Ксанка раньше ни разу не бывала в Малороссии. Это первый раз ее взяли с собой. А где вам больше нравится: в Малороссии или в Петербурге?

В этот момент карета остановилась. Лакеи распахнули дверцы, и это позволило Александру оставить вопрос без ответа. В Петербурге он не бывал, как можно сравнивать?

Перед ними возвышалось огромное, богато отделанное лепными украшениями здание, почти дворец. Засядько стал подниматься по широкой мраморной лестнице вслед за Марией Степановной, вторая дама немного задержалась, отдавая распоряжения кучеру и лакеям.

Они миновали один зал, затем второй. В третьем на встречу им выбежала та самая миловидная девушка, которая была в коляске. Увидев Александра, она немного смутилась, но быстро справилась с собой и храбро шагнула вперед.

— Ксанка, — заговорила Мария Степановна патетически, — вот он, наш спаситель!

Засядько с досадой почувствовал, что краснеет. Девушка понимающе взглянула на него.

— Папа велел накрыть стол в красной столовой, — сказала она тихо. — Пойдемте, я провожу вас...

Голос ее удивительно гармонировал со всем ее обликом. Он был такой же мягкий, добрый, ласковый и теплый. В нем слышались нежность, участие и понимание.

Александр, ступая словно деревянный, пошел в указанном направлении. Рядом что-то увлеченно рассказывала Мария Степановна, поддакивала Елизавета Павловна.

В огромной красной столовой Александра усадили в кресло. Появился лакей, похожий на генерала, быстро и ловко застелил скатертью стол. Еще два лакея, младших по рангу, принесли целую гору пирожных, расставили чашки, положили серебряные ложечки.

«Быховского бы сюда, — подумал Засядько. — Того хлебом не корми, дай только повращаться в светском обществе. А зачем это мне?»

Мария Степановна сказала значительно:

— Сейчас придет Юрий Николаевич. Он в кабинете. У этих военных всегда дела...

Через несколько минут бесшумно распахнулась дверь, мелькнула ливрея лакея. В столовую вошел грузный мужчина с красным лицом. Засядько быстро взглянул на трехцветный шарф с золотыми кистями, нагрудный знак и шпагу с вызолоченным эфесом. «Ого, полковник!»

Александр вскочил, вытянулся. Полковник благосклонно кивнул, позволяя сесть, и сам опустился в приготовленное кресло. Женщины смотрели на него выжидающе.

— Слышал о вас, юноша, — сказал полковник густым хриловатым голосом. — Вы сильный и храбрый человек. К тому же, насколько я понял из данной вам характеристики, и в науках преуспеваете?

«Откуда он знает?» — подумал Засядько.

— Стараюсь в меру сил, — ответил он, снова порываясь вскочить. Полковник милостиво придержал его за плечо.

— Услышав о вашем подвиге, — сказал он, — я тут же сделал в училище запрос. Одни похвалы! Однако... вас посылают в глушь... Дороги в крупные гарнизоны, а тем более в столицу для вас оказались закрытыми.

— Меня посылают туда, где я буду наиболее полезен, — ответил Засядько. Он держался настороже, опасаясь попасть в какую-нибудь ловушку.

— Гм... ладно, оставим этот вопрос. Вам дана отличная рекомендация, и если умело ею воспользоваться...

Краем глаза Засядько видел, как просияли обе женщины, а Ксанка радостно заулыбалась. На всякий случай он притворился непонимающим.

— ...Если умело ею воспользоваться, — повторил полковник с расстановкой, — то можно сделать неплохую карьеру. Назначение в Херсонскую губернию можно отменить. В моих силах добиться вашего перевода в дополнительный класс. Останетесь еще на годик, осмотритесь, найдете занятие по душе...

«...И буду выпущен в следующем чине, — продолжил его мысль Засядько. — Буду поручиком. Неплохо! Здесь начинается разыгрываться какой-то слащавый спектакль. Благородный юноша из бедной семьи спасает молодую красивую девушку из богатого и знатного рода, ее родители помогают его карьере...»

Он украдкой взглянул на Ксанку. Она не спускала с него глаз. Дамы тоже смотрели ласково. Полковник ждал ответа.

— Я хочу послужить на дальних границах, — ответил Засядько. — Хочу повидать разные страны, другие народы...

— Блажь, — изрек полковник снисходительно. — Блажь, и ничего более. Пройдет. Зато здесь сразу же будете назначены преподавателем в соединенной солдатской школе. Она находится при основной дворянской школе, вы наверняка ее видели. Покамест займетесь детишками солдат, а потом, даст бог, перейдете и в кадетский корпус, воспитанником которого являетесь. Постарайтесь не упустить возможность. Другие бы обязательно воспользовались!

«Быховский бы воспользовался, — подумал Засядько. — Он службы в армии избегает, как черт лаdana. А тут вдобавок есть еще и возможность быстрой карьеры...»

— Ваше предложение, — ответил он вежливо, — для меня большая честь. Не знаю, достоин ли. Во всяком случае, я хотел бы сначала послужить по месту назначения.

Полковник нахмурился. Мария Степановна всплеснула руками, ее кузина удивленно вскинула длинные ресницы: какой гордец выискался! Ксанка метнула быстрый взгляд на юного подпоручика и опустила голову. Ее щеки быстро стали наливаться густым румянцем.

Полковник пожал плечами. Допив чай, он в мертвой тишине достал швейцарский брегет, щелкнул крышкой, собрал на лбу складки.

— К сожалению, должен откланяться. А вы, Засядько, подумайте над моим предложением. Подумайте спокойно, без предвзятости. Посоветуйтесь со старшими. Учтите, другие лишены возможности остаться. А теперь, Ксанка, проводи нашего дорогого гостя.

Девушка порывисто поднялась. Она переживала и за себя, и за подпоручика. Не меньше его ждала, когда закончится мучительный разговор. Не хочет этот гордец их покровительства — и не надо! Наверное, у него и дама сердца уже есть...

Засядько вышел в сопровождении девушки на внутреннюю мраморную лестницу и, прежде чем спуститься вниз, задержался, чтобы попрощаться.

Девушка, поборов застенчивость, спросила:

— Послушайте, Геракл, почему вы не хотите остаться? Перед вами дорога в Петербург. В Петербург, понимаете? В Северную Пальмиру. Вам не придется мерзнуть в степях, голодать, терпеть лишения. Вы хоть понимаете, от чего отказываетесь?

Засядько серьезно смотрел ей в глаза. Девушка была очень красива. Где-то внутри слабо зазвенела незримая струна. Любовь... Цветы... Птицы... Этот ангел создан для того, чтобы его любили, писали ему стихи, наслаждались его присутствием. А взамен счастливый избранник получит самую светлую и яреданную любовь, верность, чистоту... Почему бы и нет? Ему уже восемнадцать лет. Ей — шестнадцать. Что может быть лучше союза двух юных и чистых сердец?

«Есть дела поважнее любви», — сказал он себе твердо.

— Вы назвали меня Гераклом, — ответил Александр медленно. — А ведь Геракл, когда ему исполнилось восемнадцать лет, тоже стоял на распутье и мучительно выбирал жизненный путь. В это время к нему подошли две женщины: Добродетель и Изнеженность. Одна предложила долгий и трудный путь к славе, посулила тяготы, лишения, опасности, тревоги. Вторая обещала самые изысканные радости, пиршества, наслаждения. Геракл заколебался... но все же выбрал трудную дорогу к славе. А что бы мы знали о Геракле, если бы он предпочел жизнь, полную наслаждений?

Он почтительно поцеловал ее детские пальчики и хотел было сбежать вниз по широким мраморным ступенькам, но девушка остановила его вопросом:

— Почему же все стремятся к спокойной жизни? Да еще полной наслаждений? Ведь стремятся же!

— Не все, — ответил он, стоя ступенькой ниже.

— Да, вы не стремитесь, но вы не правы! Выходит, что все шагают не в ногу, один вы идете в ногу?

— Бывает и так, — ответил он упрямо. — Это именно тот случай, когда прав один, а не рота. Но даже те, кто достиг спокойной жизни, счастливы ли они? Приведу пример. Однажды мой дядя, бывший запорожец, пустился в воспоминания молодости... Лихие набеги на турецкий берег, жаркие схватки с татарами, стычки с польскими отрядами... Рассказывал о том, как добывал железом и кровью в Речи Посполитой невесту. Я слушал-слушал и спросил: «А что было потом?» Никогда не забуду, как

дядя недоумевающе посмотрел на меня, пожал плечами и ответил: «Потом уже ничего не было». Подумал и повторил совсем грустно: «Потом ничего не было». Меня такой ответ потряс до глубины души.

— Почему?

— Да потому, что с того момента, как дядя добыл невесту, прошло сорок лет! Сорок лет жизни. А для дяди «ничего не было». Он все это время, как в сказке, жил-поживал да добро наживал.

— Что ж тут плохого? — сказала девушка укоризненно.

— Ничего... Но почему то время, когда он голодал в походах, мерз в засадах, подвергался смертельной опасности в боях, почему то время он вспоминает с нежностью? Может говорить о нем часами. Вспоминает все новые и новые эпизоды. Может быть, то и была настоящая жизнь? А потом началось сытое, но унылое существование?

— Такое суждение не может быть верным, — сказала упрямо девушка.

— Может. И я хочу прожить отрезок времени, который мне отмерен судьбой. Прожить, а не просуществовать!

Александр снова почтительно поцеловал девушке руку, сбежал вниз и скрылся за массивными дверьми.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Засядько ощутил, что раненный под ним конь валится на бок. Еще миг — и оба они рухнули в воду. К счастью, берег был близко. Засядько вскочил на ноги. Стоя по колено в воде, выхватил шпагу, звонко и отчаянно крикнул:

— Вперед! Не задерживаться!

И бросился на берег, где в панике суетились французские солдаты. Мимо него, выставив пики и пригнувшись к холкам лошадей, с гиком пронеслись казаки. Остальные торопливо выводили лошадей на берег, вскакивали в седла и тоже бросались в атаку.

— Вперед! — кричал Засядько. — Нужно захватить лагерь!

Появление русского отряда было полнейшей неожиданностью для французов. Основные части Суворова ударили

по их армии ниже по течению Адды, никто не ожидал десанта в этом месте. Да и сам Засядько не собирался вступать в бой по собственной инициативе, пока не подвернулась очень уж удачная, по его мнению, позиция для удара в тыл 8-го гренадерского полка французов.

Казаки умчались, и тут же из-за укрытия высочил ошеломленный офицер, почти мальчик. Увидев русского, он торопливо выхватил саблю.

— Сдавайтесь! — крикнул Засядько по-французски.

Однако следом за офицером откуда-то появились два гренадера. Со штыками наперевес они ринулись на русского.

Засядько отпрыгнул к валу, чтобы никто не зашел со спины. Первый натиск отразил довольно легко: один гренадер выронил ружье и схватился за пронзенную грудь. Зато второй отбросил ружье и подхватил чей-то огромный палаш. Вдвоем с офицером они надели на противника. В воздухе сшиблись, звеня, три клинка.

Офицера Засядько не опасался: у того была раззолоченная сабелька, больше пригодная для парадов, но гренадер рубил неистово. При каждом ударе приседал и свирепо хакал.

— Увалень, — пробурчал Засядько. — Сила есть, ума не надо.

Сильным ударом он отбросил далеко в сторону сабельку офицера и повернулся к гренадеру. Это был рослый усатый воин, видимо, уже побывавший с Бонапартом в его блистательных походах. Однако он побледнел, встретившись с горящими глазами русского.

Засядько прыгнул. Гренадер вскинул палаш, защищаясь, однако Александр уже изменил направление удара, и противник рухнул. Так рубились на Сечи деды и прадеды... Пригодились годы изнурительных упражнений в фехтовальном зале.

Подоспел офицер с саблей. Засядько перевел дыхание, однако француз, взглянув на сраженных соратников, побелел и бросил саблю на землю. Засядько подобрал оружие. Офицер опустился на землю и обхватил голову руками.

— Перестаньте, — сказал Засядько сурово. — Вы же мужчина! Сколько вам лет?

— Скоро будет двадцать два, — прошептал офицер.

Засядько не нашелся, что ответить. Ему самому на днях исполнилось двадцать лет. Правда, за два месяца

непрерывных боев пришлось столько раз вступать в рукопашные схватки, что другому бы хватило на всю жизнь. Трижды под ним убивали коней, дважды простреливали кивер, неоднократно он оказывался один против десятка противников, но всегда оставался цел и невредим. В сабельных схватках ему не было равных: он с легкостью сражался один против пяти и всегда побеждал. Его шпага сверкала, как молния, и неприятелю казалось, что у неистового русского сто рук и сто шпаг. Он успевал трижды пронзить противника, пока тот делал один-единственный выпад. Бывалые воины, которые начинали службу с Суворовым, дивились новичку и прочили ему великие подвиги. Но начальство не поощряло самовольных решений...

На следующее утро Засядько вызвали к Суворову. Он поспешил в штаб-квартиру полководца, зная, что фельдмаршал любил быстрых людей.

Возле домика, где располагался штаб, было сравнительно тихо. У коновязи топтались, пофыркивая, две низкорослые казачьи лошадки. На пороге сидел часовой и пытался вдеть нитку в иголку. На Александра он только взглянул искоса, всецело поглощенный своим занятием, даже не подвинулся.

Засядько перешагнул порог и оказался в светлой просторной комнате. Фельдмаршал стоял к нему спиной, рассматривая расстеленную на столе карту. Один край ее загибался, и Суворов придерживал его ладонью. Он был в простой белой рубашке, и его можно было бы приять за старичка-крестьянина, если бы букли и хохолок не выдавали представителя привилегированного сословия.

На стук шагов он обернулся, пристально посмотрел на молодого исполина. Рядом с Александром он казался еще меньше ростом и более щуплым. К тому же Засядько был застегнут на все пуговицы и стоял навтыжку, а Суворов, спасаясь от итальянской жары, расстегнул рубашку почти до пояса. В глаза бросалась плоская грудь с дряблой старческой кожей, поросшей редкими седоватыми волосами.

— Чем вы руководствовались в своем решении? — спросил вдруг очень быстро и резко Суворов.

— «Наукой побеждать»! — отчеканил Засядько без малейшего промедления.

На лице Суворова промелькнула улыбка. Он ревностно следил, чтобы в армии изучали его книгу по боевой тактике.

— А чем именно?

— «Удивить — значит победить!» — выпалил Засядько.

Суворов довольно улыбнулся, отпустил карту. Та, шурша, свернулась. Фельдмаршал прошелся взад-вперед, исподлобья поглядывая на молодого офицера.

— Что же все-таки мне с вами делать? — сказал он неожиданно жестко. — Переправившись через реку, вы оголили левый фланг шестого мушкетерского полка и австрийского корпуса. Вы хоть понимаете, что наделали?

— Я не защищался от противника, а бил его, — ответил Засядько. — Теперь австрийцам и шестому полку нечего делать. А мне не от кого их защищать.

Видно было, что фельдмаршалу нравились молниеносные и четкие ответы. Он терпеть не мог «немогузнаек» и тугодумов. Но в отношении этого молодого офицера он еще не принял решения. Хорошо, когда солдат быстро и правильно выполняет приказы. Однако, если каждый офицер начнет действовать в соответствии с собственными планами, то армия развалится...

— Вы поступили верно, — сказал Суворов, — но дисциплина есть дисциплина. Особенно в действующей армии. Что же мне с вами делать?

— «Как солдат — я заслуживаю наказания и отдаю свою шпагу. Как русский — я выполнил свой долг», — выпалил Засядько.

Суворов от неожиданности даже отпрянул, затем не удержимо рассмеялся. Это были его собственные слова после одного из сражений в Польше. Он тогда с восьмью сотнями казаков напал врасплох на пятитысячное войско гетмана Огинского и наголову разбил поляков. Начальник отдал его под суд. Однако Екатерина II прекратила дело словами «Победителей не судят». И вдобавок Суворов получил награду.

— Ой, хитер! Ой, хитер!

Суворов даже ногами затопал от удовольствия. Видно было, что ему очень приятно вспомнить молодость.

— самого Талейрана перехитришь! — воскликнул фельдмаршал, вытирая выступившие от смеха слезы. — Верно, победителей не судят. Кроме того, такому герою

стыдно все еще ходить в подпоручиках. Поздравляю вас, поручик Засядько!

Александр щелкнул каблуками. Суворов остановился перед ним, задрав голову, чтобы встретить взгляд ново-произведенного поручика, однако голос фельдмаршала звучал сурово:

— Имейте в виду, я стал поручиком лишь в двадцать пять лет! Вас ждет еще более скорая военная карьера. Будьте же ее достойны. О том, как вы владеете саблей, по всей армии ходят легенды, но теперь вы должны показать себя и умелым начальником.

В захваченный Милан Засядько въехал с нашивками поручика. Население города тревожно ожидало дальнейшего развития событий. Только что здесь была французская армия, теперь пришли русско-австрийские войска. Французы принесли с собой революционные порядки, сбросили монархию и ликвидировали остатки феодальных отношений, а на штыках двух императорских армий на-верняка вернется старое...

Когда офицеры пустились рыскать по городу в поисках увеселительных заведений, Засядько знал, куда он поедет. К его удивлению, один попутчик все же отыскался. Это был Аркадий, сын Суворова, который успел зарекомендовать себя храбрым офицером, хотя сначала боевые офицеры и относились к нему с предубеждением. Все знали, что с одиннадцати лет он находился при дворе, получая чины и награды за отцовские заслуги. Однако в первом же бою Аркадий, не дрогнув, встретил конницу французов, отразил атаку и сам во главе батальона бросился в погоню. Он был мал ростом, тщедушен и хил, не отличался отцовскими талантами, однако в полку его полюбили за несомненную отвагу.

— Трактиры, — сказал Засядько полувопросительно, — заведения в Италии веселые — вино и девушки... Ты за этим?

Аркадий застенчиво улыбнулся, показывая мелкие зубы.

— Нет... Пить я не люблю. У меня потом голова болит. Я лучше пройду по музеям, древним дворцам, посмотрю памятники.

Александр огляделся по сторонам.

— Здесь каждый дом — музей, дворец или исторический памятник. Сама площадь Пьяцца дель Дуомо — история. Вон там видны стены, сложенные еще римляна-

ми... Слева — церковь Сан-Лоренцо Маджоре, ее построили в четвертом веке после рождества Христова...

— Откуда ты все знаешь? — удивился Аркадий. — Ты здесь жил? Или бывал?

— И жил, и бывал. В воображении.

Аркадий сначала смотрел оторопело, потом понял и рассмеялся.

— Здорово! Переносился на крыльях мечты. Ты любишь сказки?

Засядько ответил уклончиво:

— Для меня любое явление природы — сказка и лучшая в мире поэзия. А самые любимые сборники поэзии — разные энциклопедии и справочная литература...

Они выехали на широкую улицу, и тут Аркадий внезапно остановил коня. Засядько нетерпеливо кивнул головой. Дескать, поехали, здесь нет ничего достойного внимания. Залитая солнцем пыльная улица, полуразрушенные дома, о ремонте которых давно никто не заботился, на стертых ступеньках сидит молодой итальянец с гитарой на коленях. Небрежно перебирая струны, поет. Томно, проникновенно, полузакрыв глаза.

Аркадий зачарованно смотрел на уличного певца. Тот был одет в лохмотья. Правда, выглядели они на нем как одеяние вельможи. Певец сидел в небрежной позе. Ему было явно безразлично, смотрит кто на него или нет. Он наверняка пел и играл для собственного удовольствия.

— Поехали, — сказал Засядько нетерпеливо.

— Да ты только посмотри на него! В тряпках, а держится как принц, — сказал Аркадий восхищенно. — А как поет, как поет! Действительно, Италия — страна певцов и музыкантов.

И нехотя пустил коня вслед за Александром. Засядько ехал с каменным лицом. Песня уличного музыканта ему понравилась, однако у молодого поручика имелись и свои соображения. Он не хотел высказывать их сыну фельдмаршала, чтобы не портить тому очарования.

Через несколько минут им попала бегущая группа возбужденных людей. Они гнались за каретой, что-то восторженно кричали. Некоторые потрясали листками бумаги.

— Что случилось? — спросил Засядько у одного из бегущих.

— Проехал великий Мадзони!

— Все понятно,— кивнул Александр и пустил коня в галоп.

Аркадий, не понявший ни слова по-итальянски, догнал его и поинтересовался:

— Чего это они?

— Проехал великий Мадзони,— ответил Засядько с улыбкой.

— Кто это?

— Дирижер. Ставит «Лодоиску» Керубини.

— А-а-а...— протянул разочарованно Аркадий.— А я думал, что по крайней мере сам Керубини... Кстати, где он? Может быть, мы и его увидим?

— Если приедем в Париж. Он сейчас там. Сочиняет музыку для революционных праздников и траурных церемоний.

— А оперы?

— Лучшие оперы он написал здесь,— ответил Засядько, невольно демонстрируя свою музыкальную эрудицию,— «Элиза», «Медея»...

Аркадий хлопнул ладонью коня по шее и расхохотался.

— Но как встречаются дирижера, а? Нет, этот народ действительно помешан на музыке! Божественный народ.

— Не понимаю, что тебя восхищает,— ответил Засядько сухо.— На их земле сражаются друг с другом иностранные армии, а они поют! Здесь с огнем и мечом проходили вестготы, остготы, вандалы, войска Фридриха Барбароссы, здесь сражались друг с другом армии Испании и Франции, Австрии и Франции, а теперь вот русско-австрийские войска дерутся с французскими. А итальянцы — поют! Прости, но меня этот поющий принц в живописных лохмотьях не трогает. Представь себе, что другие страны воюют друг с другом на территории России, словно бы ее и не существует!

— Ах,— сказал Аркадий с неудовольствием,— я совсем не смотрю так... Просто люблюсь.

— Я тоже люблю петь,— заметил Александр жестко,— но только не тогда, когда в моей комнате хозяйничают чужие люди, ломают мебель и рвут книги. Тебе же советую поспешить к памятникам и музеям, а то при таких хозяевах скоро от них ничего не останется! — Он подтолкнул товарища в спину.— Не теряй времени!

Аркадий послушно прищипорил коня. Простучали подковы по камням мостовой, взметнулась пыль. Зеваки шахрахнулись в стороны, кто-то сердито закричал.

Засядько остановился. Он услал Аркадия еще и потому, что как раз проезжал мимо Каstellо Сфорцеско, где в Зала делла Ассе фрески были сделаны по эскизам самого гениального из людей — Леонардо да Винчи. Перед творением гениального мастера хотелось предстать одному, чтобы никто не мешал. Потом, если будет время, он покажет Аркадию и «Тайную вечерю», которая находится в трапезной Санта-Мария делле Грацие, и многие памятники, которыми так богат древний Милан, но это потом...

Удивленный библиотекарь вежливо подал русскому офицеру затребованные им материалы. Засядько отыскал укромный уголок и углубился в чтение. Это были изданные на итальянском языке записные книжки и рукописи Леонардо. Ученый не оставил систематического изложения своих мыслей, среди семи тысяч листов хозяйственные счета попадались так же часто, как и удивительные по проницательности догадки.

Просматривая записи, Засядько ощутил благоговейный трепет. Даже сейчас, спустя триста лет, многое поражало дерзновеннейшим предвидением. Проекты металлургических печей и прокатных станов, ткацкие станки, печатные, деревообделочные, землеройные и прочие машины, подводные лодки... Много и сейчас кажется немыслимым, правда, не ему, а тем смелым, но недалеким людям, что с криками «ура» бросаются друг на друга и убивают, убивают, убивают... И сейчас еще они убеждены, что Земля плоская, а небесная твердь — хрустальная. А те, что правят, не лучше их и не умнее. Триста лет прошло, а почти ничего из великих начинаний Леонардо не осуществлено! Принимается лишь то, что понятно и невежде: например, картины и фрески, да еще красочные придворные феерии и некоторые военно-инженерные сооружения. А конструирование летательных аппаратов все еще считают и долго еще будут считать ошибкой или заблуждением великого гения.

Засядько на мгновение прикрыл глаза, стараясь справиться с внезапно нахлынувшим приступом тоски. Черная, тяжелая, холодная, она сдавила грудь, заледенила сердце. Если изобретения Леонардо лежат в бездействии триста лет, то сколько же придется ждать его ракетам?

Сто лет? Триста? Тысячу? Ведь о ракетах даже такой титан, как Леонардо, не упомянул ни разу!

На мгновение Засядько ощутил страх. А может, Леонардо не считал ракеты перспективным делом? Может, только потому и не брался за них? Не-е-ет... Не может такого быть. Видимо, ракеты опередили время еще на большее количество лет. Сначала войдут в жизнь такие изобретения Леонардо, как металлургические печи, подводные лодки, прокатные станы, землеройные и прочие хитроумные машины, и лишь потом наступит эпоха ракет...

Он вернул книги библиотекарю и пошел к выходу, стараясь ступать твердо. В глазах потемнело от горя. Значит, он никогда не увидит свою мечту осуществленной? Никогда не увидит, как огромные ракеты взмывают в небо и берут курс на Луну и другие планеты?

Он постоял на ступеньках, чтобы немного успокоиться. Вспомнилась притча о старике, который сажал яблоньку. Да, скорее всего он так и не увидит плодов своего труда. Но что делать? Оставить мечту? Тогда ракетным делом могут не заинтересоваться еще столетия. А так, может быть, его работы и заронят новые мысли в чьи-нибудь светлые головы...

Засядько вздохнул, сбегал вниз по ступенькам. Лошадь встретила его призывным ржанием. Александр отвязал ее, вскочил в седло и вихрем помчался посреди центральной улицы.

На помощь потерпевшей поражение армии Моро из центральной Италии спешил генерал Макдональд. С ним было тридцать шесть тысяч закаленных солдат. В первом же бою Макдональд наголову разбил восьмидесятишеститысячное австрийское войско и погнал к Адде. Там уже стоял оправившийся корпус генерала Моро.

Суворов по тревоге поднял войска и, оставив у Александрии заслон против Моро, бросился навстречу Макдональду. Он понимал, что если обе французские армии соединятся, то сражаться с ними будет очень трудно. Хотя численность французских войск значительно уступала союзным под его командованием, однако во главе французских армий стояли талантливые генералы, выдвинутые на командные посты революцией. В самой французской армии были приняты новые порядки, про-

ведена коренная реорганизация, благодаря которой она была отборные австрийские и прусские войска.

Засядько вел свою роту на предельной скорости. Солдаты изнемогали от жары и с завистью посматривали на казаков: их крепкие кони не знали усталости.

— Держитесь, ребята, — подбадривал Засядько солдат, из которых почти половина была вдвое старше его. — Впереди — Требия! Там искупаемся, отдохнем и будем ждать французов.

Один из солдат обернулся к нему. Из-под чужеземной треуголки и напудренных буклей на Александра глянуло открытое русское лицо, и ему вдруг стало неловко, словно предложил сделать что-то нехорошее.

— Тут и реки не такие, — сказал солдат тихо, — и земля не такая... А у нас сейчас весна...

— Ваше благородие, — обратился второй солдат, постарше, — вот мы воюем с французами, но не на нашей земле, на ихней...

— Здесь была великая Римская империя, — ответил Засядько, радуясь возможности отвлечь солдат от мыслей об изматывающем переходе. — Некогда она правила миром. Теперь ее нет, а на земле, которую она занимала, другая страна — Италия...

— Италия? — удивился солдат. — Разве не французы тут живут?

Засядько как мог объяснил ситуацию. Умолчал лишь о том, за что сражаются здесь русские, украинские, белорусские крестьяне, волею императора Павла превращенные в солдат. Во вновь отвоеванных районах восстанавливались монархические порядки, республика и конституция отменялись, бразды правления захватывали австрийские чиновники.

На дальних подступах к Требии услышали гром пушечной канонады. Навстречу стали попадаться отступающие, а затем и бегущие сломя голову разрозненные отряды австрийской армии.

— Не придется искупаться, — усмехнулся невесело один из гренадеров. — Ох, не придется!

На его потном, покрытом разводами грязи и сожженным итальянским солнцем лице ярко выделялись измученные голубые, как васильки, глаза. Товарищи его молчали, мрачно глядя перед собой.

Вскоре они увидели, как по пятам за остатками австрийских частей двигалась французская армия. Впереди

рассыпным строем шли стрелки, за ними с музыкой и барабанным боем маршировали ударные колонны войск. Они были готовы к новой атаке! Несмотря на кровопролитный бой, несмотря на адскую жару, вид у французской армии был свежий.

На взмыленном коне промчался курьер. Тотчас же русские полки стали выстраиваться в развернутую линию. Батальоны замерли в трехшеренговом строю с полковыми орудиями против интервалов между батальонами.

Эти орудия, как отметил Засядько, успели дать лишь один залп. Две армии сошлись в штыковом бою. Засядько врубился в ряды противника, затем оглянулся на своих солдат. Натиск французов был страшен. Первая линия русских была уничтожена полностью, вторая и третья — смяты и отброшены. Массированный удар основной колонны пришелся по двум мушкетерским ротам. Там выдержали только стоявшие на флангах гренадерские роты. На помощь был брошен 2-й специальный гренадерский полк, и сражение продолжалось с неослабевающим упорством.

Отражая удары, Засядько начал осторожно пятиться к своим. Мелькнула мысль, что немногие из его солдат успеют. О себе как-то не думалось, в сознании прочно засела уверенность в неуязвимости. Правда, эта неуязвимость зависела от его ловкости и умения. Стоило чуть сплосховать...

К вечеру он вывел остатки роты на отдых. Ее место занял гренадерский батальон, который к утру потерял больше половины состава.

Жестокий, кровопролитный бой длился сутки, потом еще и еще одни. Маленькая речка Требия покраснела от потоков крови. К концу третьего дня натиск французских войск стал особенно яростным. Русские части дрогнули и начали отступать. Французы усилили нажим, и вскоре отступление превратилось в беспорядочное бегство.

Засядько как раз выводил из-под удара эскадрона кирасиров уцелевших солдат своей переукомплектованной роты. Увидев бегущих, он, не раздумывая, повернул роту и поспешил на помощь.

Однако его опередили. Откуда-то на взмыленной казачьей лошадке появился Суворов. Солдаты приободрились. Оценив одним взглядом обстановку, Суворов, по-

видимому, принял решение и пристроился во главе бегущих.

До Александра донесся его старческий тенорок:

— Заманивай их, заманивай!

«Вот оно что, — подумал Засядько с невольным восхищением. — Молодец старик... Но удастся ли?..» На всякий случай велел своим солдатам приготовиться к залпу, поняв, что позорное бегство Суворов пытается превратить в тактический маневр, который вот-вот завершится контратакой. Лица бегущих солдат светлели, паническое бегство уже не казалось бегством. Постепенно солдаты перестраивались, выравнивали линию.

Вдруг Суворов осадил коня.

— Стой! Теперь на врага!

Гренадеры повернулись, французов встретило грозное каре. Наступающие разбились о него.

Засядько закричал своим:

— Огоны! И — в штыки!

Последовал залп. Он был произведен почти в упор. Солдаты ринулись с холма для штыкового удара. Французы дрогнули и стали отступать. Пехотное каре, наспех созданное Суворовым, решительно двинулось за ним.

Фельдмаршал благодарно кивнул поручику и крикнул:

— Браво, батенька! Преследуйте, не давайте опомниться. Пусть думают, что это свежие части!

«Какое там, — подумал Засядько, — ноги как гири, а сабля похожа на серп...»

Однако преследовать противника легче, чем отступать. Позабыв об усталости, он со своими солдатами гнался за неприятелем, пока не оттеснил его за реку. И лишь тогда почувствовал, что больше не в состоянии пошевелить и пальцем.

Он так и заснул прямо у воды, не выпуская из рук окровавленную и выпербленную саблю.

ПОДВИГ В МАНТУЕ

3 августа русские войска подошли к Мантуе. Засядько с волнением смотрел на старинный город. Это родина Вергилия, здесь же в XV—XVI веках возникло итальянское Возрождение, здесь велась в 1628—1631 годах знаменитая война за мантуанское наследство между Габ-

сбургами — испанскими и австрийскими — и Францией... Здесь всего год назад Бонапарт в сражениях при Кастильоне, Роверето, Басано, Арколе и Риволо наголову разгромил превосходящие силы австрийцев и захватил этот прекрасный город-крепость...

Засядько полдня потратил на оборудование батареи, затем взял двух казаков и поехал в разведку. Собственно, батареей почти не приходилось заниматься. Суворов следовал своему изречению: «Пуля — дура, штык — молодец» и мало уделял внимания артиллерии. В поход он взял столько орудий, сколько ему было велено взять, однако что это были за чудовища! Всего несколько единорогов и «секретных» гаубиц системы Шувалова, а остальное смело можно было помещать в кунсткамеру. Здесь были кулеврины, серпантины и даже гафуницы. Обслуживали их люди, которые предпочитали в сражениях не ввязываться. Впрочем, так часто и случалось: престарелый фельдмаршал всем инженерным ухищрениям предпочитал рукопашную.

Засядько сердито прищипывал коня. Его раздражало, что фельдмаршал не понимал растущей роли огнестрельного оружия. Что можно сделать штыком? Все приемы уже отрететированы до совершенства. А сила огнестрельного оружия постоянно растет, и молодой император Франции, выпускник артиллерийского училища, прекрасно это понимает и с блеском использует орудия в каждом сражении.

— Ваше благородие, — обратился к нему один из казаков, — с северной стороны ворота открыты!

В крепости уже знали о приближении русских войск и спешно готовились к обороне. Однако, как Засядько и предполагал, в ворота с северной стороны еще тянулись последние телеги. С этой стороны никто не ждал нападения, ибо колонны русских войск только-только показались с южной стороны.

— Вперед! — приказал Засядько.

Он прищипорил коня. Все решали секунды. Возле ворот поздно заметили появление офицера в русской форме. Засядько выстрелил в лицо гренадеру, направившему на него ружье. Молоденький и тоненький, как кузнецик, офицер схватился за шпагу, но Засядько на полном скаку подхватил его с земли, ударил по голове и круто повернул лошадь. Еще одного солдата смял конем, сзади вовремя загрохотали копыта лошадей его казаков.

Засядько пустил коня во весь опор от крепости. Пленный неподвижно лежал поперек его лошади, не делая попыток к освобождению.

Сзади загревели выстрелы. Засядько тревожно оглянулся. Из ворот крепости выскочили три всадника, за ними еще два, а затем вылетел целый отряд. Казаки, рубившиеся с обозниками, повернули коней и бросились наутек.

«Плохо дело, — подумал Засядько, — не успею».

Он прижался к шее коня:

— Вывози, родной! Не дай на чужой земле погибнуть!

Скакун словно понял. Дорога еще быстрее помчалась под ноги, ветер яростно бил в лицо, однако расстояние между ним и погоней все сокращалось. Слишком уж тяжела была ноша у его коня.

Сзади грянуло два выстрела. Поминутно оглядываясь, Засядько видел, что оба казака умело орудуют саблями, задерживая погоню. Раненый француз со знаками различия майора сполз по шее горячего арабского скакуна на землю, рядом вылетел из седла здоровенный кирасир. Однако расстояние сокращалось...

Казак крикнул:

— Ваше благородие, берите левее! Там хлопцы нашего отряда!

Оба казака повернули лошадей и перегородили дорогу. Они решили принять бой с целым отрядом.

Засядько стиснул зубы и прищипорил коня. Однако топот сзади утих лишь на мгновение. Несколько кирасиров не стали ввязываться в схватку с казаками, и ринулись за русским офицером.

Засядько едва успел выхватить саблю. В это время пленник очнулся и стал отбиваться. Засядько сбросил его на каменную дорогу и отразил первый сабельный удар. Один из кирасиров прицелился в него из пистолета. Засядько молниеносно выхватил свой и всадил пулю прямо в переносицу медлительному стрелку. Кто-то выстрелил сзади, пуля царапнула висок. Александр отчаянно отбивался, вертясь на коне как бес. Но нападающих было слишком много, положение становилось отчаянным.

И вдруг в самый критический момент среди французов наступило замешательство. Засядько всадил шпоры коню в бока и вырвался из кольца. Но никто не бросился

за русским офицером, все поворачивали лошадей и гнали их в сторону крепости.

И лишь тогда Засядько услышал резкое казачье гиканье. Через мгновение из-за поворота дороги выскочил отряд казаков. Они неслись во весь опор, потрясая саблями, выставив пики.

К Александру подъехали оба его казака, запыхавшиеся, но невредимые.

— Целы, ваше благородие? — спросил один из них заботливо. — Ну и сеча была! Из такой живым можно выйти только раз в жизни.

Засядько молча слез с коня. Ему такое уже говорили. «Раз в жизни». Потом еще раз. Потом еще. А потом и счет потерял.

Он подошел к офицеру, которого увез от стен крепости. Тот пошевелился и открыл глаза.

— Где я?

— Не волнуйтесь, все в порядке, — ответил Засядько по-французски.

— Слава девице Марии, а я уже думал, что эти ужасные русские...

Он умолк, глядя на форму Александра. Потом охнул и закрыл лицо руками. Казаки довольно захохотали.

— Знатная добыча! Интендант, небось. А они все внают, что и как в крепости делается.

Штурм Мантуи был назначен на пять часов утра. Засядько ночью не спал, занимался подготовкой роты. Указал младшим командирам место сосредоточения и направление их штурмового удара, пересчитал лестницы и лопаты, затребовал вдвое больше, чем отпустили запасливые интенданты.

Солдаты тоже не спали. Все понимали, что для многих этот бой будет последним. Горели костры. Старые солдаты делились воспоминаниями с молодыми. Засядько переходил от костра к костру, считая своим долгом подбодрить, настроить воинов на тяжелый бой у крепостной стены.

В три часа ночи войска заняли исходные позиции. В пять взлетела петровская ракета.

— Вперед!

Засядько выхватил саблю и ринулся к крепости. Широкий ров с водой ему удалось перепрыгнуть, не замо-

чив ног. Пока солдаты барахтались внизу, он вскарабкался на вал. Земля осыпалась под ногами. Над головой словно бы раскололось небо: из крепости грянули сотни орудий. Он невольно пригнул голову.

Из рва выкарабкивались солдаты с длинными лестницами.

— Быстрее! — торопил Засядько.

Прислонил лестницу к стене и полез вверх. Направление главного удара было намного левее, но Засядько не позволял себе воевать вполсилы.

Наверху спохватились, протянули руки, чтобы оттолкнуть лестницу. Александра спасла скорость. Как белка, он мигом преодолел последние метры и успел ударить саблей по рукам. За крепостной стеной раздался яростный крик.

Мгновение — и Засядько вскочил на стену. На него бросился огромный широкоплечий кирасир с бычьей шеей, стремясь свалить его вниз. Засядько применил боевой прием, и на стене стало пусто, лишь прозвенел стремительно удаляющийся крик.

Из укрытия высыпала целая группа солдат. Со штыками наперевес они налетели на русского офицера и отхлынули, оставив троих распростертыми на каменных плитах. В это время подоспели русские солдаты. Засядько велел расширить плацдарм, чтобы штурмующие могли приставить еще несколько лестниц.

Французы открыли истребительный ружейный огонь. Укрыться было негде, солдаты падали один за другим. Засядько с болью и яростью оглядывался по сторонам. Русские орудия гремели с противоположного конца. Основной удар фельдмаршал замыслил нанести там. Но не лучше ли было бы теперь развивать успех атаки здесь?

— Перебьют, как зайцев, — хладнокровно сказал один из старых гренадеров, которого молодежь звала просто Савельичем. Он выжидающе смотрел на Засядько. — Что будем делать? Мы вроде мишени, ваше благородие.

— Они целятся из той вон башенки... Нужно бы выбить...

— Осилит ли? — засомневался Савельич.

— А что нам остается делать? — ответил зло Засядько. — Впе-е-ред!!!

Он ринулся через площадь. Несколько пуль ударили по каменным плитам, просвистели в воздухе, одна попала

рикошетом в пожны. Александр, не останавливаясь, сбил с ног французского солдата у входа в башню и ворвался в коридор. Несколько гренадеров стояли у бойниц и налили по горстке русских, бегущих через площадь.

Засядько выстрелил из пистолета и, как бешеный конь, понесся по коридору. Кого не успевал сразить саблей, таранил корпусом, сбивая с ног. Когда был уже на середине коридора, увидел, что французы, опомнившись, сбились в плотную кучу, выставив вперед щетину штыков. В этот момент сзади прогремело оглушительное «ура». Это в коридор ворвались русские солдаты.

Когда неравная схватка кончилась, Савельич сказал обеспокоенно:

— А ведь атаку наших отбили!

Он тяжело отдувался, лицо его было красным и распаренным, несмотря на утреннюю прохладу. Немецкий мундир был изорван, напудренная косичка стала серой от пыли, белые гетры покрылись черными пороховыми пятнами, среди которых были и красные пятна от крови. Засядько в который раз, даже в столь неподходящее время, подумал, как нелепо выглядит прусская форма на русском мужике.

— Мы выполняли отвлекающий маневр, — объяснил он солдату. — Главный удар наносят севернее.

— Ту атаку тоже отбили, — как будто равнодушно заметил Савельич. — Еще раньше, чем мы взяли эту башенку.

Засядько прислушался. Орудия продолжали греметь с обеих сторон, но беспорядочная торопливая пальба превратилась в организованную. Так стреляют, когда цели можно выбрать без особой спешки.

— Атаки наших будут идти одна за другой, — сказал Засядько, успокаивая солдат. Сам же с тревогой думал о том, что в интервалах между атаками ничто не мешает французам выбить их из башенки в два счета. Солдаты это тоже понимали.

— Вот откуда придется идти к солдатскому богу, — сказал Савельич неторопливо.

Засядько лихорадочно раздумывал. Держать осаду здесь? И четверти часа не продержаться. Сделать вылазку? Но куда?

— Савельич! — окликнул он старого гренадера. — Не помнишь, ворота крепости где-то под нами?

— Вроде бы... — ответил ветеран, с досадой потерев косичку. — Надо лишь спуститься по этим чертовым ступенькам...

— Вот-вот, — подхватил Засядько. — Другого пути у нас нет. Ты останешься здесь. Бери половину молодых по своему выбору, будешь поддерживать огнем. А я с остальными попытаюсь прорваться к воротам. Изнутри! Если сверху ударят нам в спину — задержи.

Он оглядел свою группу. Двадцать два человека... Савельич расставил свой отряд у бойниц и открыл заградительный огонь.

— Пора!

Они выскочили из башенки, пересекли площадку и побежали вниз по широким каменным ступенькам. По дороге сшибли оторопевшего от неожиданности француз за с зарядным ящиком на плече и, будто лавина, понеслись дальше.

Засядько гигантскими прыжками мчался впереди. Каменная лестница, лепившаяся к крепостной стене, и в самом деле вела к воротам, но... там оказался целый отряд кирасиров!

Однако остановиться было уже невозможно. Засядько прыгнул прямо на головы защитникам, следом с громовым «ура» ринулись его солдаты. Он сразу же бросился сбивать с ворот громадные запоры. Ему торопливо помогали два здоровенных молодых парня, уроженцы Белой Руси. Сзади за спиной кипела жестокая схватка. Русские дрались отчаянно, однако французов было в несколько раз больше. Солдаты падали на каменные плиты, чтобы уже никогда не подняться...

Засядько яростно сбивал запоры. Помогавший ему солдат охнул и сполз на землю, цепляясь ногтями за металлическую обшивку ворот. Второй шагнул в сторону и тоже упал. На спине у него расплылось кровавое пятно.

— Убрать стрелков! — крикнул Засядько, не оборачиваясь.

Еще две пули прожужжали возле его головы. Крики и лязганье сабель приблизились вплотную. Значит, гибли последние из его солдат...

Отчаянным усилием он сбил последний засов и навалился на ворота. Тяжелые створки медленно, словно нехотя, распахнулись. В воротах завязался последний кровавый бой. Французы старались выбить русских за ворота

и закрыть створки, а русские отчаянно цеплялись за каждую пядь земли. Все знали, что если отступят — все жертвы будут напрасными.

Внезапно сверху раздался торжествующий крик. Засядько увидел бегущих по лестнице французов. «Савельича, значит, уже нет...» — подумал с горечью.

К воротам со всех сторон сбегались французские солдаты. Засядько оказался в толпе неприятелей. Он с трудом отражал удары, рядом уже не осталось ни одного русского. Его медленно оттесняли за ворота. Несколько французов ухватились за створки, пытались свести их и снова запереть ворота крепости. «Я сделал все, что в человеческих силах», — успел подумать Засядько.

Вдруг его буквально оглушило неистовое гиканье, что-то потное и тяжелое отбросило в сторону. В крепость ворвалась казачья конница! Плотной лавиной казачий полк вливался в распахнутые настежь ворота, растекался по улочкам...

Засядько в изнеможении опустился на землю. Сабля выскользнула из ослабевших пальцев и вонзилась в почерневшую от пороховой копоти землю.

Вслед за казаками промаршировали солдаты с ружьями наперевес и офицерами во главе. Вроде бы даже под музыку. И откуда только взялся оркестр в этом аду?..

Мантуя пала.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА В ИТАЛИИ

Было захвачено 260 орудий, 4000 пудов пороха, 30 тысяч пушечных ядер и несколько продовольственных складов. Трофеи были велики, но Суворов предпочел бы вместо них еще пару складов с продовольствием. В соответствии со своим планом он собирался пройти к морскому побережью, а оттуда ударить всеми силами по столице революционной Франции. Оружия хватало, но с продовольствием было неважно. Австрийский военный совет не позаботился о своевременном снабжении союзных войск.

В расположении русских войск было тихо. Солдаты чистили обмундирование, драили кивера, вспоминали недавнее сражение. Горячо и с восхищением говорили о том, как фельдмаршал Суворов прямо на развалинах

крепости срывал с Засядько знаки различия поручика, чтобы тут же произвести его в капитаны. Все понимали, что героическим подвигом молодой офицер облегчил взятие неприступной крепости и тем самым, возможно, сохранил им жизнь.

На другой день после падения крепости прогремели боевые трубы.

Тревога!

Солдаты вскакивали, торопливо строились в каре. Издали было видно, как от штаб-квартиры фельдмаршала во все стороны на лошадях помчались адъютанты.

Засядько неспешно обходил своих людей. Он догадывался о причине: французская армия перешла в наступление. Командовал ею молодой генерал Жувер. Вообще, как заметил Засядько, у французов большинство командиров были молодыми и талантливыми полководцами. Они успешно били пруссаков и австрийцев, опираясь на революционный энтузиазм и коренную реорганизацию армии. Новые порядки позволили занимать командные посты действительно одаренным людям. Титулованные ничтожества не имели перед выходцами из народа никаких преимуществ. К тому же аристократы и без того почти все были уничтожены штормом революции или спаслись бегством в Англию, Россию и другие страны с монархическими режимами.

Утром Засядько со своим батальоном выступил в поход. Шли на фланге 6-го гренадерского полка. По всей видимости, им предстояло выполнить важную задачу: Засядько несколько раз видел Суворова, гарцевавшего на своей любимой казачьей лошади вдоль сдвоенной колонны. Узнав Александра, фельдмаршал крикнул:

— Что нос повесил, капитан? Посмотри, какие у тебя чудо-богатыри!

Засядько козырнул, вспомнил Савельича и других, первыми взобравшихся на крепостную стену Мантуи, и ответил тихо:

— Мои чудо-богатыри остались в крепости. Одни на площади, другие у ворот. Надо бы наградить их. По-смертно...

— Напишите реляцию, — велел Суворов, стегнул коня и поскакал дальше.

В тот день составить реляцию не удалось. Через два часа под небольшим городишком Нови Суворов атаковал

армию Жувера. Как Засядько и предполагал, его батальон вступил в бой в числе первых.

6-й гренадерский полк, построившись в линию развернутых батальонов, дал залп и пошел в штыковую атаку. Засядько подивился молодости и стойкости французских солдат. Сражались они неистово, закаленные суворовские солдаты ничего не могли с ними сделать.

Первая атака была отбита с большими потерями для русских войск. На левом фланге та же участь постигла австрийцев. Кое-где французы пытались перейти в контратаку, но были остановлены стрелками.

Вторую атаку французы отбили с еще большими потерями для русских и австрийских соединений. Засядько заметил внутри французских порядков перестроение и попридержал свой батальон. Как оказалось, не зря.

После третьей атаки, которую французы отбили с большим уроном для нападающих, кирасирский полк по указанию Жувера стремительно ударил во фланг 6-го гренадерского, стремясь с ходу смять батальон Засядько и выйти в тыл основных мушкетерских соединений.

Натиск был столь стремителен, что русские даже не успели выстрелить. Передние ряды французов неожиданно выросли перед ними и ударили в штыки. Засядько поспешил в гущу схватки. Нужно было во что бы то ни стало задержать атакующую колонну, иначе исход всей битвы будет решен в пользу французских войск. Из его воинов ни один не дрогнул. Сражались остервенело, не выпуская оружия.

Жувер бросил в бой отряд конницы, чтобы она довершила начатое. В это же время Суворов перегруппировал отступающие части и сам повел их в последнюю отчаянную атаку.

Страшное и печальное зрелище предстало перед ним. Здесь стоял батальон молодого капитана Александра Засядько... А теперь поле усеяно павшими русскими и французскими воинами. Батальон пал смертью храбрых, но не отступил ни на пядь. Тем самым он дал возможность фельдмаршалу собрать разрозненные части для четвертой атаки.

И когда русские пошли в жестокий штыковой бой, один из сраженных зашевелился и тяжело поднялся, опираясь на залитую кровью саблю. Был он высок, широкоплеч и страшен в окровавленной одежде, с запекшейся

кровью на бледном лице. Это был капитан истребленного гренадерского батальона Александр Засядько.

Бой решила четвертая атака и рейд русской конницы. Она появилась в тылу противника и вызвала там замешательство. Французские войска стали отступать.

Немного оправившись, Засядько принял участие в преследовании. Его внимание привлек один из французских кирасиров, врубившийся в ряды русских солдат и пытающийся сдержать натиск. Острая сабля сверкала как молния, не один из пехотинцев расстался с жизнью, пока Засядько подоспел к месту схватки.

— Эй, богатырь! — крикнул Засядько по-французски. — Хватит простых солдат рубить, померяйся силами с равным!

Он прищипорил коня. Кирасир злобно оскалился, вскинул огромный палаш. Удар был страшен. Засядько едва успел закрыться. Лезвие палаша скользнуло по его сабле и сорвало с плеча эполет.

— Теперь держись, — сказал Засядько мрачно.

Однако француз отразил атаку мастерски. Распавшись, Александр обрушил каскад ударов, но кирасир оказался бывалым воином, не ушел в глухую защиту и, отражая сабельные удары, все время выбирал позицию для ответной атаки.

Засядько ощутил смутную тревогу: впервые за всю войну попался противник, который разгадывал его боевые приемы. И он решил применить прием, которым пользовался лишь в самом крайнем случае. Это было из боевого наследия запорожцев. Когда-то отец показал ему составные части обманного движения и сокрушительного удара. Александр научился наносить его еще в то время, когда скакал верхом на прутике и сек крапиву деревянной саблей...

Он взметнул саблю. Р-р-раз! Поворот... Страшный удар!!!

Француз вдруг странно изогнулся, его палаш повернулся острием к русскому офицеру, и... сабля Александра почти над самой головой противника вырвалась из рук. Вырвалась с такой силой, что удержать ее не было никакой возможности...

И Засядько узнал этот прием. Но его применяли только люди, обученные на Хортице...

Прежде чем француз занес свой палаш над обезоруженным противником, Александр, сдавленно вскрикнув,

прыгнул навстречу. Сцепившись, они свалились с лошадей. Засядько обеими руками схватил палаш и вырвал его из рук француза. Тот не сопротивлялся, настолько сильно ударился при падении.

— Отвечай! — потребовал Александр. — Кто научил тебя так драться?

Француз злобно плюнул ему под ноги и вдруг ответил на чистейшем украинском языке:

— Были люди, научили!

Засядько опешил.

— Ты... ты знаешь украинский язык?

— Знаю, — ответил француз зло.

Он попытался подняться, но болезненно сморщился, стиснул зубы, стараясь унять стон. Повсюду мелькали мундиры русских солдат, бежавших вперед, гремело «ура». По их красным, распаренным лицам струился пот, сапоги глухо стучали по накаленной почве.

— Я сам украинец, — сказал Засядько, желая вызвать француза на откровенность. — И меня удивили твои фехтовальные приемы...

— Меня тоже удивило твое искусство, — ответил француз.

— Будем считать, что мы обменялись комплиментами. А теперь скажи: где ты научился так драться?

Кирасир с трудом поднялся и сел. Кисть правой руки кровоточила от удара о камень.

— На Сечи, — буркнул он.

— Я так и думал, — кивнул головой Засядько. — Первые уроки я тоже получил там. На саблях.

— Это заметно, — проворчал француз.

Он поднялся, пошатнулся, зло осмотрелся по сторонам. С русской стороны уже спешили санитары, показавшаяся повозка для раненых.

— А как ты попал на Сечь? — полюбопытствовал Засядько.

— Отряды запорожцев сражались повсюду в Европе, — ответил кирасир неохотно. — Познакомиться и подружиться с украинскими рыцарями было нетрудно. Я был сорвиголовой, искателем приключений... Попросился к ним в отряд, прожил на Сечи три года. Может, и остался бы там навсегда — ваши девушки не уступают парижанкам, — но Сечь вскоре разрушили... С тех пор прошло двадцать лет, даже больше, но я не забыл ни одного приема, которыми овладел там.

Подъехал капитан Васильев с двумя драгунами. Он всюду появлялся не иначе как в сопровождении двух-трех солдат и чаще всего после сражений, когда переставали греметь пушки и затихали крики.

— О, — воскликнул он, — Засядько снова отличился. Поздравляю вас, капитан! Вы славно потрудились во славу русского оружия.

Один из драгун по его знаку спрыгнул с лошади, помог взобраться на нее пленному офицеру, а сам остался пешим.

Засядько, не отвечая, вскочил на своего коня. В отдалении гремели орудия, по разбитой дороге, огибая опрокинутые повозки, нескончаемым потоком двигался обоз русской армии. Он уже отъехал добрую сотню саженей, как вдруг услышал истошный крик:

— Стой! Стой, сволочь!

Александр оглянулся. Пленный француз повернул лошадь и скакал к нему. Он был невооружен и, очевидно, хотел что-то сказать или о чем-то попросить русского офицера, захватившего его в плен.

— Стой, сволочь! — услышал Засядько еще раз.

И вслед за этим прогремел выстрел. Стрелял спешившийся драгун. Александр увидел, как француз дернулся и поник, обхватив руками шею лошади.

Скакун добежал до Засядько и остановился. Француз медленно сползал на землю. Александр спрыгнул, ошеломленный таким нелепым развитием событий, едва успел подхватить раненого. По пальцам его руки, которой он поддерживал француза за спину, стекала теплая кровь.

Пленный офицер еще пытался улыбнуться ему, словно извиняясь за неприятность, но смертельная бледность уже покрыла его лицо. Губы что-то шептали.

— Что?... — спросил Засядько. — Что? Не слышу!

Губы француза дрогнули, и он закрыл глаза. Послышался топот, на взмыленной лошади прискакал Васильев в сопровождении конного драгуна.

— Каков, а? — сказал он с истерическим смешком. Руки его дрожали, был он возбужден до крайности. — Хотел убежать! Вот сволочь, а? Хорошо, что я сразу разгадал его маневр и велел стрелять.

— Нелепость, — сказал медленно Засядько, чувствуя закипающий в душе гнев. — Нелепая ошибка! Он не

собирался бежать. Да это было бы невозможно: всюду наши солдаты... Он скакал ко мне.

— Зачем?— спросил Васильев подозрительно. Не дождавшись ответа, сказал высокомерно: — В любом случае хорошо, что мой драгун не промахнулся.

Он повернул коня, махнул своим сопровождающим. Оба уже были на лошадях и послушно последовали за ним по направлению к штабу.

Засядько почувствовал, как неудержимая ярость ударила ему в голову. Такое с ним было впервые. Рука мгновенно оказалась на сабле, пальцы стиснули эфес.

«Придерусь к этой сволочи за что-нибудь,— пронеслась мысль,— и вызову на дуэль. Убью как собаку».

На следующий день он разыграл сцену ссоры с Васильевым. Поводом послужила карточная игра. Александр заявил, что только дуэль может дать ему удовлетворение. Присутствующие офицеры видели, как смертельно побледнел Васильев. Все знали, что значит скрестить саблю с Засядько.

Однако дуэль не состоялась. За два часа до намеченного времени Васильев спешно покинул полк. Как оказалось впоследствии, он вернулся в Россию и с помощью влиятельных родственников устроился при генеральном штабе...

ПОХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Этой битвой и завершился Итальянский поход. Французы ушли из северной Италии, на которую распространилась власть Австрии.

За воинский подвиг Засядько был представлен к высшей офицерской награде: ордену святого Георгия 4-й степени. Однако Суворов вычеркнул его из реляции, так как фельдмаршалу донесли о несостоявшейся дуэли Засядько с Васильевым.

План будущего похода принадлежал Австрии, усиленно стремившейся к тому, чтобы русские войска поскорее покинули Италию.

Засядько старательно изучал маршрут. Нужно было идти в Швейцарию на помощь русскому корпусу Римского-Корсакова, который вместе с армией австрийского наследника престола стоял в Муттенской долине.

Швейцарский поход начался в сентябре. Засядько вел свой батальон по узенькой тропинке, вившейся по обледенелым склонам скал. Часто приходилось карабкаться по такой крутизне, что даже самые бывалые солдаты закрывали глаза и шептали побелевшими губами молитвы пречистой деве Марии.

— Простая оплошность или предательство?— взволнованно спросил у Засядько подошедший поручик Лякумович.— Нигде нет ни продовольствия, ни лошадей! А ведь австрийцы обещали. Фельдмаршал велел остановиться, искать еду в окрестных селах.

— И грузить на казачьих лошадях?

— Вот именно! Выходит, что мы с самого начала лишились конницы.

Засядько хлопнул его по плечу, сказал успокаивающе:

— А что может сделать конница в горной войне?

— Все-таки лошади...— ответил Лякумович неуверенно.— В походе пригодились бы. Ведь беспримерный рейд! Провести такую армию через Альпы! Подобного еще не было в истории.

Засядько расхохотался.

— Плохо вы знаете историю, юноша! Здесь не только лошади, но и слоны проходили. Я имею в виду боевых слонов в армии Ганнибала. Он тоже перешел Альпы в этом районе. А Карл Восьмой?

— Что Карл Восьмой?— спросил Лякумович пристыженно.

— Осенью 1494 года,— ответил Засядько,— французский король Карл Восьмой с большой армией перешел Альпы и двинулся на Италию. Захватил Рим, Неаполь... А Франсиск Первый? Не слышал о таком? Тот пересек Альпы со своей армией в 1515 году. В аббатстве Сен-Дени близ Парижа находится его гробница, на ее барельефе изображен этот поход.

— Откуда ты все это знаешь?!— воскликнул пораженный поручик.

— По работам Пьера Бонтана. В библиотеке училища были альбомы с его рисунками. На одном из них изображена гробница, которую Бонтан украсил барельефами в 1555 году.

— Поразительно,— пробормотал поручик,— такая память...

— Моя память, возможно, была слабее твоей, — ответил Засядько, — но я ее постоянно упражняю, как и мускулы.

Впереди раздался отчаянный крик. Лякумович бросился вперед, но замер на полдороге. На их глазах с узкой тропинки сорвались два солдата и исчезли в глубокой пропасти.

Засядько поглубже надвинул капюшон. Из висящих прямо над головой туч посыпались тяжелые крупные капли, затем хлынул дождь, превратившийся в ливень. Солдатам пришлось совсем плохо. Они привыкли переносить тяготы походной жизни на равнинах, к горным же условиям никто не был готов. Засядько с болью и горечью отмечал, что люди скользят по обледенелым скалам, падают, срываются в пропасти.

Особенно трудно пришлось при переправе через стремительные горные реки. Вода несла громадные валуны, и люди исчезали под ними, не успев даже вскрикнуть. Пронизывающий горный ветер валил солдат с ног, многие не могли подняться. Путь армии был густо усеян трупами замерзших, а горы становились все выше...

Но самое страшное ждало впереди. На перевале засели французские авангардные отряды. Передовые русские части попали под смертельный огонь французов. Подступы к перевалу обагрились кровью, склоны были густо усеяны трупами в русских мундирах. Суворов позвал Багратиона. Тот, выслушав фельдмаршала, направился к Засядько.

— Берите своих людей, пойдем в обход. Нужно выбить французов с перевала, иначе здесь ляжет вся паша армия.

Засядько пошел поднимать солдат, а Багратион подзывал еще нескольких командиров батальонов. Все признавали, насколько трудная задача им предстоит. Солдаты молились, офицеры старались не показывать своего волнения.

Батальон Засядько сделал марш-бросок и оказался перед неприступными скалами. От земли прямо в синее небо поднималась совершенно отвесная каменная стена, на которой не было ни травинки, ни трещины, ни выступов...

К Засядько, рассматривавшему стену, подъехал Багратион. Его смуглое лицо побледнело.

— Александр Дмитриевич, — сказал он просительно, и это обращение здесь прозвучало настолько непривычно, что Засядько ощутил пеловкость: властный и горячий Багратион никогда никого не просил. — Александр Дмитриевич, надо как-то взобраться. Иначе... Сами понимаете, мы все тут останемся. Ваш батальон наиболее подготовлен...

Засядько хотел было в сердцах ответить, что он не рысь, а казак, а те, как известно, привыкли сражаться в чистом поле, и что по скалам привычнее лазать горцам, но, встретившись взглядом с Багратионом, смолчал. Сбросив сапоги и обвязав вокруг пояса тонкий шнур, подошел к стене. Трещины и выступы все же нашлись, но совсем крохотные! Разве что ящерица могла бы удержаться на них. Александр остановился в раздумье. Багратион и солдаты выжидательно смотрели на него. Не желая показывать перед ними свою нерешительность, Засядько стал взбираться вверх. В нескольких саженях от земли ноги его соскользнули, и он повис, вцепившись пальцами рук за уступ. Снизу донесся вопль ужаса. Но он сумел подтянуться, нащупал ногой опору. В мертвой тишине Засядько продолжал лезть вверх. На большой высоте, откуда падение грозило неминуемой гибелью, он почувствовал, что дальше двигаться не может. Руки и ноги дрожали, соленый пот застилал глаза, сердце готово было выскочить из груди. Он прижался к скале и расслабил мышцы, чтобы немного отдохнуть. Сильный порыв ветра чуть не оторвал его от камня; еще один такой порыв — и он полетит в пропасть.

Засядько скосил глаза вниз. Крохотные, похожие на игрушечных, солдаты стелили на камни шинели на случай, если он сорвется. Александр горько усмехнулся: эта подушка не спасет его.

Передохнув в таком положении, он стал карабкаться дальше. Еще дважды ноги его соскальзывали и он оказывался на краю гибели, но выработанная цепкость и жажда жизни все-таки вывели его на вершину. Вконец обессиленный, он несколько минут отдыхал, затем подтянул наверх толстую веревку, которую Багратион привязал к шнур. Намертво закрепив петлю вокруг огромного камня, подал знак подниматься. Солдаты крестились и обреченно подходили к каменной стене.

Багратион приказал оставшимся солдатам подобрать трупы товарищей, которые не смогли преодолеть преграду

даже с помощью веревки, и вернулся к основным частям.

Не дожидаясь, пока поднимутся все, Засядько взял три роты и повел в тыл французам. Никто из засевших на перевале не ожидал появления русских с этой стороны. Произошла короткая схватка. Французы поспешно отступили к основным своим силам. Засядько поднял на вершине флаг, давая Суворову знак продолжать поход.

Но еще более грозное испытание ждало русские войска уже после того, как они перешли Сен-Готард и начали спускаться крутым оледеневшим склоном к ущелью реки Рейс. Дорога шла берегом по краю глубокой пропасти, что приводило в отчаяние солдат, привыкших к равнинам России и Украины. В самом непроходимом месте, где река с трудом пробивалась сквозь сплошные отвесные скалы, французы устроили редут и прочно закрепились в нем. Это было в районе так называемого Чертового моста, который французы успели разрушить.

Батальон Засядько первым попал под обстрел. Пули щелкали по камням, разили солдат. Одна чиркнула по эфесу сабли Засядько, который ехал впереди, но он даже не обратил внимания. Солдаты считали своего капитана «заговоренным».

Промчался на коне Багратион. Засядько впервые видел генерала в таком возбуждении. Здесь нечего было и думать о рейде в тыл противника. Через реку можно перейти лишь по мосту, который не зря называли Чертовым. Висящий на огромной высоте, он был бы страшен новичкам и целехоньким...

Засядько оглянулся по сторонам, заметил стоявший неподалеку сарайчик. Почему не попробовать?

— К сараю! — скомандовал громко. — Разобрать по бревнышку, быстро! У кого уцелели шарфы — снять, пойдут вместо веревок.

Воспрянувшие духом солдаты бросились к сарайчику. Французы перенесли огонь на саперов. Засядько, сорвав с себя пояс, стал связывать доски. Кто-то принес найденную в сарае длинную веревку. Солдаты связывали жерди, которые нужно было перебросить через разрушенную часть моста.

Прискакал Багратион. Увидев, чем заняты солдаты, тоже снял свой пояс и бросил на землю. Пули свистели в воздухе, но князь, не обращая внимания, наблюдал за работой.

Отчаянная атака русских увенчалась успехом. Французы отступили с немалыми потерями. Засядько хотел было собрать свой батальон, но оказалось, что все его чудо-богатыри полегли в ущелье реки Рейс и на Чертовом мосту, однако спасли армию. Капитан вздохнул: в который раз приходится комплектовать батальон заново. Но горевать было некогда. Через восстановленный мост уже двигалась армия.

Затем последовали переходы через хребты Росшток и Паникс. Засядько было приказано покинуть авангардные части Багратиона и заняться артиллерией. Там приходилось особенно трудно. Уже бросили по дороге почти половину пушек, но и оставшиеся не было возможности тащить дальше. На вершинах солдаты вязли в снегу, падали под порывами ураганного ветра, гибли под обвалами и лавинами...

Внимание Александра привлек солдат огромного роста, который, несмотря на мороз и лютый ветер, обливался потом, волоча с двумя помощниками горную гаубицу. У солдата были нашивки капрала, но держался он с врожденной гордостью, осанка его была явно не крестьянской.

Когда капрал на мгновение выпрямился, вытирая мокрый лоб, Засядько вздрогнул от неожиданности. Ему показалось, что это сам император Павел: настолько солдат был похож на царя. Он был такого же огромного роста, курнос, с пронзительно голубыми глазами и очень светлыми волосами.

— Взя-а-али! — закричал капрал зычно и первым ухватился за построшки. Гаубица поползла дальше. Лякумович толкнул Александра.

— Узнал?

— Нет. Кто это?

— Константин, сын императора. Бравый воин, хоть и молодой. Пожелал служить простым солдатом. И, как видишь, дослужился до капрала...

Лякумович, снисходительно проводив взглядом сына Павла I, любовно погладил свои знаки различия поручика.

— Ничего, — ответил Засядько неопределенно. — Бонапарт тоже был капралом. Ну и как он?

— Бонапарт?

— Нет, это чадо императора.

Лякумович оглянулся по сторонам, наклонился к товарищу и прошептал опасливо:

— Говорят, туп как пробка. Выше капрала не прыгает. Однако парень честный и добросовестный. Никакими привилегиями не пожелал пользоваться, ест только из солдатского котла. Солдаты его любят и ждут не дождутся, когда он станет императором...

— Да-а,— протянул Засядько,— теперь Суворову наверняка вручат звание генералиссимуса.

— Почему?

— Генералиссимуса дают полководцам, командующим несколькими, чаще союзными, армиями, или тем, у кого в подчинении имеются принцы королевской крови... Суворов командует русской и австрийской армиями — раз, у него в подчинении сын императора — два!

Невероятных усилий стоило тащить лошадей с тюками, орудия и зарядные ящики. Плотные тучи, плывшие над скалами, пропитывали одежду сыростью, пронизывающий ветер покрывал шинели ледяной коркой. Свирепствовала вьюга. С гор срывались огромные камни и с грохотом катились вниз, захватывая с собой солдат. Многие замерзали на привалах, многие падали в пропасти.

И все время в пути губы Александра шевелились. Лякумович, который шел в нескольких шагах сзади, наконец собрался с силами и догнал Засядько. Поручика заинтересовала мысль: что мог шептать железный капитан во время этого адского похода? Молитву пречистой девы Марии? Или имя любимой девушки?

Засядько шагал широко, но не поспешно — экономил силы. Он напоминал скалу, о которую разбиваются океанские волны. Казалось, дорога сама стелется ему под ноги. Время от времени он оглядывался, покрикивал на отстающих и снова шел вперед, суровый и непоколебимый. А губы его опять шевелились.

— Александр! — окликнул Лякумович и не узнал собственного голоса: послышался какой-то мышиный писк. — Александр, что ты там шепчешь?

Засядько, не удивившись вопросу, молча протянул левую руку ладонью вверх. За широким обшлагом рукава прятался плотный листок бумаги. Лякумович прищелкнул, но ничего не мог сообразить. Там было несколько фраз, и все на незнакомом языке.

— Не понял,— признался Лякумович.

— Английский,— ответил Засядько коротко.

— Все равно не понял. Что ты делаешь?

— Учусь,— ответил железный капитан.

Голос его был звучный и хрипловатый, как боевая труба. Лякумович оторопел от неожиданности. Он видел, что Засядько не шутит, но все равно в его сознании не укладывалось, что во время такого изнурительного похода, когда все силы брошены на выживание, нашелся человек, выписавший на листок бумаги английские слова, и теперь зубрит их по дороге, ни минуты не теряя даром.

— Мне недостаточно знания только французского, итальянского и немецкого языков,— терпеливо объяснил Засядько, видя смтение поручика. — Вместо того, чтобы преподавать в корпусе латинский и древнегреческий, лучше бы ввели в программу еще два живых языка. Мертвым — вечный покой, живым — жизнь...

Но Лякумович почти не слушал его. Он был потрясен: какой же величайшей силой воли нужно обладать, чтобы на краю пропасти все так же жадно стремиться к знаниям!

Не успел додумать эту мысль, как вдруг впереди и сверху раздался страшный грохот. И сразу же чья-то сильная рука бесцеремонно схватила его за воротник, рванула в сторону. Лякумович ощутил, что его ноги отделяются от земли. Несколько метров он пролетел по воздуху, больно ударился при падении о камни. На голову посыпалась снежная пыль, в полуметре пронеслась груда камней, из которых самый маленький был с пушечное ядро, а иные превосходили по размерам откормленного быка.

— The mountain avalanche, — послышался размеренный голос капитана.

— Что? — спросил ошеломленный поручик.

— Горная лавина,— перевел Засядько. — Если я правильно произнес. У этих англичан, оказывается, большую роль играет произношение...

Лякумович не слушал, влюбленно глядя на друга, спасшего ему жизнь. Но Засядько тут же вернул его к жестокой действительности.

— Посмотри за колонной. Эта лавина наверняка унесла нескольких человек из нашего батальона...

Они вместе с солдатами впряглись в построики и тащили орудия по обледевленным горным тропинкам. Шел

снег, дорожка над пропастью стала совсем скользкой и почти непроходимой. Иногда Засядько становился свидетелем того, как впереди срывались и падали в ущелья орудия вместе с тащившими их гренадерами. Он стискивал зубы и удваивал усилия. Грохот обвалов, ледяной ветер, вьюга... А он все тащил и тащил... Потом, уже в России, вдруг просыпался в холодном поту среди ночи, потому что и во сне тащил на собственных плечах гаубицы.

И все-таки почти половина артиллерии была спасена. Армия вышла из окружения, хотя из двадцати одной тысячи храбрецов осталось в живых менее пятнадцати тысяч. На этом закончился Швейцарский поход.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Засядько вместе с армией вернулся в Россию. Пока полки переформировывались и отдыхали, он составил список книг, которые нужно было прочесть, и отправился по библиотекам и книжным лавкам. Установившаяся за ним слава храброго офицера льстила его самолюбию, однако он понимал, что к своей главной цели он не продвинулся ни на шаг. Разве что успел в Милане познакомиться с работами гениального Леонардо. Но великий флорентиец, к его разочарованию, ни словом не упоминал о ракетах. И Александр продолжал искать нужные ему сведения, перечитывая груды книг. Он не только полчасика, но и минуту не считал слишком малой частицей времени.

Еще в заграничных походах в промежутках между боями он с жадностью набрасывался на итальянские газеты, которые интересовались делами чужих государств гораздо больше, чем собственными. Из них Засядько узнал о странностях Павла I, который при всей своей жестокости к солдатам постарался облегчить участь крестьян, ограничив их труд на помещиков трехдневной барщиной. Это он, послав Суворова «спасать царей», освободил из Петропавловской крепости мятежного генерала Костюшко и двенадцать тысяч его боевых соратников, которых в свое время полонил тот же Суворов. В многочисленных английских газетах, которые доходили до Италии, указывалось, что Павел I потерял душевное равновесие, узнав о событиях 1762 года, связанных с

восшествием на престол его матери. Нервную болезнь его объясняли также продолжавшейся тридцать четыре года узурпацией трона, которую Екатерина осуществляла в ущерб прямому наследнику престола, взаимной антипатией и недоверием между матерью и сыном, а также господством фаворитов, дерзких и надменных по отношению к Павлу. Стараясь понять смысл действий Павла I, Засядько иногда говорил себе: «Или тайны высшей политики все еще недоступны мне, или же наш царь просто дурак и противоречит самому себе».

Однажды пронеслась весть о государственном перевороте. Сначала слухи были весьма неопределенными, затем облеклись в более достоверную форму. В заговор против Павла вошли сыновья тех, кто был в заговоре против его отца: Панин и Талызин, фавориты его матери — три брата Зубовы, лифляндский барон Пален и ганноверец Беннигсен. В ночь с 23 на 24 марта 1801 года заговорщики проникли в Михайловский замок, где Павел жил как в крепости. Утром, после его убийства, Пален пришел к Александру и сказал: «Довольно ребячиться, ступайте царствовать!»

Еще стало известно, что второй сын Павла I, великий князь Константин, твердо заявил: «После того, что произошло, мой брат может царствовать, если ему угодно, но если престол когда-либо перейдет ко мне, я его не приму». Как показали события 1825 года, его решение было непоколебимо.

Пока другие офицеры полка проводили время в пирושках, Засядько тщательно анализировал сложившуюся обстановку в Российской империи. Он знал, что воспитателем будущего императора Александра и его брата — великого князя Константина был полковник Лагарп, республиканец из Ваадского кантона, который старался дать обоим великим князьям демократическое воспитание. Что же предпримет самодержавный император, которому едва исполнилось двадцать четыре года?

В первые месяцы своего царствования Александр I уничтожал все то, что сделал отец. Объявил амнистию, вернул сосланных, разрешил крестьянам брать лес из казенных угодий, освободил священников от телесных наказаний, разрешил выезд из России и ввоз из Европы книг. Типографии, запечатанные в июне 1800 года, были вновь открыты. Уже не запрещалось одеваться по запад-

ной моде — носить длинные панталоны, круглые шляпы, пышные галстуки, которые Павел преследовал как признаки якобинства.

Офицеры славили нового императора и пили за его здоровье, ибо Александр I отменил еще и напудренные косы.

Указом от 3 марта 1804 года запрещалось продавать крестьян без земли, крестьянам разрешалось вступать в брак без согласия помещика, помещик мог наказывать крестьянина не больше, чем пятнадцатью палочными ударами. Это было обнадеживающее начало, но... и эта мера оказалась призрачной. Помещики продолжали продавать крепостных даже в столице, женили крестьян против их желания и без счета наказывали палочными ударами прямо под окнами царского дворца.

В один из дней Александр Засядько получил письмо от отца, который велел ему срочно съездить в Соловецкий монастырь. Новый император России освободил из заключения и Петра Калнышевского, последнего кошевого Запорожской Сечи. Его вместе с казацкой старшиной взяли в плен и увезли еще 6 июля 1775 года, когда царские войска заняли Сечь.

Отец просил купить побольше фруктов, ибо при скудном питании на Соловецких островах можно было от недоедания приобрести любую болезнь.

Подъезжая к монастырю, Засядько старался высчитать возраст Калнышевского. Он помнил рассказы деда о славных украинских рыцарях, о боевых подвигах запорожцев, совершавших набеги на турецкие берега. Петро Калнышевский уже тогда был кошевым атаманом...

Суровый монах, который открыл в воротах крошечную калитку, ответил ошеломленному Александру, что заключенному Калнышевскому недавно исполнилось... сто десять лет! Последние четверть века он находился в глубокой земляной яме, куда был брошен по указанию все милостивейшей императрицы Екатерины II. Сейчас он получил свободу, однако возвращаться на родину почему-то не желает.

Сто десять лет! Александр был потрясен. В голове не укладывалась такая цифра. Он прожил всего двадцать два года, а уже был свидетелем и участником стольких событий. Как же выглядит этот старец?

— Вас проводить или пойдете сами? — спросил монах не приветливо.

— Сам, — ответил Засядько. — Укажите, в какую сторону идти.

— Прямо по тропинке. Никуда не сворачивайте.

Засядько поблагодарил и быстро зашагал в указанном направлении. Дорожка вела к морю, оттуда тянуло пронзительной свежестью. Над головой носились и кричали чайки. У самой воды спиной к нему сидел на камне человек. Засядько почувствовал, что у него от волнения замирает сердце. Перед ним был гигант. Он никогда еще не видел таких широких плечей и такой мускулистой спины.

— Кошевой... — прошептал Александр.

Сидевший на камне повернулся, поднялся. Засядько невольно отступил на шаг, чтобы смотреть в лицо старому запорожцу, не особенно задирая голову. У Калнышевского было суровое аскетическое лицо, иссеченное прамами. Глаза смотрели пристально, мохнатые брови грозно сдвинулись на переносице. Грудь атамана была так широка, словно он носил под рубашкой латы, а руки напоминали могучие узловатые ветви дуба.

— Кто ты? — спросил Калнышевский резко.

Голос его прозвучал как удар грома. «Господи, — промелькнуло в голове Александра, — неужели на земле есть еще такие богатыри?»

— Я Александр Засядько, — ответил он торопливо. — Сын твоего главного гармаша Дмитра. Отец велел спросить: когда ты вернешься? Все уже знают, что новый царь освободил тебя.

Калнышевский хмуро взглянул на рослого юношу в мундире офицера российской армии и медленно отвернулся. Александр, ощущая непривычную робость, сделал было шаг, чтобы обойти кошевого и стать с ним опять лицом к лицу, но не решился. От фигуры Калнышевского веяло необычной силой и властью.

— Надо возвращаться, — повторил Александр тихо.

Калнышевский отрицательно качнул головой и сел. Он сидел не поворачиваясь и глядя в одну сторону.

— Отец велел передать тебе фруктов, — снова заговорил Александр, чувствуя, что его голос начинает дрожать, не в состоянии пробить броню молчания кошевого.

— Можешь оставить, — ответил Калнышевский, — но мне они не понадобятся.

— Но почему? — удивился Александр.

— Я двадцать пять лет сидел в земляной яме, — ответил Калнышевский глухо. — Питался тухлым мясом и гнилой репой. Да, теперь я могу уйти. Но не уйду. Так и скажи отцу. Он поймет. Скажи: и пойманный лев — еще лев!

Александр не осмелился перечить и тихонько попятился. Он не сводил зачарованного взгляда с богатырской фигуры последнего запорожца, пока тот не остался за поворотом тропинки. Лишь тогда Засядько повернулся и медленно побрел назад.

НА КОРАБЛИ!

В числе наиболее отличившихся боевых офицеров Александр Засядько был послан воевать... на море! Жарким июльским утром он прибыл в Севастополь, где русская эскадра спешно готовилась к походу. Засядько было велено явиться к вице-адмиралу Сеньявину, руководителю будущей военной экспедиции.

Следом за адъютантом Сеньявина он переступил порог адмиральской каюты. Сеньявин сидел за столом, заваленным книгами и картами. Одна из карт была разложена, и Засядько узнал контуры Средиземноморья. Сеньявин растегнул мундир, из-под смятого воротника выглядывала дряблая загорелая шея. Он с интересом взглянул на пришедшего.

— Капитан Засядько? Рад, что вы прибыли без опоздания. Уже устроились? Ладно, этим вопросом займется адъютант. Садитесь, мне нужно поговорить с вами.

Александр опустился на свободный стул. Все здесь было ему непривычно: и тесная каюта, и качающийся пол. На стенах висели всевозможные приборы, в углах теснились навигационные приспособления.

— Женья, — позвал Сеньявин адъютанта, — принеси щербет! Да отыщи попрохладнее.

Адъютант бесшумно исчез, а Сеньявин объяснил Александру:

— Жара адская. Не с моим здоровьем с нею ладить. А что будет в Средиземноморье? Вас не смущает мой не совсем презентабельный вид?

— Не смущает, — ответил Засядько искренне.

Он видел, что Сеньявин изучает его испытующим взглядом, словно старается проникнуть в душу и сердце.

Судя по всему адмирал остался доволен. Во всяком случае сказал благодушно:

— Вы боевой офицер и поймете меня. А здесь некоторые заняты в основном своим внешним видом. Об одежде заботятся больше, чем о знании военного дела. Вот и приходится мне выживать этих паркетных шаркунов и перетягивать в эскадру настоящих воинов.

— Я бесконечно польщен, — сказал Засядько почтительно, — однако я не моряк...

— Вас, не моряков, будет две тысячи человек. Это капля в море, но золотая капля. Цвет и слава русской армии, наиболее отличившиеся люди в предыдущих войнах. К вам же, Александр Дмитриевич, будет просьба...

Засядько насторожился. Он был польщен, что могущественный адмирал назвал его по имени и отчеству, неспроста же проявлена такая любезность. Вероятно, Сеньявин хочет заставить его делать то, чего не может приказывать.

— ...просьба, — повторил Сеньявин, пристально глядя в неподвижное лицо Александра. — Присмотритесь к корабельным бомбардирам. Они справляются со своими обязанностями, однако предела совершенствованию нет, не так ли? Вы должны действовать в десанте, но мне кажется, что ваша деятельная натура не захочет оставаться в стороне и во время морского похода...

Вернулся адъютант, неся на подносе огромный кувшин и два стакана. Засядько позавидовал умению, с которым молодой офицер шел по качающемуся полу.

— Только щербетом и спасаюсь, — объяснил Сеньявин. — Не желаете ли отведать?

Засядько торопливо поднялся, подхватил треуголку.

— Благодарю, ваше превосходительство. Мне еще нужно распорядиться насчет личных вещей... и всякие другие дела.

Сеньявин милостиво наклонил голову, отпуская капитана.

В своей каюте Засядько тщательно анализировал международную обстановку. Было неясно, надолго ли затянется его морская эпопея. Если больше, чем на несколько месяцев, то придется к опытам с ракетами приступать прямо здесь, на корабле. Время идет. Ему уже — подумав только! — двадцать пять лет. Ведь еще великий

Юлий Цезарь сетовал: «Двадцать три года, а ничего не сделано для бессмертия!» А тут уже минуло двадцать пять, и тоже ничего не сделано для человечества по-настоящему полезного.

Александр I вступил в третью коалицию держав, направленную против Наполеона. Союзники рассчитывали сосредоточить в своих руках полумиллионное войско, предназначенное сокрушить Бонапарта. Кроме того, русский император с целью обороны Ионических островов снарядил крупную экспедицию под руководством вице-адмирала Сенявина. Еще во время Средиземноморского похода Ушакова в 1798—1800 годах, в то время когда Засядько принимал участие в Итальянском и Швейцарском походах Суворова, здесь, на острове Корфу, была создана главная опорная база русского флота. Теперь предстояло использовать ее для ударов по берегам Далмации, занятой французами, и для блокады берегов.

— Это надолго,— сказал в раздумье Засядько.— А время идет... Так и тридцать лет стукнет, а ничего полезного не сделаю.

Он вычеркнул из распорядка дня пункт: «Подъем в 6 утра» и вписал: «Подъем в 5, занятия физикой и химией».

Нужно было садиться за учебники, но Александр замер на палубе, очарованный. Солнце близилось к закату, его лучи окрасили море и небо в сказочные цвета. Под ярко-красным небом колыбался величественный ультрамариновый океан; прозрачные зеленые волны были похожи на молоденьких лягушат, а гребешки пены приобрели красный цвет и искрились, словно горсти драгоценных рубинов.

Корабль мерно покачивался на ладони океана, над головой поскрипывали ванты, в ряях посвистывал ветерок. Было сказочно хорошо в этом лучшем из миров, не хотелось уходить в тесную каюту к потрепанным учебникам и наскоро организованной лаборатории. Мир прекрасен!

Вдруг совсем рядом громко запела боевая труба. Александр вздрогнул, оглянулся. На палубу по тревоге уже выскакивали матросы. Быстро, однако не суетливо разбегались по местам, застывали возле орудий.

Засядько посмотрел вперед и горько улыбнулся. Впереди показался берег. Прекрасный берег прекрасного лазурного моря! Там, судя по всему, суетились люди. Такие же люди, как и здесь на корабле, но... придержива-

ющиеся иных взглядов. А может быть, эти взгляды навязали им повелители, оставшиеся в Париже.

На палубу выбежал Куприяненко, молодой мичман. — Черногория? Уже?

— Бокка-ди-Котор,— ответил Засядько.— Здравствуй, Боря.

Куприяненко радостно потер руки, его глаза заблестели.

— Ну и зададим жару французам! Владыка Черногории Петр I на нашей стороне, поможет войнами. Недаром же получил субсидию в три тысячи цехинов!

— Да, конечно,— согласился Засядько.

Корабль стремительно приближался к берегу. Левее шли два фрегата. Их палуба была покрыта, словно муравьями, черной копошащейся массой людей. Куприяненко сбегал в каюту и вернулся с подзорной трубой.

— Черногорцы,— сказал он, приставив трубу к глазу.— Ишь, сколько их набилось... Да еще на всех шести корветах и на линейных кораблях. Будет бой!

Он довольно потер руки. Александр кивнул головой и пошел готовить людей. Его отряду предстояла елочная десантная операция.

Менее чем через два часа корабли русской эскадры подошли настолько близко к Бокка-ди-Котору, что смогли открыть огонь. Через некоторое время в городе запылали пожары.

Засядько велел спускать шлюпки. Солдаты занимали места, крестились. Никому еще не приходилось воевать на море. Всякий мечтал добраться поскорее до берега, там можно чувствовать себя увереннее.

Александр косился на плывущие сзади лодки, набитые черногорцами, которые издавали воинственные крики и потрясали ружьями. Одеты они были кто во что горазд, но за их боевую готовность владыка Петр I ручался.

— На штурм! — скомандовал Засядько.

Едва лодка прописала днищем по дну, он прыгнул за борт и бросился вперед. Сзади прогремело «ура». Однако Засядько внезапно почувствовал, что не испытывает привычного боевого вдохновения. Он бежал вперед с обнаженной саблей, но его то и дело обгоняли солдаты, что-то кричали. Он видел перекошенные лица, сверкающие штыки, слышал свист пуль, громы хангание французских пушек. Совсем рядом хлестнула шрапнель, несколько человек упало, обливаясь кровью, но и это не вывело его из хо-

лодного оцепенения. Впервые за все годы непрерывных сражений он не ощутил неистового упоения боем, когда силы удесятерятся, а все события воспринимаются через ярко окрашенную эмоциями призму.

— Левее, — холодно велел он группе солдат, — под прикрытием крепостной стены прорветесь к самым воротам. Нечего, как бараны, лезть прямо на пушки!

Грохот, крики, пороховой дым, гарь пожаров — сквозь все это он вел солдат спокойно и расчетливо, при необходимости вступая в поединки и выбивая противника из укреплений.

Захватив городок, на обратном пути они стали свидетелями страшного зрелища: черногорцы рубили головы мертвым и раненым французам. Засядько бросился вперед с обнаженной саблей, за ним побежали солдаты. Черногорцы в ярости отступили, но вскоре появился их вожак и стал доказывать, что таковы их военные обычаи.

Засядько был непреклонен. Не повышая голоса, сухо отчеканил:

— Мы находимся в Европе. Вы тоже европейцы. Как же допускаете дикие приемы азиатской войны?

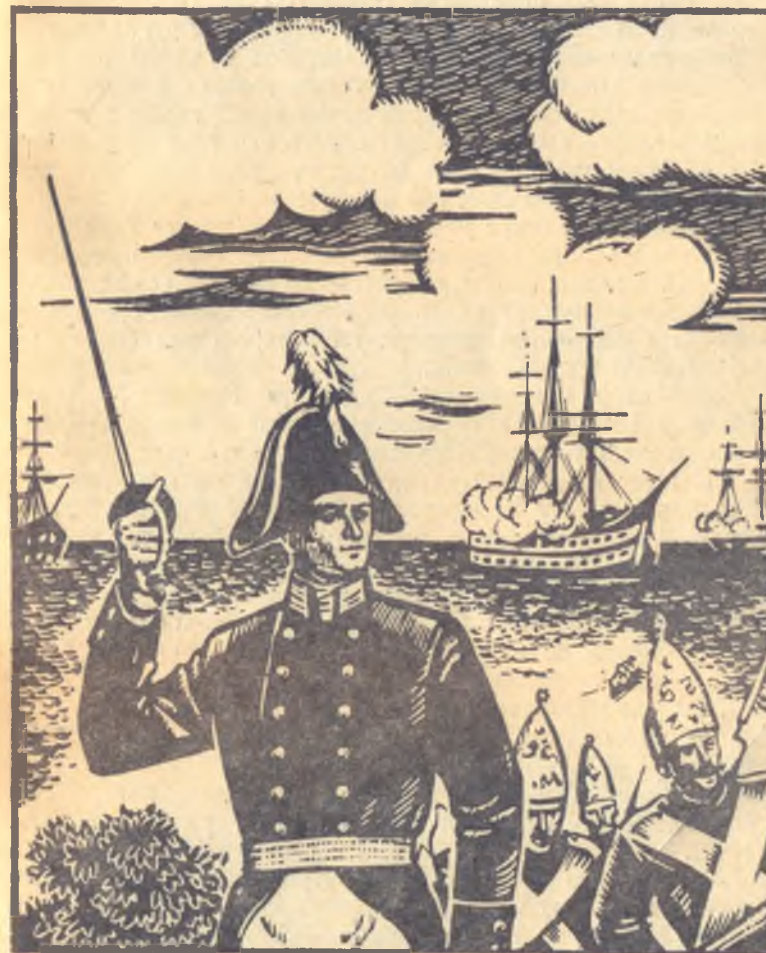
— Это враги! — закричал вожак. — Их нужно убивать и мертвых!

Засядько чуть было не напомнил, что владыка Петр I приглашал французского артиллерийского офицера Феликса де Лапланда, личного посланца Наполеона, принять командование над его армией, которую отдавал в полное распоряжение Франции, предлагая в интересах последней напасть либо на австрийцев, либо на турок. Талейран, извещенный об этих предложениях, дал уклончивый ответ. Лишь тогда владыка принял русских агентов, получил от Александра I субсидию в три тысячи цехинов и обязался помогать России. Но можно ли втолковать азбуку политики невежественному горцу?

— Я прикажу стрелять, — сказал Засядько жестко. — Пока здесь находится хоть один русский солдат, бесчинств не будет!

Он расставил караулы, одного солдата послал на корабль за книгами и бумагами. Даже если два-три дня придется пробыть на берегу, все равно это время не должно быть потеряно для учебы!

Несколько солдат провели мимо небольшую группу пленных. Александр попробовал было заговорить с французами, но те презрительно отвернулись. Они не могли

простить бесчеловечной расправы с ранеными и надругательства над мертвыми. Лишь один из офицеров, самый старый и хладнокровный, видевший заступничество русского, ответил на приветствие. Засядько пошел рядом с ним, жадно выспрашивая о новостях из Европы.

Когда пленных увели, он сел на обломок крепостной кладки и задумался. Наполеон разгромил и третью коалицию. Несмотря на численное превосходство сил союзников, нанес им поражение при Аустерлице: заставил русские войска скучиться на замерзших прудах, затем пушечными выстрелами проломил лед и таким образом сразу же утопил несколько тысяч солдат и офицеров. Главнокомандующий Кутузов лично водил полки в атаку, на его глазах был убит зять, самого его едва не взяли в плен. Союзники потеряли 15 тысяч убитыми, 20 тысяч пленными, 45 знамен и 146 орудий.

Пленный француз уверял, что война между Россией и Францией теперь закончится. Наполеон снова продемонстрировал великодушие, отпустив без выкупа все 20 тысяч русских пленных, захваченных в Аустерлицком сражении. Россия обессилена, несмотря на возвращение солдат из плена, Австрия сломлена...

«Война не закончена, — подумал Засядько. — Александр I не простит поражения. Снова примется искать союзников. Например, Пруссия была нейтральной...»

К нему подошел Куприяненко. Был он весел, возбужден, румян. От него пахло порохом, белые панталоны были испачканы грязью, рукав мундира болтался на ветру. Мичман походил на большую пантеру, вернувшуюся с удачной охоты.

— Что пригорюнился, Александр? — спросил он весело. — Блестящая победа! Ручаюсь, войдет в анналы военной истории.

Засядько безучастно кивнул, соглашаясь.

— Что стряслось? — спросил Куприяненко уже встревоженно.

— Со мной ничего. Просто испортилось настроение. От пленного узнал, что еще в феврале умер Иммануил Кант.

— Это кто же? — спросил Куприяненко скептически. — Немец какой-нибудь?

— Немец, но не какой-нибудь. Это человек, который войдет — уже вошел! — в историю человеческой цивилизации.

— Что же он такое сделал? — удивился мичман.

— Это великий ученый, автор гипотезы об образовании нашей планетной системы из первоначальной туманности. Правда, для меня главное не это. Кант сделал меня тем, кем я есть.

— Не понял, — признался Куприяненко озадаченно.

— Кант, как и я, родился слабым, болезненным ребенком. И отправился бы к праотцам, если бы с раннего детства не установил контроль над организмом. Постоянная тренировка, большие физические нагрузки, закалывание дали ему такое здоровье, о котором остальные могут только мечтать. Он мог подавить в зародыше любую болезнь, снять чувство боли, умел менять температуру тела...

— Откуда ты все это знаешь? — воскликнул Куприяненко.

— Читал его основные труды. А также «Спор факультетов», в котором он излагает свой путь к совершенству тела и духа. Правда, я не все принял из его опыта. Например, Кант ел всего раз в сутки, во время прогулки ни с кем не разговаривал. Он прожил восемьдесят лет в полном здравии, умер с ясным умом, а последним его словом было: «Хорошо!» Чем не жизнь, достойная подражания?

— Достойная, — признался Куприяненко, — но я бы не смог превратить себя в живую машину... Бр-р-р! Я хочу просто жить, как живет.

Он улыбнулся своей формулировке и стал похож на большого довольного кота. Шутливо отсалютовав Александру саблей, пошел к форту. По дороге оглянулся, удивленно и уважительно покачал головой. Дескать, ну и ну! Другому бы на всю жизнь хватило рассказывать о сражении при Бокка-ди-Которе, а этот гордец даже собственных подвигов не заметил. На что ж нацелился?

На другой день капитан фрегата Эдуард Балаганов сказал укоризненно:

— Что же вы, Александр Дмитриевич, подводите меня? Я представил вас за взятие Бокка-ди-Котора к награде: ордену святой Анны второй степени, а вы сцепились с нашими союзниками. Те пожаловались вице-адмиралу. Тому пришлось вычеркнуть вас из наградного листа, чтобы не разжигать страсти.

— Союзники, — сказал Засядько осуждающе.

— Союзники, — подтвердил Балаганов строго. — Какие ни есть, а союзники!

— А перед Европой не стыдно? — спросил Засядько горячо. — Честь русского оружия уже ничего не значит? Нам же руки подавать не будут!

— Будут. Вы не горячитесь. И не презирайте невежественных горцев. Подумайте, почему они такие. Если и у них распространить просвещение, культуру, науки, то неужто, по-вашему, они останутся дикарями? Наш долг не презирать их, а помогать и развивать по мере возможности. Тем более, что это наши братья по крови, по славянскому происхождению... Идите. И постарайтесь не быть таким нетолерантным.

Засядько щелкнул каблуками и вышел, чувствуя, что получил хороший урок.

Однажды, когда эскадра двигалась вдоль берегов южной Италии, Александра настигло письмо из далекой Финляндии. Вскрывая конверт, представил бескрайнее ледяное поле и снег, снег, снег... А среди белой морозной пустыни стоит приземистый домик, сложенный из огромных бревен. Там, внутри, у жарко натопленной печки, старый дружище пишет озябшими пальцами:

«Саша! Как я тебе завидую! У вас там южное море, ласковое солнце, полно зелени.. Ты идешь через толпу правнуков гордых римлян, засматриваешься на хорошеньких итальянчек, посещаешь музеи и театры. Ты участвуешь в знаменитых сражениях, каждое из которых прославляет русское оружие. Рассказывают, что Суворов, узнав, как протекала битва при Корфу, воскликнул: «Я хотел бы быть там хотя бы мичманом!» Ты же в чине капитана, и Сенявин доверяет тебе, по слухам, так же, как доверял Суворов. Счастливчик ты, Сашка! Помяни мое слово: быть тебе первым полководцем Российской империи и уж наверняка — военным министром! Остаюсь в медвежьем финляндском углу любящий и бесконечно преданный тебе друг Быховский».

Засядько, улыбаясь, дочитал письмо. Добрый Никита, чистая, благородная душа... Но и ты видишь в жизни только внешнюю сторону. Синее море, итальянчек, эффектные сражения, в которых, однако, гибнут тысячи людей... Нет, дружище, не быть мне ни полководцем, ни военным министром. Это приманка для недалеких людей. Аргипшти, Македонский, Аттила, Чингис, Тимурленг... Они вошли в историю, но как? Как люди, пролившие моря крови, разрушавшие города, сжигавшие библиотеки, храмы, памятники культуры... Они шли через богатые и

культурные страны, оставляя после себя пожарища, горы трупов, развалины, вырубленные сады, засыпанные колодцы и родники... Нет, такая слава меня не привлекает. Слишком много в ней от Геростратовой. Слава богу, что есть еще путь Архимеда...

Засядько медленно сложил письмо, сунул за обшлаг. На душе стало горько. Нет, прямодушный Быховский не поймет. Слишком честен. Начни он выкладывать ему подобные доводы, как тот сразу же спросит: «А зачем принимаешь участие в сражениях? Устранись, выйди в отставку». И как объяснишь, что во имя тактических соображений иногда приходится отступать от стратегической линии. Как трезвенник, чтобы не выглядеть на пирушках белой вороной, пьет водку, как больной язвой желудка ест свиное жаркое, как честнейший человек бывает принужден лгать... Чтобы приняться за главное дело в жизни, нужно сначала упрочить положение, получить место и постоянный доход. Еще — приобрести репутацию человека трезвого, рассудительного. Иначе сочтут сумасшедшим, когда примется за...

Засядько пугливо оглянулся. Не произнес ли вслух: «ракеты»? Вынес из каюты аккуратно склеенный из плотной бумаги цилиндр на длинной палке. Это была осветительная ракета собственной конструкции.

Оглянувшись по сторонам, установил ее на палубе и стал высекать огонь. На корабле было пустынно, лишь на нижней палубе осталась караульная команда да на верхней дремал часовой. Матросы и офицеры съехали на берег и уже, наверное, всю веселились в зланных заведениях портового города. Никто не станет глазеть на странное занятие капитана десантных войск и приставать с вопросами.

Порох воспламенился не сразу. В цилиндре затрещало, зафыркало. Из нижнего отверстия ударила струя удушливого газа, посыпались искры. Ракета затряслась и резко рванулась вверх.

— Один... два... три... четыре... — считал Засядько, волнуясь.

На счете «пять» бумажный цилиндр взорвался. В небе полыхнул огонь, вниз полетели горящие клочья. На верхней палубе испуганно вскрикнули и выругались часовой, на берегу остановились прохожие.

Засядько, дабы не привлекать внимания, ушел в каюту. На столе стояли две бутылки коньяка — крепчайшего

вина, производство которого французы наладили еще полтора года лет назад в городе Коньяк. Однако обе бутылки были припасены для гостей. Александр не пил, не желая туманить голову, но вино держал постоянно, чтобы подчеркнуть — он такой же, как и все: компанейский малый, не дурак выпить, охотно слушает и рассказывает анекдоты и уж, конечно, не сидит ночи напролет над расчетами, не относящимися к военному делу.

На другой день его вызвали к вице-адмиралу.

— Садитесь, Александр Дмитриевич, — пригласил Сенявин доброжелательно. — Вы так и не съезжали на берег? Ваши друзья там неплохо повеселились, отдохнули...

— Для меня отдых — на корабле, — отчеканил Засядько, желая прервать разговор.

— Ну-ну, — сказал Сенявин примирительно, — вы отличный моряк, но ведь не только же моряк? Суворов говорил о вас как о прирожденном сухопутном воине. А если и воздушный океан могли бы бороздить корабли, то, наверное, вы и там показали бы себя с наилучшей стороны, и о вас говорили бы, как о прирожденном летателе, воздухоплателе. А может быть, вы и в самом деле не моряк и не сухопутник, а?

Сенявин хитро прищурился, и его маленькие медвежки глазки, как буравчики, впились в капитана. Засядько ощутил тревогу. Что мог значить этот странный разговор?

— Как сказано в писании, — ответил он почтительно, — судите не по словам, а по делам моим.

— Дела у вас идут отменно, — согласился Сенявин. — Кстати, поговаривают, что вы интересуетесь осветительными огнями? Даже шутки пускаете? Но ведь это не серьезно, да?

— В некотором роде, — ответил Засядько медленно. Он лихорадочно соображал, как выпутаться. — Это забава, по забава царей. Сам Петр Великий потратил немало времени на создание и конструирование шутки и фейерверков, он же смастерил осветительную ракету, которая принята на вооружение русской армией и так и называется: «петровская ракета»...

Сенявин озадаченно молчал, потом вдруг спросил:

— Но что лично вас привлекает в этой игрушке?

Засядько быстро перебрал варианты ответов. Что можно сказать и в какой мере? От всемогущего флотоводца

зависит многое. Не потрафишь — сошлет в какую-нибудь дыру, где до конца жизни проторчишь в чине капитана. А на скромное жалование не просто развернуть работу над большими ракетами...

— Все великое начинается с игрушек, — ответил он, твердо выдерживая пронизывающий взгляд адмирала. — Флагман, на котором мы бороздим океан, сначала был построен в виде игрушки, модели.

— Те игрушки служили прототипом для настоящего, — заметил Сенявин. — А что вырастет из ваших шутки?

Пришлось решиться на дипломатическое отступление. Засядько сделал вид, что задумался, потом пожал плечами:

— Какая мать знает, что вырастет из ее младенца? Может быть, великий ученый или полководец, а может, станет мелким чиновником или хуже того — злодеем.

— Но вырастет?

— Если не умрет в колыбели.

— Гм... Вы интересный человек. Ладно, вы свободны. Кстати, а какая основополагающая идея привлекает вас в фейерверках?

— Они несут в себе движущую силу, — ответил Засядько уже от дверей. — Ядро, с какой бы силой оно не было выпущено, все время замедляет полет. Ракета же постоянно ускоряется. Предположим, что мы начинили ее не порохом, а какой-то другой химической смесью, которая бы горела несколько часов, а истечения газов давала бы равнозначные пороховым. Тогда бы мы с этого корабля смогли обстреливать и Константинополь, и Париж, и любой другой город мира! Более того, мы могли бы...

Он осекся. И так сказал больше, чем следовало. Не хватало еще ляпнуть о других планетах!

Сенявин восхищенно крутил головой. Он сам любил парадоксы и по достоинству оценил игру ума молодого офицера. Нелепость, а не подкупаешься! Теоретически верно, концы с концами сходятся.

— Идите, — разрешил он милостиво. — Я распоряжусь, чтобы вам не чинили помех. Можете в свободное время заниматься опытами, если вас не привлекают портовые кабаки.

— Премного благодарен! — отчеканил Засядько. Вытянулся, щелкнул каблуками и поспешно вышел.

5 и 7 июня десантные войска под руководством Засядько и отряды черногорцев атаковали колонну французов численностью в двести человек. Атака была отбита с большими потерями, хотя русских и черногорцев было три с половиной тысячи человек.

Пришлось призвать на помощь флот. Истребительный огонь кораблей заставил французов оставить Брено, и они ушли в Верхний Бергатто под начальство генерала Делагорты.

Засядько разместил солдат за склоном горы и стал ждать ответной атаки. Вскоре ворота распахнулись, показалась стройная колонна французских солдат. Выйдя из крепости, они выстроились в каре и двинулись на черногорцев, которые, отстреливаясь, стали отступать нестройной толпой. Во главе колонны шел высокий седой человек с обнаженной шпагой. То был генерал Делагорт.

Засядько залюбовался четкой и красивой штыковой атакой. Это была настоящая европейская армия, дисциплинированная, обученная, с высокой военной культурой.

— Батальон, — скомандовал он негромко, — пли!

Грянул залп. Все окуталось дымом. Со стороны черногорцев выстрелы слышались чаще. Видимо, союзники прекратили отступление и тоже стали обстреливать неприятеля.

— Вести прицельный огонь! — предупредил Засядько.

Солдаты стреляли, перезаряжали ружья и снова стреляли. Он выждал момент и поднял своих людей в контратаку. Генерала Делагорты среди французов не было. Засядько искал его глазами, увидел на земле распростертого седоволосого человека. Генерал был сражен ружейной пулей.

Повсюду слышался пронзительный клич черногорцев и гремело стройное русское «ура». Французы дрались молча. Наконец им удалось отступить и укрыться в крепости. Засядько собирался начать штурм, но прибыл приказ от адмирала Сенявина вернуться на корабли.

Флот начал осаду соседнего города Рагузы. Все десять линейных кораблей, выстроившись полукругом, деловито бомбардировали старые каменные стены в надежде пробить брешь. Осада была вялой, так же вяло защищались французы. Все знали, что основная война ведётся на европейском театре военных действий, именно там рошаются судьбы мира. Дошли слухи, что русский

царь не смирился с поражением и основал четвертую коалицию держав в составе Англии, России, Пруссии и Швеции. Наполеон не стал ждать вторжения, а, по своему обыкновению, двинулся навстречу неприятелю. Меньше чем через месяц после образования коалиции он разгромил прусские войска при Шлейце и Заале, затем окончательно уничтожил прусскую армию при Иене и Ауэрштадте. Через несколько дней вступил в Берлин, взяв себе в качестве трофея шпагу Фридриха II.

Ободренные новостями, французы осмелели. В Рагузу прибыл новый губернатор Мармон, который чувствовал, по его словам, к черногорцам одно презрение, а зол был только на русских.

Он внезапно напал на русский десантный отряд и уничтожил больше половины его состава, попутно истребив тысячу двести черногорцев. Засядько в это время находился на корабле. Завидев сражение, поспешил на берег, принял командование и организовал оборону. Атака Мармона была на редкость удачной: больше тысячи русских солдат и офицеров полегло в сражении. Александру ничего не оставалось делать, как попытаться увести людей снова на корабли, избегая потерь. Остатки десантного отряда отступали в полнейшем расстройстве.

— Сомкнуть ряды! — закричал Засядько яростно. — В каре!

Солдаты, завидев отважного капитана, пользовавшегося славой неуязвимого, приободрились, начали перегруппировываться.

— В каре! — повторил Засядько. — Быстрее!

Пригибаясь, он побежал к брошенной батарее. Артиллеристы полегли все до одного, между орудий снова несколько французских кирасиров. Они распутывали постромки, явно намереваясь затянуть орудия в крепость.

Засядько оглянулся. За ним бежало трое его солдат. «Справимся», — мелькнула мысль.

Он прыгнул, ударил саблей, снова прыгнул и опять ударил. Двое упали с рассеченными головами, третьего Александр сбил с ног корпусом, бросаясь на офицера, успевшего выхватить пистолет. В три гигантских прыжка он настиг офицера, который за это время поднял пистолет едва на полдюйма, сильным ударом свалил его, отшвырнул саблю и подскочил к ближайшей пушке. Пока солдаты возились с растерявшимися и оглушенными французами, он повернул ствол орудия в сторону ата-

кующей французской колонны. Зарядить и поднести запал было делом мгновения.

Грохнул пушечный выстрел. Через минуту грянули три других орудия: солдаты быстро сообразили, что нужно делать.

Во французской колонне, осыпаемой картечью, наступило замешательство. Никто не ждал артиллерийского огня с батареи, которая уже считалась захваченной. Замешательство длилось недолго, французы изменили направление атаки и пошли на штурм так нелепо потерянной батареи.

— Держитесь, ребята,— закричал Засядько.— Отступать нельзя: перебьют весь батальон!

Они успели выстрелить еще раз. Этот залп картечью нанес противнику большой урон, ибо пришлось почти в упор по атакующим. Затем вспыхнул короткий штыковой бой. В нем бы и пришлось погибнуть, так как силы были слишком неравными, но в этот момент с тыла французов атаковало каре, которое Засядько создал немного раньше.

Недолгий бой закончился отступлением французов. Засядько не стал преследовать неприятеля и увел людей на корабли. Соотношение сил складывалось не в пользу русских.

На другой день в крошечную каюту Засядько пожаловал сам вице-адмирал. Александр встревожился. В помещении было тесно от моделей ракет, рулонов плотной бумаги, мешочков с древесным углем, порохом, селитрой, всевозможных приспособлений для работы.

— Так-так,— изрек Сенявин, стоя на пороге.

Он внимательно осматривался, словно бы собирался затем рисовать картину по памяти. Александр смущенно развел руками, дескать, как видите, все на виду.

— Я представил вас к награждению орденом святого Георгия четвертой степени,— заявил Сенявин, внимательно глядя в лицо капитана.

Однако реакция на его слова была вовсе не такой, какую он был вправе ожидать. Засядько расхохотался. Он пытался сдержаться, но это удалось не сразу. Пересмеявшись, объяснили:

— Этот орден для меня заколдованный. Дважды еще фельдмаршал Суворов собирался наградить им, но оба раза вычеркивал из наградного листа... Простите, ваше

превосходительство, я уже не верю, что буду носить ордена!

— Это вам обеспечено,— пообещал Сенявин.— Если бы не вы, наших бы там перебили как мух.

Он поискал место, где бы сесть, но не нашел, а на пыльную лавку с чертежами опуститься не решился. И, стоя на пороге, задал вопрос, ошеломивший Александра:

— Кстати, что вам говорит название «конгревские ракеты»?

Засядько вздрогнул, затем, немного подумав, ответил:

— Английский генерал Конгрев в битве с индийцами под Сераганпатамом захватил их ракеты и привез в Англию. Много работал над ними, пытаясь превратить их в ракетные пушки.

— Что это такое?

— Индийские ракеты способны были только сеять панику да пугать лошадей. Боевых зарядов они не пели. Конгрев старался приспособить эти ракеты для военных целей...— Александр говорил спокойным тоном, а в голове вертелась тревожная мысль: «Почему такой внезапный интерес к ракетам?»— Конгрев сконструировал специальные ракетные пушки, которые стреляли ракетами. Однако такие пушки были не лучше обычных, к тому же ракеты обходились дороже ядер...

— Так-так,— кивнул головой Сенявин, над чем-то думая. Вдруг он сказал решительно:— Завтра с утра отправляйтесь на берег. Возьмите с собой людей, лошадей, оружие. Возглавьте экспедицию к Берату. Это недалеко, меньше сорока верст от берега. Поступило сообщение, что Али-паша Янинский осадил в Берате пашу Ибрагима и взял город, применив лишь конгревские ракеты!

Рано утром Засядько сошел на берег во главе небольшого вооруженного отряда. К Берату вела узкая извилистая дорога. Люди шли гуськом, однако Александр не беспокоился. Нападения он не опасался: французов поблизости не было, а сам Али-паша враждовал с французами и поддерживал русских и англичан.

В дороге Засядько имел возможность поразмыслить над сообщением Сенявина. Неужели Конгрев сумел создать ракеты, которые можно быстро и легко перебрасывать с места на место? Ведь ракеты, с помощью которых якобы взял Берат, явно английского происхождения, сомневаться не приходилось. Значит, Конгрев вел работы

и над совершенствованием собственно ракет, а не только конструировал более совершенные ракетные орудия. Подобное раздвоение было бы странным, ибо мало походило на стиль работы английского генерала-изобретателя, за деятельностью которого он следил очень внимательно, если представлялась такая возможность.

К полудню они достигли Берата. К этому времени Засядько уже выяснил подробности взятия города у встреченных по дороге албанцев, которые рассказали ему, что Берат был взят одним из помощников Али-паши, храбрым Орером Врионисом. У того в самом деле имелись ракеты, которыми его снабдили англичане. Они дали Врионису несколько десятков обычных индийских ракет, которые могли шумом, треском и огненным шлейфом испугать лошадей и суеверных горцев, но не причинить вреда.

Засядько разочарованно перепроверил сведения и, убедившись в их достоверности, тут же велел отряду поворачивать обратно. Встречаться с Али-пашой ему не хотелось. Жестокий и кровожадный феодал отличался крайним вероломством, постоянно заигрывал либо с французами, либо с союзниками. Однажды он взял Превезу, защищаемую тремя сотнями французов, и велел перерезать всех жителей. В то же время обещал подчиниться французскому протекторату, если его признают наследственным властителем Ионических островов. Когда Наполеон велел ответить, что не желает слышать о нем, Али-паша горько жаловался французскому консулу Нувиллю: «Если Бонапарт гонит меня в дверь, я войду в окно. Я хочу умереть его слугой».

БОИ В АДРИАТИЧЕСКОМ МОРЕ

Однажды к Засядько ворвался Куприяненко и радостно закричал с порога:

— Война с Турцией! Только что пришло сообщение!

— Чему радуешься? — спросил Александр скептически.

— Как чему? Разгромим проклятых османов, освободим от их ига балканских славян. Разве это не великая цель?

— Великая, — согласился Засядько. — Военные действия уже начались, как я полагаю?

— Ты угадал! — ответил возбужденный Куприяненко. — Генерал Михельсон, командующий русской армией на Днестре, по приказу из Петербурга перешел реку, занял Яссы и Бухарест. Правда, нашего посла, князя Итальянского, турки едва не посадили в тюрьму, так как он не смог объяснить поведение своего правительства: ведь военные действия начались без объявления войны!

Куприяненко захохотал, крутнулся на каблуках. Из него ключом била энергия, он готов был сейчас же ринуться в бой с мусульманской Турцией. Александр пожал плечами и придвинул карту. Нужно разобраться в сложившейся ситуации.

Вскоре подоспело еще одно сообщение. Для совместных действий с русским флотом прибыла английская эскадра под руководством Дакуорта в составе восьми линейных кораблей, двух фрегатов, двух корветов и двух галионов. Адмирал сразу же приступил к штурму Дарданелл. Французы взяли на себя руководство турецкими канонирами. Англичане заставили турецкие батареи умолкнуть, а у Нагары уничтожили пять из шести турецких судов.

— Нам предстоит идти на остров Тенадос, — заявил Засядько.

— Откуда ты знаешь? — изумился Куприяненко.

— Видно по ситуации. Выступим не позже чем через два дня.

Выступили на следующий день. Эскадра Сенявина в составе восьми линейных кораблей, одного фрегата, шлюпа и двух тысяч десанта двинулась к Дарданеллам на соединение с Дакуортом.

Тем временем французские советники султана Селима III сумели наладить оборону Константинополя. Пока жители города таскали камни, землю и прутья, французский консул Себастиани вступил в переговоры с англичанами. Те попались на удочку. В первый же день переговоров турки выставили на батареи 300 пушек, через два дня их было уже 1200. В то же время, когда Константинополь и берега Босфора укреплялись орудиями, англичане узнали, что подобная работа ведется и на линии их отступления — на берегах Дарданелл. Дакуорт понял, что погибнет, если будет медлить, и вернулся через Дарданеллы, потеряв два корвета, 197 человек убитыми и 412 ранеными.

— А что будем делать мы? — спросил Куприяненко у Засядько. Поручик теперь внимательно прислушивался к прогнозам артиллериста.

— Что и собирались, — ответил Александр. — Высадим десант на Тенадосе. Сенявин, очевидно, предпочтет основать базу для блокады Дарданелл. Это безопасней, чем красивый, но бесполезный и кровавый рейд англичан к Константинополю.

Засядько оказался прав. 10 марта ему во главе десанта пришлось овладеть Тенадосом. О ракетах некогда было думать, ибо на острове надо было строить укрепления, возводить батареи. Лишь через три месяца, 10 июля, ему велели вернуться на корабль: турецкий флот вышел из Дарданелл. Сенявин, опасаясь, что турки, избегая решительного сражения, снова уйдут в пролив, поспешно отступил. Турецкая эскадра подошла к острову и высадила шеститысячный десант. Засядько с тревогой думал об оставшемся гарнизоне. Продержатся ли до конца боя, в исходе которого можно было не сомневаться?

Через два дня русская эскадра обнаружила противника у острова Лемнос и атаковала его. Завязалось знаменитое Афонское сражение, в ходе которого турки потеряли три линейных корабля, четыре фрегата и корвет. Убитых насчитывалось свыше тысячи, а 774 человека было захвачено в плен. Русские потеряли всего 231 человека.

Затем эскадра вернулась к Тенадосу. Засядько высадился во главе тысячного отряда и повел его в штыковую атаку против шеститысячного войска противника. После жестокого короткого боя турецкий десант капитулировал.

Александр и на этот раз вышел цел и невредим, только залитый кровью противника, из ожесточенного сражения. Зато не повезло Куприяненко. Едва ступив на землю, он получил сильный удар саблей по голове от турецкого солдата. Засядько распорядился храброго поручика перенести на корабль, чтобы врачи оказали ему посильную помощь.

Спустя неделю, когда он посетил раненого друга, тот уже улыбался:

— А здорово мы их?

— Здорово, — ответил Александр.

От врача он знал, что состояние поручика еще тяжелое. Рана не заживала. Куприяненко сильно исхудал, глаза ввалились и потускнели. Много разговаривать ему не разрешали, поэтому Засядько, не вдаваясь в рассуждения, вскоре попрощался и ушел.

Из Европы продолжали приходить неутешительные вести. Александр I приказал произвести новый набор и предписал духовенству проповедовать отечественную войну. Англия ссудила шесть миллионов фунтов, Пруссия двинула свои войска, Швеция примкнула к союзникам. Однако Наполеон сокрушил прусскую армию. Мелких королей и герцогов изгнал из княжеств, пощадив только князей саксонских, ибо при дворе одного из них — герцога Сексен-Веймарского — жили величайшие умы Германии: Гете, Виланд, Шиллер, Йоганн фон Мюллер. Германия была разгромлена. Затем Наполеон в битве при Фридланде разгромил русские войска. Говорят, что когда русский командующий Беннигсен, желая сохранить за собой дорогу на Кенигсберг, перешел Алле и сбил войско в кучу в узкой долине на левом берегу реки, Наполеон воскликнул: «Не каждый день поймаете неприятеля на такой ошибке!» Через несколько дней был заключен Тильзитский мир, который положил конец существованию четвертой коалиции.

— А что теперь? — спрашивал Куприяненко. Он все еще не поднимался с больничной койки.

— Вернемся домой, — высказал догадку Засядько. — Александр I и Наполеон делят мир. Две самые могучие военные монархии Бонапарт сокрушил, а третью склонил содействовать своим замыслам. Надеюсь, что теперь мы сможем наконец отдохнуть от кровопролития. А я... займусь своими делами.

ЗОЛОТАЯ ШПАГА

Засядько ошибся. Ракетами заниматься не пришлось, снова ему выпал бранный путь. Александр I возобновил войну с Турцией. Сразу по возвращении из архипелагской экспедиции Засядько был направлен в действующую армию на турецкий фронт.

В первый же день по прибытии он отличился при взятии Измаила и за беспримерную храбрость и распоря-

дательность был награжден орденом святого Владимира 4-й степени с бантом.

Силы русских и турецких войск были примерно равны: около 80 тысяч с той и другой стороны. Но русские были закалены в боях, хорошо снаряжены, ими командовали такие опытные военачальники, как Кутузов, Милорадович, Марков, Воинов, Исаев, Платов, Засс и французский эмигрант Ланжерон при главнокомандующем Прозоровском. Турецкая армия была плохо организована, а начальствовал над нею великий визирь Юсуф, восьмидесятилетний старик, известный главным образом по тем поражениям, какие нанес ему Наполеон во время египетской кампании. Однако, несмотря на это, турецкая армия сражалась с таким упорством и отвагой, что русские войска потерпели ряд поражений. При штурме Браилова русские потеряли 5 тысяч человек, причем штурм был отбит. Говорят, главнокомандующий заплакал, узнав об этом.

Неудачная попытка захватить Кладов окончательно сокрушила Прозоровского. Он скончался 21 августа, его преемником стал Багратион. Начав осаду Силистрии, он тоже потерпел поражение и ушел обратно за Дунай, имея в войсках 20 тысяч больных.

Багратион был отозван в Петербург, и главнокомандующим был назначен граф Каменский. С 22 по 26 мая он произвел переправу через реку неподалеку от Гирсова и направился к Шумле, по пути уничтожив довольно значительное войско Пехливан-паши. В этом сражении снова отличился Засядько. Он умело сосредоточил своих солдат на самом уязвимом участке и мощным ударом опрокинул турецкие ряды.

6 июня был взят Туртукай. За удачный штурм Засядько был пожалован орденом святой Анны 2-й степени. Однако высокая награда его не радовала. Он с грустью отмечал, что уже второй год Турция со своими нерегулярными войсками и стариком главнокомандующим, которого французы били в Египте, ухитряется успешно сражаться с русской армией. В кампании 1810 года русские потеряли убитыми и умершими от ран и болезней 27 тысяч человек, не считая 9 тысяч, которые стали совершенно непригодны к военной службе. Одно Засядько мог сказать себе в утешение: в его батальоне еще не один человек не умер от болезней. Он строго следил за обмундированием своих солдат и снабжением их в достаточном количестве медикаментами.

Во время этих бесконечных боев произошла одна мимолетная встреча, которую Засядько впоследствии нередко вспоминал. Перед штурмом Измаила он решил скрытно переправить батарею на неприятельский берег, чтобы во время атаки поддержать наступающие колонны. Напрасно старшие офицеры убеждали, что подполковнику — уже подполковнику! — не следует лично ходить в разведку, что для этого существуют казаки и летучие отряды, — Засядько был непреклонен.

Он отобрал нескольких казаков и велел дожидаться темноты. К вечеру один из казаков пригнал большой чели. В нем сидели два человека: Александр узнал характерные чубы и широкие шаровары запорожцев. Один из прибывших был старик, второму нельзя было дать больше двадцати. Оба загорелые, широкоплечие, кряжистые.

— Откуда вы? — спросил Засядько удивленно.

— С того берега, — степенно отозвался старик. Держался он спокойно и с удивительным для простолюдина достоинством.

Александр все стало ясно. Это были те запорожцы, которые в 1775 году ушли за Дунай от войск Екатерины II.

— Нам нужно перебраться на тот берег, — сказал Засядько. — Вы сможете высадить нас в таком месте, чтобы турки не заметили? Предупреждаю, если откажетесь — мы заберем лодку и высадимся сами. А в случае неудачи на вашей совести будет несколько загубленных христианских душ.

Запорожцы переглянулись. Младший опустил глаза, а старший сказал все так же неторопливо:

— Перевезем, почему ж не перевезти? Места мы знаем, не сомневайтесь. Сколько лет тут рыбу ловим, каждую камышинку отличим.

Дождавшись темноты, отряд погрузился в челн. Запорожцы сели на весла. Младший оттолкнулся от берега, и лодка поплыла через широкую реку, которая в темноте казалась безбрежной. О борт тихо плескалась вода, над головой сияли ко всему равнодушные звезды.

Засядько стоял на носу, внимательно вглядываясь в темноту. Руки его лежали на пистолетах и сабле. У него за спиной казаки, осмелев, начали потихоньку переговариваться. Один из них негромко спросил старика запорожца:

— Ну как вы живете с турками? Не притесняют? В магометанскую веру не силуют?

— Боронь боже, — ответил старик приглушенным голосом. — Живем, как жили. Ни веры, ни обычаев не трогают. Правда, налоги берут. Но и со своих дерут точно такие же...

Засядько напряг память, вспоминая фамилию нарушителя тишины:

— Котляревский! Прекратить разговоры!

Казак умолк, даже спрятал кисет, из которого собирался угостить запорожцев табаком. Все притихли. Лишь старик сказал спокойно:

— В этом месте нет турок, не сомневайтесь. Не услышат, хоть песни пой. — Затем повернулся к казаку и спросил: — А ты случайно не родственник тому Котляревскому, который написал «Энеиду»?

Казак замялся и шопотом признался, оглядываясь на строгого подполковника:

— Это я и есть...

— Ух ты, мать честная! — обрадовался запорожец. — Сподобил же бог встретить. Что ж ты в простых казаках служишь? Иди до нас, мы тебя кошевым поставим!

Засядько, открывший было рот, чтобы прикрикнуть на казаков, замер. Котляревский! Автор восхитительной пародии, ставшей народной поэмой? И такой молодой еще, всего на восемь-десять лет старше...

Впереди показался пологий берег. Челн мягко ткнул-ся в песок, младший запорожец выпрыгнул и подтащил лодку к берегу.

Засядько обратился к двум казакам, строго приказал, указывая на Котляревского:

— Чтoб у этого и волос с головы не упал! Жизнями отвечаете, поняли? Его голова всех наших стоит.

Вместо казаков отозвался старик запорожец:

— Сбережем ясного сокола, не сомневайтесь. Сами костями ляжем, а его сбережем.

И впервые дружелюбно посмотрел на офицера. Засядько проверил пистолеты, выпрыгнул на берег. Следом за ним поспешили казаки и старик запорожец.

Один из казаков, оказавшись рядом с Засядько, сказал вполголоса:

— Это наш штабс-капитан... Нарочно переодевается, чтобы в разведку ходить было сподручнее.

Весной 1811 года главнокомандующий русскими войсками Каменский заболел и был заменен Кутузовым. Тот сразу же вспомнил, что во времена Екатерины II ему удалось, к досаде европейской дипломатии, заключить сепаратный мир с диваном. И на этот раз он сумел вести в одно и то же время и переговоры, и военные действия.

Засядько находился на острие сражений во время битв при Разграде и Кади-Кее. За прекрасно проведенное сражение при Разграде, умелое стратегическое видение и высокое тактическое мастерство, а также за беспримерную отвагу и мужество его наградили золотой шпалой с надписью «За храбрость».

Пули и холодное оружие продолжали щадить его. Лишь в битве при Рущуке он был ранен в колено левой ноги, но остался в строю и проявил такой героизм, что командование было вынуждено отметить его подвиг алмазными знаками к ордену святой Анны 2-й степени. Кутузов, вручая ему награду, заявил: «Сам знаю, что мало за ваши деяния. Но у вас, батенька, орденов и отличий и так больше, чем у кого-либо из ваших сверстников во всей армии».

Вскоре Александру выпало военное счастье первым вступить в бой, когда великий визирь во главе семидесятитысячного войска решил перейти Дунай. В ночь с 8 на 9 сентября турецкие войска начали переправу миль на полторы выше Рущука. Авангард русских войск был отеснен, турки захватили русское знамя, которое сразу же отослали в сераль султану. Великий визирь сам перешел реку с главной частью армии численностью в 36 тысяч человек. На правом берегу осталось 30 тысяч, которые угрожали Рущуку и Силистрии.

Засядько усилил подготовку батальона, выписал для ружей добавочные боеприпасы. Он уже видел, что может получить из такой расстановки сил.

12 октября саперы навели мост в четырех милях выше Слободзеи, и в ночь с 13-го на 14-е Засядько во главе батальона первым переправился на левый берег Дуная. За ним последовало еще около семи тысяч закаленных солдат. Засядько принял командование и повел войско в атаку. Они прорвали слишком растянутую линию обороны, овладели лагерем, всеми припасами великого визиря.

Во время боя кто-то из русских офицеров крикнул Александру!

— Семь тысяч против тридцати! Не думал, что такое удастся. Поздравляю!

Засядько узнал капитана Паскевича, полтавчанина, который командовал соседним батальоном.

— У нас ведь регулярная армия, — ответил Александр, отклоняя поздравления.

С правого берега донесся гром канонады. Это Кутузов атаковал войско великого визиря. Отрезанные от линии отступления, турки оказались в отчаянном положении...

— Война кончилась! — заявил Засядько, возвратившись в лагерь.

— Ты что? — изумился Паскевич. — Мы только начали добиваться успехов!

— Нам нужен мир во что бы то ни стало. Вот-вот грянет война с Бонапартом. Мы готовы заключить мир на любых условиях, только бы высвободить армии...

Паскевичу вскоре пришлось убедиться в правоте товарища. Начались долгие изнурительные переговоры, в результате которых Россия приобретала Бессарабию с границей по Пруту — неважное вознаграждение за шестилетнюю кампанию! — и возвращала Порте всю территорию, захваченную у турок в Азии.

КАМПАНИЯ 1812 ГОДА

Через три недели Александр Засядько принял первый бой с авангардными частями армии Наполеона. Маршал Даву отбросил корпус Багратиона, в составе которого находился батальон Засядько, к Смоленску.

Из-за отсутствия правильной организации интендантства, невозможной при таких огромных расстояниях и плохих дорогах, солдаты наполеоновской армии приучились жить за счет побежденной стороны, занимаясь мародерством. Так как большинство мародеров, особенно из числа солдат иностранных легионов, превращались в дезертиров, то ряды наполеоновских войск стали редеть. 29 и 30 июня разразились грозы. Дожди испортили дороги, пало несколько тысяч лошадей, в результате этого французам не удалось настигнуть русских при отступлении.

Мародерство, дезертирство, болезни были причиной огромных потерь в наполеоновской армии. По пути от Немана до Двины она потеряла около 150 тысяч человек.

Кавалерия Мюрата с 22 тысяч уменьшилась до 14 тысяч, корпус Нея — с 36 тысяч до 22 тысяч, баварцев Евгения, пораженных эпидемической болезнью, с 27 тысяч осталось 13 тысяч, итальянская дивизия Пино, изнуренная переходом в 600 миль, сделанным за три-четыре месяца, с 11 тысяч сократилась до 5 тысяч.

Засядько присутствовал на военном совете под Смоленском, который созвали Барклай-де-Толли и Багратион. В числе присутствующих был великий князь Константин, с которым Засядько познакомился еще во время Швейцарского похода, и много генералов обеих армий: Барклая и Багратиона. За отступление осмелился высказаться один Барклай.

Этот бой, который решили все-таки дать, продолжался три дня. Затем объятый пламенем Смоленск был оставлен, русские армии отступили.

Засядько все чаще слышал, как Барклая-де-Толли обвиняли в измене. Дескать, проклятый немец продался французам, во главе армий должен стоять обязательно русский... Наконец Александр I сменил фельдмаршала, вся вина которого заключалась в его шотландском происхождении, и поставил на его место Голенищева-Кутузова.

6 сентября, когда русская армия остановилась на равнине между деревнями Бородино, Горки и Семеновское, прошел слух, что здесь наконец-то Бонапарту дадут решительное сражение. Солдаты и офицеры молились привезенным из Москвы чудотворным иконам, проносимым по полкам крестным ходом.

На следующее утро в пять часов завязался бой... Он запомнился Александру еще тем, что удалось ближе познакомиться с фельдмаршалом Барклаем-де-Толли, удивительным человеком, трагическая судьба которого потом постоянно привлекала внимание историков, биографов, литераторов.

В начале шестого утра войска Евгения Богарне пошли в атаку через реку Колочу в направлении селения Бородино. Одновременно корпус Понятовского атаковал силы Тучкова. Обе атаки успеха не имели, и через полчаса Наполеон двинул в бой главные силы. Началось сражение, которое военные историки России назовут Бородинским.

Через шесть часов непрерывных атак французские войска овладели флешами. Багратион был смертельно

ранен, а генерал-лейтенант Коновницын, принявший командование, отвел войска за Семеновский овраг.

Засядько с начала сражения находился на батарее генерала Раевского. Здесь разразились наиболее ожесточенные бои, так как Бонапарт сосредоточил для взятия батареи свыше 300 орудий и около 35 тысяч человек. Атака следовала за атакой. Канониры то и дело, оставив орудия, бросались врукопашную. Силы таяли, недалек был тот час, когда батарею защищать станет некому. В самый критический момент Засядько увидел, как слева выскочил отряд легко вооруженной конницы русских, ударил во фланг наступающей французской пехоте, смял передние ряды. Во главе конного отряда он узнал черную фельдмаршальскую мантию Барклая-де-Толи, который мастерски и ожесточенно рубился, врезаясь в самую гущу неприятеля.

Кто-то позади сказал с нескрываемой досадой:

— Вот сволочь заговоренная!

Засядько обернулся, зло посмотрел на Балабуху, с которым судьба свела его за несколько часов до битвы. Тот с ненавистью наблюдал за фельдмаршалом. Перехватив взгляд товарища, пояснил:

— С утра суется в самые опасные места... Говорят, ищет смерти. Враки! Подумаешь, обидели... А что цел — тоже понятно: свой своих не трогает.

Засядько видел, что небольшому отряду Барклая нужно немедленно возвращаться: французы оправились и начали окружать отважных конников. Пятидесятилетний фельдмаршал сражался с энергией юноши и опытом вождя, но при таком превосходстве сил противника личная отвага и мужество все равно будут сведены на нет.

— Надо бы помочь... — прошептал Засядько.

— Вывернется, — ответил Балабуха неуверенно. — Французы знают, что он предатель, и не тронут.

— Глупости говоришь, — возмущенно сказал Засядько и снова посмотрел на поле сражения.

Французы уже взяли конный отряд в кольцо. Барклай, отбиваясь от троих, оглядывался на своих людей. Когда перед ним остался один противник, он смял его конем и бросился на помощь какому-то юному офицеру с залитым кровью лицом, который с трудом отбивался от наседавшего дюжего противника.

— Дай людей, — попросил Засядько. — У тебя есть резерв.

— Не дам,— поспешно ответил Балабуха, словно ждал этой просьбы.— Люди устали. Раз выпала передышка, пусть отдохнут.

— А там гибнет человек, которому мы обязаны этой передышкой! — резко сказал Александр, уже не сдерживаясь.— Эх, ты... Запомни: мы с тобой не учились вместе в корпусе. Мы с тобой не дружили. И уже не знакомы.

Он вскочил на бруствер и отчаянно звонко крикнул:

— Есть добровольцы? Надо выручить храбрецов! Кто не трусит — вперед, за мной!

И с обнаженной шпагой бросился вперед. Сзади слышался топот: несколько человек покинули батарею и бежали следом. Смяв попавшихся на пути французов и не ввязываясь в отдельные схватки, Засядько стал пробиваться к взятому в кольцо фельдмаршалу. Тот уже смертельно устал и отбивался с трудом. Рядом с ним падали сраженные пулями и саблями русские солдаты и офицеры.

Засядько сбил с ног еще двоих французов, третьего успел ударить шпагой и прорвался через кольцо. Француз, бросившийся со штыком наперевес на Барклая, устремился теперь к нему. Засядько сразил его и стал рядом с фельдмаршалом. Тот благодарно кивнул. Только теперь Александр увидел, что фельдмаршал не так бодр, как выглядел издали. Дышал он хрипло, с трудом, лицо было залито потом и покрыто пылью, отчего морщины казались еще глубже. Но даже сейчас он был красив: седой, с выразительным мужественным лицом, большими умными глазами, стройной и сильной фигурой воина.

Сзади послышалось яростное «ура». Засядько в изумлении увидел, что сквозь ряды французов прорывается русский отряд во главе с Балабухой. На нем был изорван мундир, по щеке стекала струйка крови. Пробившись к Александру, Балабуха взглянул на товарища и, повернувшись к своим людям, стал отдавать распоряжения. Его солдаты быстро расширяли брешь, чтобы вывести отряд фельдмаршала.

— Ты ранен, дружище? — спросил Засядько тревожно.

— Не все же заговоренные,— ответил Балабуха хмуро.— Разве что Бонапарт и ты... Да еще этот сумасшедший старик.

— Отправляйся в лазарет,— потребовал Засядько.— Ты ослабеешь от потери крови!

— Присохнет,— отмахнулся Балабуха.— Царапина. Но посуды сам: за какие-нибудь пять минут я получил раз десять по голове, меня смяли конем, кто-то прикладом заехал по лицу, пули изодрали мундир, и еще у меня сломано по крайней мере одно ребро. А ты целехонек! Вот так и бросайся за тобой.

Его шутливая жалоба окончательно растопила холодок отчуждения. Засядько рассмеялся и обнял старого друга. Балабуха облегченно вздохнул. Ему очень не хотелось ссориться с Александром. Хоть и не всегда понимал его затеи, но это был единственный в его жизни человек, которого он любил и беспредельно уважал.

Неподалеку от них Барклай садился на лошадь. Это был его третий конь за время схватки. Балабуха молча подивился, что фельдмаршал ни разу не сломал себе шеи, когда на скаку падал с лошади, однако промолчал, чтобы не вызвать новой ссоры.

— Уходите, друзья! Сейчас последует конная атака! — крикнул, оглянувшись, Барклай.

— А вы? — спросил Засядько.

— Я отойду в аррьергарде.

— Мы будем рядом с вами,— ответил Балабуха, опережая Александра.

— Вам бы лучше побережесь... — начал было Барклай, но умолк под взглядом Засядько, который дал понять, что если и бережись кому, то старшему по чину, тогда и младшие могут сохранить головы.

— Как у вас на батарее? — спросил Барклай.

— Продержимся около часа,— ответил Засядько.— Потом людей не останется... Нам бы резервы!

— За час откуда их взять? — подумал вслух Барклай.

— А если ударить по левому флангу? Казаки Платова могли бы хоть на время сорвать непрерывные атаки.

Барклай некоторое время пристально смотрел на подполковника, потом кивнул, соглашаясь, прищипорил коня и ускакал. За ним последовал его конный отряд.

Несмотря на помощь Балабухи, Засядько и его солдатам пришлось бы худо, если бы со стороны русских батарей внезапно не прогремело новое «ура». Оглянувшись, он с радостью увидел, как из укреплений соседней батареи выскакивали преображенцы. Это шла помощь, тем более весомая, что батальон вел в атаку один из его друзей, Леопольд — принц по происхождению, немец по рождению, космополит по взглядам, авантюрист по

натуре и воин по характеру, в данное время состоявший на службе в русской армии. В свое время Александр и Леопольд едва не поссорились до дуэли из-за пустяка, но затем быстро нашли общий язык и крепко подружились.

— Трымайся, друже! — закричал Леопольд по-украински. — Береженого бог бережет!

Александр весело улыбнулся и повел солдат на прорыв к Леопольду.

— Den Vorsichtigen bewahrt der Gott, — ответил он, — und den Kosaken bewacht sein Säbel! ¹

Его громовой голос покрыл шум схватки. Леопольд усилил натиск. Французы подались. Через несколько мгновений люди Засядько встретились с преображенцами. Те пропустили их, а сами пошли вперед, стараясь закрепить успех контратаки.

— Вот и отлично, — сказал Александр с облегчением. — Как ты думаешь?..

Он обернулся. Балабуха медленно опускался на землю, опираясь на саблю. Лицо капитана было смертельно бледным. Кто-то из солдат подхватил командира, но, взглянув на огромную рану в спине, поспешно опустил на землю.

Только теперь Засядько обратил внимание, что над полем боя уже свищет картечь. Французские орудия перенесли огонь на этот участок, подготавливая его для атаки. Вдали показалась тяжелая конница.

— Всем на батарею! — скомандовал он сдавленным голосом и, взяв Балабуху на руки, пошел к своим позициям. Рядом свистели пули, пролетала визжащая картечь, вскрикивали и падали сраженные солдаты. Сзади нарастал грохочущий топот.

Засядько шел, не оглядываясь. Лицо Балабухи покрылось смертельной бледностью. Александр ощущал, как по его пальцам стекает теплая струйка крови. Он принес друга на батарею и опустил на землю в тот момент, когда на укрепления обрушилась атака драгун. Пришлось, сцепив зубы, яростно отбиваться и руководить батареей и солдатами Балабухи. Атака следовала за атакой, наконец на батарее почти не осталось людей. Но именно в это время вдруг наступило затишье...

¹ Береженого бог бережет, а казака сабля стережет (нем.).

В глубине французских войск было заметно странное перемещение. Как оказалось, кавалерийские полки генералов Платова и Уварова нанесли удар по левому флангу французской армии, вызвав переполох во вражеских войсках. На батарее Засядько наступила двухчасовая передышка.

Александр быстро прошел по укреплениям из конца в конец. Везде разрушения...

— Ваше высокоблагородие! — послышался сзади радостный голос. — Смена никак?

Со стороны старой Смоленской дороги ускоренным маршем приближались войска. Над ровными квадратами колыхался лес штыков. Солдаты шли быстро и уверенно. Это были гренадеры, опытные и закаленные воины, прошедшие хорошую школу в только что закончившейся турецкой войне.

— Готовьтесь, — велел Засядько. — Как только подойдут, отправляйтесь по дороге к Горкам. Я позабочусь, чтобы все оставшиеся в живых были представлены к награде.

— А вы, ваше высокоблагородие? — спросил артиллерист испуганно.

— Я останусь, — ответил Засядько коротко.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы расставить по местам новоприбывших, затем на батарею обрушилась волна новых яростных атак...

Это был самый жестокий бой, в котором ему пришлось участвовать. Орудия гремели, не умолкая, а между ними гренадеры сражались с теми французами, которых не удалось остановить огнем. Гренадеры сражались ожесточенно, но французы не турки, и у Александра после каждой атаки наполовину сокращался состав. Через два часа, когда на разрушенной батарее остались одни пушкари, да и те в большинстве раненые, прискакал курьер с приказом отступать...

Засядько отходил последним. Ему почти треть дороги приходилось пятиться, отбивая атаки авангардных частей противника. Вокруг него постоянно держалась группа grenадеров. Они умело работали штыками, однако подполковник с горечью отметил, что к моменту окончательного отрыва от французов состав группы изменился несколько раз. По телам убитых и раненых прошагали наступающие солдаты Бонапарта.

Отступать пришлось до деревни Горки, где уже перегруппировывались войска, отступившие ранее. К шести часам вечера русская армия заняла позиции от Горок до старой Смоленской дороги. С наступлением темноты пришло известие, которое немного обрадовало: Бонапарт велел оставить захваченные у русских укрепления и переждать ночь на исходных позициях.

Однако Засядько понимал, что продолжать бой было бы безумием. Резервов нет, армия наполовину истреблена, — только генералов погибло двадцать три человека! — другая половина находится в расстройстве, артиллерия потеряна.

И в самом деле: утром русская армия начала отступление к Можайску, а затем к Москве. Войска Бонапарта следовали по пятам. Для поддержания духа в войсках Александр I велел битву у деревни Бородино считать победой над Бонапартом и обнародовать об этом манифест. В какой-то мере это соответствовало действительности, так как удалось поколебать легенду о непобедимости наполеоновской армии.

Засядько тяжело переживал смерть Балабухи. Уже никогда не прозвучит его жизнерадостный смех и любимая фраза: «Посмотри, дружище, мир прекрасен!» Нет, он не прекрасен, если гибнут хорошие люди, а всякое ничтожество вроде Васильева околачивается в безопасном месте при генеральном штабе и регулярно получает награды...

14 сентября Засядько последним перешел мост через Москву-реку. Здесь его нагнала небольшая группа французов, в их предводителе он с удивлением узнал прославленного наполеоновского маршала Мюрата.

Загорелый, улыбающийся, ловко сидящий на горячем жеребце, Мюрат приветственно поднял руку и пустил коня вперед. Его спутники остались на месте.

Засядько молча ждал приближения маршала. За спиной нарастал грозный ропот солдат. Мюрат подскочил ближе, ловко спрыгнул с коня и пошел вперед с протянутой рукой.

— Вы славно сражались в Московском¹ бою! — воскликнул он. — Я пользуюсь случаем пожать вам руку и выразить восхищение мужеством и стойкостью русских солдат.

¹ Так во Франции называли Бородинский бой.

Засядько ответил на рукопожатие, заметив:

— Похвала победителя особенно лестна. Видимо, я имею честь пожимать руку военному губернатору Москвы?

— Не-ет, — смеясь, ответил Мюрат. — Им назначен Мортье. Мне император велел только поскорее занять Москву. Со мной инспектор Деннье, ему приказано заготовить в Москве припасы и подыскать квартиры для войск. Как, по-вашему, это легко устроить?

— На это не рассчитывайте, — ответил Засядько сдержанно. — Московским главнокомандующим был Ростопчин...

Мюрат понимающе кивнул. Засядько оглянулся на своих солдат, которые стояли насупившись и держали ружья наизготовку.

— Войска уже оставили город, — продолжил он. — Можете вступать. Москва пуста. Жители тоже покинули ее.

— Почему? — воскликнул Мюрат удивленно.

— Привычка, — ответил Засядько с горькой иронией. — При нашествии татар народ уходил в леса.

— Французы и татары — большая разница!

— Русские не видят разницы в неприятеле.

Мюрат оскорбленно пожал плечами. Его спутники подъехали ближе, с интересом разглядывали богатырскую фигуру русского офицера. Мюрат вскочил в седло, натянул поводья и вихрем пронесся мимо изумленных русских солдат в направлении Москвы. Следом за ним поскакала свита. Копыта лошадей гулко били о дощатый настил деревянного моста.

Засядько бросил прощальный взгляд на окрестности и велел своим солдатам догонять основные силы армии. По их пятам уже двигались авангардные части конницы Мюрата.

Московский губернатор Ростопчин был непримиримым врагом всего французского — французских мод, идей, парикмахеров и наставников. Он издавал бюллетени о победах над французами, устраивал крестные ходы с чудотворными иконами, велел зарубить одного жителя за похвалу Бонапарту, сослав в Нижний Новгород сорок учителей-французов, среди которых был и актер Думерг, оставивший описание этого «путешествия».

Кроме того, он спешно отправил в Петербург всех сенаторов, чтобы Бонапарту не с кем было вести переговоры. В довершение велел передать народу арсенал,

распустить арестантов и вывезти все пожарные инструменты, которых в Москве насчитывалось 1600 штук.

Утром 15 сентября Бонапарт под звуки марсельезы вступил со своей гвардией в Кремль. Он с изумлением обнаружил, что Москва в основном состоит из деревянных построек. Даже мосты деревянные... В тот же день город запылал. Когда Наполеону доложили, что нет никакого пожарного инвентаря, он в ужасе воскликнул: «Да это скифы!»

...Затем было отступление Великой армии. Засядько шел в авангарде, и его отряд первым столкнулся с армией Бонапарта у реки Березины. Вслед за жестокими морозами наступила оттепель, так что переход через реку стал возможен только с помощью мостов. Генерал Эбле со своей бригадой работал без перерыва, включая ночь 25 и 26 ноября. Навели два моста — один для пехоты, другой для обоза. Но второй обвалился, тогда привалились за починку, стоя по пояс в ледяной воде. Никто из этих людей не остался в живых.

Засядько вспоминал комичный эпизод после битвы при Малоярославце. На другой день вечером к нему зашел полковник Заале, принес бутылку шампанского. Вид у полковника был почему-то сконфуженный.

— Александр Дмитриевич, — начал он, когда шампанское запенилось в бокалах, — к вам есть дело деликатнейшего свойства... Как вы знаете, государь император изволил наградить светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова золотой шпагой с надписью «За храбрость»...

— От души поздравляю, — бодро сказал Засядько и выпил содержимое бокала.

Заале налил ему снова и продолжал вкрадчиво:

— Вы не могли бы опоздать на церемонию награждения? Или вообще не присутствовать?

Засядько удивился:

— Но ведь я тоже приглашен!

— Взыскания не получите, обещаю. Дело в том, что... складывается щекотливое положение. Государь наградил вас такой же шпагой, когда вы были всего-навсего капитаном...

— Было такое, — подтвердил Засядько. — Вот она, эта шпага!

Заале с завистью покосился на золотое оружие, уважительно тронул пальцами затейливо украшенный эфес.

— Вот видите, — продолжал он, — а ведь вам не было еще и сорока...

— Едва исполнилось тридцать! — Засядько уже все понял, и ему стало весело. — Хорошо, — согласился он. — Хоть выплюсь. Утром мой полк перебрасывают на перехват авангардным частям Мюрата. А церемонии награждения мне не в диковинку.

Он допил шампанское, проводил ошарашенного штабника, лег в постель и мгновенно уснул здоровым крепким сном.

ЗАЛОЖНИК

В январе русские войска переправились через Неман. Пруссия наконец решилась выступить против Франции, вся прусская армия стала отныне подчиняться русскому командованию.

Австрии нужно было несколько недель, чтобы закончить приготовления к военным действиям. Наполеон, взбешенный готовящимся предательством, кричал и топал ногами на австрийского министра иностранных дел Меттерниха: «Вы хотите войны — хорошо же, будем драться. Я назначаю вам свидание в Вене. Сколько вас, союзников? Четверо, пятеро, шестеро? Двадцать? Чем больше вас будет, тем я буду спокойнее». — «Мир и война, — холодно ответил Меттерних, — в руках вашего величества. Сегодня вы еще можете заключить мир; завтра, возможно, будет уже поздно...» — «Чего от меня хотят? — закричал Наполеон. — Чтобы я покрыл себя позором? Никогда! Ваши государи, рожденные на троне, могут двадцать раз возвращаться побежденными в свои столицы. Я этого не могу, потому что вышел из солдат!»

Австрия объявила о своем вступлении в войну. Теперь уже вся Европа двинулась против Наполеона. Три огромные армии хорошо обученных и экипированных солдат численностью свыше миллиона начали новую кампанию. Во главе коалиции был поставлен талантливый полководец, бывший соратник Наполеона, маршал Бернадот, перешедший на сторону союзников. Для командования войсками был вызван из Америки другой талантливый полководец, тоже бывший соратник и друг Наполеона, маршал Моро. Генерал Жюмпи, изменивший Наполеону после битвы при Бауцене, теперь состоял в

генеральном штабе союзников и доставлял Александру I планы передвижения войск.

Осенняя кампания началась в конце августа битвой за Дрезден. Наполеон нанес ощутимое поражение союзникам, захватив в плен 15 тысяч человек и сорок орудий.

Засядько, чей полк был потрепан особенно сильно, отступал в арьергарде и был свидетелем драматического зрелища: несколько французских ядер обрушились на главный штаб императора Александра I, разрушили стены, обвалили крышу. Жомини выскочил из помещения, ругаясь по-немецки и грозя кулаком в сторону наступающих французских колонн. Александр I вышел довольно спокойно, отряхнул пыль, тщательно обобрал с рукава нити паутины. Он понимал, что на него устремлены десятки глаз, и старался держаться с достоинством.

Затем из штаба выскочил побледневший адъютант и закричал:

— Моро ранен! Помогите!

Засядько кивнул солдатам и вбежал в разрушенное помещение. Прославленный маршал лежал на полу. Ноги его были в крови, лицо покрылось восковой бледностью. Несколько лет назад от такой же раны погиб лучший маршал Франции и самый талантливый полководец Бонапарта Ланн: ему тоже ядром раздробило оба колена.

И вдруг неустрашимый Моро заплакал. Засядько стало не по себе, когда он понял, что маршал сказал сквозь слезы: «Как мне, Моро, умереть среди врагов Франции от французского ядра!»

Солдаты подхватили раненого и осторожно вынесли из штаба. Засядько велел спешно доставить маршала в лазарет, а сам бросился догонять полк. Пять дней спустя он узнал, что маршалу в тот же день пришлось отнять обе ноги. Он перенес операцию с необычайным мужеством, но через четыре дня умер. И до последней минуты не переставал проклипать себя, что воевал против любимой Франции.

При осаде крепости Торн Засядько вызвали в генеральный штаб и предложили взять на себя ответственную миссию парламентаря, а если понадобится, то и заложника.

— Но для этой роли у вас столько штабных исполнителей, — заметил пораженный Александр, — а я боевой офицер...

— Не скромничайте, — ответил недавно назначенный главнокомандующий русскими войсками, в котором Засядько с радостью узнал Барклая-де-Толли, — о вас идет по армии слава не только как о боевом офицере...

Засядько насторожился. Неожиданности ему были ни к чему. Он старался быть в армии только военным, разумеется, хорошим военным. А все, что не относится к военному искусству, могло лишь повредить его репутации.

Барклай, очевидно, понял сомнения полковника.

— О вас говорят, — сказал он успокоительно, — как о превосходном артиллерийском инженере, а также как о превосходном организаторе. Ваш полк всегда отличается повышенной боеспособностью, он лучше других снабжен амуницией, боеприпасами и провиантом. Все это я отношу исключительно в счет ваших заслуг. Но дело не только в этом. Военный парламентар должен обладать еще целым рядом исключительных качеств. Он должен быть умен, тактичен, сообразителен, тверд, отважен и одновременно осмотрителен... Да что там перечислять, далеко не каждый может отправиться во вражескую крепость на переговоры. Я долго перебирал офицеров, но ни на ком не остановился. Спросил генералов — они единодушно назвали вас, хотя кое-кто вас здесь и недолюбливает. Признаться, меня удивило их мнение. Я знал вас лишь как отчаянного храбреца, а вы, оказывается, еще и дипломат?

Барклай с интересом смотрел в открытое лицо полковника.

— Беретесь?

— Разве я могу отказаться?

— Это не приказ. Дело сугубо добровольное.

— Сочту за честь! — ответил Засядько.

— Тогда с богом. Подробные инструкции вам ни к чему. Добейтесь сдачи крепости на любых условиях. На любых! Мы не можем двигаться дальше, оставляя у себя в тылу сильный гарнизон.

Барклай обнял Засядько за плечи и так проводил до дверей.

Александр слез с коня и взял из рук сопровождавшего поручика белый флаг. Поручик почтительно перехватил повод.

— Отправляйтесь назад, — приказал Засядько.

Он был при всех орденах и регалиях. Правая рука лежала на эфесе золотой шпаги. Глубоко вздохнув, Александр пошел вперед. Громада крепостных стен надвигалась все ближе, уже слышна была переключка часовых. Возле ворот его встретил офицер в чине полковника. «Равного выслали», — отметил Засядько одобрительно.

Ему завязали глаза. Тяжелые ворота заскрипели и отворились, его повели в крепость. Полчаса петляли по многочисленным переходам, явно с целью запутать русского офицера.

Засядько усмехался. Несмотря на повязку, закрывавшую глаза, он запомнил весь путь, повороты, подъемы и спуски. При желании мог бы набросать подробный маршрут пройденного пути.

Его привели в большую комнату, где уже собрались высшие офицеры. За столом восседал человек могучего сложения в генеральском мундире. Лицо его было покрыто большими коричневыми пятнами. Такие следы остаются после сильного и длительного обмороживания. «Побывал в России», — отметил про себя Александр.

— Полковник Засядько, — отрекомендовался он. — Послан парламентом от имени русского командования к коменданту крепости.

— Я комендант, — ответил, вставая, человек с коричневыми пятнами на лице, — генерал Мавильон. Что вам угодно?

— Имею честь предложить от имени союзного командования сдачу крепости, — ответил Засядько.

— Почему бы вам не взять ее штурмом или осадой? — спросил Мавильон иронически.

— Двадцатого марта мы взяли Люненбург, — ответил Засядько, — двадцать второго — Лейпциг...

— Торн — не Лейпциг, — прервал его Мавильон. — Лейпциг — город, а Торн — крепость. Надеюсь, вы уже заметили разницу?

По рядам офицеров пробежал одобрительный ропот.

— Я только вчера прибыл сюда со своим полком, — ответил Засядько. — Что здесь делала армия, не знаю. Но вчера вечером я велел расставить батареи по своей схеме. Если через два часа не получим ответ, орудия начнут обстрел.

— Нас обстреливают уже несколько месяцев, — ответил Мавильон, нахмурившись. — И за это время ваши

войска не продвинулись ни на шаг. Вы очень самоуверенны, полковник. Это лишь нашему императору однажды удалось при помощи иной расстановки орудий принудить Тулон к сдаче! — Он повернулся к офицерам: — Парламентера взять и отвести в каземат. Там он лучше убедится в прочности наших стен.

— Через два часа орудия начнут обстрел, — предупредил Александр.

Мавильон молча махнул рукой, приказывая выполнять распоряжение. Засядько, пожав плечами, направился к двери. Конвой препроводил его в нижние этажи крепости, где его заключили в одиночный каземат.

Засядько мельком оглядел помещение, лег на каменную скамью и мгновенно уснул. Нужно было набраться сил. Сопровождавшие его солдаты уважительно переглянулись. Человека с таким самообладанием они еще не встречали.

Он проспал семь часов. Проснувшись, в тот же момент услышал, что его батареи ведут залповый огонь по двум местам в крепостной стене, которые он отметил сразу же по прибытии под Торн при беглой рекогносцировке. Через некоторое время в стенах образуются бреши... Вспомогательная артиллерия, обычно не принимающая участия в осадах, на этот раз тоже деловито выпускала ядра, целясь в указанное место. Даже легкая артиллерия, предназначенная исключительно для поддержки конных атак, вела огонь по той же цели, что и осадные пушки...

Еще не открывая глаз, он знал, что перед ним стоит Мавильон. Французский комендант тяжело дышал, словно спускался по лестнице бегом.

Засядько приподнялся и сел на жесткой постели.

— Слушаю вас, — сказал он мирно.

— Каковы ваши условия? — быстро спросил Мавильон.

— Гарнизону гарантируется жизнь и личная безопасность. После окончания войны солдат и офицеров немедленно вернут во Францию.

— А оружие, знамена, обоз?

— Останутся победителям.

— Но это нарушение! — воскликнул Мавильон. — По всем действующим военным законам осажденному гарнизону разрешается сдавать крепость или город, забирая с собой знамена, пушки и обоз. Кто дал вам полномочия...

— Вы,— ответил Засядько.— Вы дали. Первоначальные условия и были таковы. Но вы сами все испортили. Вы велели взять парламентаря под стражу: это варварство, которого никак нельзя было ожидать от цивилизованной французской армии. Вы не дали вовремя ответ союзному командованию, а за это время условия существенно изменились...

Он умолк, прислушиваясь. Мавильон поднял голову. Сверху доносился слитный гул, словно тысячи исполненных молотов били по крыше каменного здания, вгоняя его в землю.

— Эти условия мы принять не можем,— ответил Мавильон громко.

Однако чуткое ухо Александра уловило в голосе команданта нотки колебания. И он сказал подчеркнуто спокойно:

— Тогда вы погибли. Не сомневаюсь, что смелый офицер предпочтет смерть позорному плену, но имеете ли вы право до такой степени распоряжаться жизнями других людей? Через несколько часов сюда ворвутся союзные войска. Начнется резня...

Мавильон опустил голову, раздумывая. Засядько продолжал:

— Среди атакующих — корпус Блюхера. А вы знаете, что этот прусский генерал люто ненавидит французов. И его солдаты могут не пощадить даже раненых...

Мавильон взглянул исподлобья и сказал хмуро:

— Мы принимаем ваши условия. Но вы останетесь заложником на все время сдачи крепости и передачи оружия! Таким офицером союзная армия наверняка дорожит. Если со стороны ваших войск будут допущены какие-либо нарушения или бесчинства,— вас немедленно расстреляют!

КАВАЛЕР ОРДЕНА «POUR LE MERITE»¹

Через несколько дней Засядько снова вызвали в генеральный штаб. Там уже собрался генералитет, все было в парадной форме. В центре находился дородный мужчина в мундире высшего офицера генерального штаба прусской армии. Александр узнал полковника барона

¹ «За заслуги».

Мюфлинга, с которым уже приходилось встречаться по делам службы.

Мюфлинг с интересом повернулся к Засядько:

— Так это вы наш национальный герой? Поздравляю! Мой король просил договориться о сдаче крепости на любых условиях, лишь бы французы убрались из страны, а вы каким-то образом принудили их к капитуляции. Пруссия получила Торн в полной сохранности, к тому же уцелели склады с оружием и продовольствием. Мы не забудем, кому обязаны!

Он крепко пожал руку Александру, отступил на шаг и торжественно провозгласил:

— Его королевское величество король Пруссии Фридрих-Вильгельм III награждает героя Торна боевым орденом «Pour le mérite»!

Генералы зааплодировали. Мюфлинг еще раз пожал руку Александру и дружески обнял его, давая понять, что официальная часть окончилась. Адъютанты уже вносили корзины с шампанским, накрывали столы.

Мюфлинг продолжал с интересом следить за ратными подвигами Засядько, который вскоре блеснул доблестью в жестоких боях у селения Цонтин, при местечке Гольберг, при деревне Гейнесдорфе, на Каубахе... Судьба хранила храбреца: он появлялся на самых опасных участках, но пули щадили его так же, как уже много лет щадили французского императора.

Удивился Мюфлинг лишь тому, что за все эти подвиги полковник получил только боевой орден святого Владимира 3-й степени.

— У вас есть недруги в генеральном штабе? — спросил он дружески.

— Вроде бы нет,— ответил Засядько беспечно.

— Странно... Вы отличились в целом ряде сражений, некоторые были выиграны лишь благодаря вашему таланту... гм, странно...

Засядько охотно бывал в обществе Мюфлинга еще и потому, что тот жил в Веймаре, был близок с жившими там Гердером, Гете, Виландом, Шиллером, братьями Шлегель и ездил за несколько верст в Иену, где Фихте и Шеллинг преподавали философию.

— Наши женщины приносят в фонд армии обручальные кольца,— сказал однажды Мюфлинг.— В Пруссии

стало неприлично иметь золотую или серебряную утварь! Страна еще не знала такого патриотического подъема. Десятого марта король учредил орден Железного креста для награждения всех, без различия происхождения и звания, кто отличился в боях с врагом...

— Я прочел оду Мориса Арндта «Бог, который создал железо, не хотел рабов», — сказал Засядько. — Великолечно! Этот же поэт написал на днях песню «Где родина немца», по-моему, это настоящая немецкая марсельеза...

— Верно, — подтвердил Мюфлинг, — люди всех сословий горят желанием сражаться до полного освобождения родины.

ТРЕТИЙ ПОЛКОВНИК В РУССКОЙ АРМИИ

Вскоре разразилась четырехдневная Лейпцигская битва. Против Франции сражалась вся Европа и многие народы Азии, слышались всевозможные наречия. Участвовали даже башкиры, которых французские гренадеры, и в этой жестокой битве не утратившие чувства юмора, называли амурами, потому что вооружение башкир состояло из лука и колчана со стрелами.

Мюфлинг, вместе с Засядько наблюдавший за тем, как к полю брани стягивались разноплеменные войска, окрепился лейпцигское сражение «битвой народов».

За четверо суток кровопролитной битвы Александр спал едва ли четыре часа. Ему приходилось со своим полком затыкать многочисленные бреши, которые образовывались после стремительных атак французской молодой гвардии. Под градом картечи она буквально творила чудеса, вышибая с позиций более чем втрое превосходящие по численности силы противника. Знание иностранных языков сослужило Засядько хорошую службу: в возникающей сумятице нередко приходилось командовать английскими и австрийскими частями, выводя их из-под ударов и снова бросая в контратаки.

В разгар боя весь саксонский корпус, до тех пор остававшийся верным Наполеону, вдруг перешел на сторону союзников и выпустил по французским полкам заряды, предназначавшиеся для русских. Образовалась огромная брешь, в нее Засядько немедленно бросил свой полк и разрозненные части австрийцев, у которых были убиты

старшие офицеры. Французы быстро опомнились и замкнули прорыв за спиной у храбрецов, но Засядько повел свой полк вперед, намереваясь захватить генеральный штаб. Сзади раздалась яростная канонада: союзные войска старались прорвать вновь возникшую линию обороны противника.

Вдруг впереди прогремел оглушительный взрыв. Как оказалось, французские саперы неверно истолковали приказ и взорвали единственный мост, соединявший берега Эльстера. Засядько понял, что эта ошибка может стать для французов причиной катастрофы.

— Вперед! — закричал он. — Вперед, захватим Бонапарта!

Весь полк дружно ринулся на неприятеля. Каждому чудилось, что вот-вот удастся закончить эту мучительную войну, в которой победы обходятся дорожее поражений...

Оттесняя французов к воде, Засядько видел, как маршал Макдональд разделся донага, прыгнул в воду и быстро поплыл к противоположному берегу. Вся река была покрыта головами плывущих. Стремительное течение относило их далеко вниз, крутило в водоворотах, било о камни.

Левее по берегу отступал крупный польский отряд. Поляки мужественно защищались, но под натиском превосходящих сил были оттеснены к реке и сражались уже по колено в воде. Наконец генерал Понятовский, пезадолго до того произведенный императором в маршалы, велел войскам отступать на тот берег, а сам бросился в воду, не слезая с коня.

Александр видел, как быстро течение понесло его вместе с лошастью, ударило о камни... Через несколько минут вниз поплыла треуголка польского маршала.

Сзади нарастало «ура». Русские войска прорвали линию обороны, настигли полк Засядько и соединились с ним.

В лейпцигском сражении было убито сто тридцать тысяч человек, в том числе около пятидесяти тысяч французов. После этой битвы у Наполеона уже не осталось союзников. Даже Мюрат поставил свои войска на службу коалиции. Саксонцы и баденцы, которые до последнего времени еще оставались верны императору, теперь стреляли по французскому арьергарду.

Пятьдесят тысяч баварцев под начальством Вреде укрепились на Майне с целью отрезать Наполеону отступ-

ление. Узнав об этом, император горько усмехнулся. Баварский генерал Вреде до недавнего времени командовал этим же корпусом в его войсках...

Схватка произошла у Ганау. По приказу Наполеона Друо с батареей в пятьдесят орудий открыл огонь по неприятельской коннице в сорока шагах от нее и прорубил дорогу через толщу баварского корпуса. Саксонцы потерпели сокрушительное поражение, корпус был буквально истреблен.

«Я мог, конечно, сделать его графом,— презрительно сказал Наполеон о Вреде,— но так и не смог сделать из него полководца».

За героизм, мужество и находчивость в Лейпцигской битве Засядько представили к ордену святого Георгия 3-й степени. Это было событием для всей русской армии: всего три человека имели этот орден в полковничьем чине! Первым был пьемонтец Мишо, вторым немец Винстер. Оба они в битвах не участвовали, а получали награды и повышения в чинах благодаря тому, что состояли в свите Александра I. Третьим был Засядько.

После торжественной церемонии награждения в камнату к Александру стали приходить боевые друзья.

— Поздравляю! — сказал прямо с порога молоденький щеголеватый поручик. У него было миловидное круглое лицо и удивительно маленький, почти девичий рот. Это был Пестель, сын крупного сановника, выпускник Пажеского корпуса, теперь поручик лейб-гвардии его величества.— Государь изволил сказать, что ты ему уже примелькался на поле боя и в наградных листах. Значит, ты и раньше получал из его рук награды?

— Было такое, Павел Иванович,— благодушно согласился Засядько.

Дверь стремительно распахнулась, ворвался сияющий молодцеватый генерал. Он обнял Александра, расцеловал в обе щеки, затем выбежал за дверь и вернулся с огромной корзиной, из которой выглядывали горлышки бутылок.

— Иван Федорович без орошения не мыслит чествования,— заметил Пестель почтительно, но с легкой иронией.

Генерал, это был Паскевич, тоже выпускник Пажеского корпуса, резко обернулся, но его сердитая гримаса превратилась в ликующую улыбку.

— Поручик, а вы знаете, за что мы будем пить? За то, что в русской армии первым такой орден в полков-

ничьем чине получил мой земляк! Я ведь родом из Полтавы, это недалеко от Гадяча.

Не дожидаясь ответа, он вытащил из корзины бутылку и, хитро улыбаясь, показал ее Александру. У того от удивления глаза на лоб полезли. Это была самая настоящая украинская паленка.

— Где ты ее взял?

— На французском складе, предназначавшемся для обслуживания польского корпуса Понятовского. Среди поляков было немало украинцев. Выпьем, трезвенник?

— От паленки грех отказываться. Наливай!

Дверь уже не закрывалась. Входили все новые и новые боевые товарищи. В числе последних пришел ровесник Александра великий князь Константин, младший брат Александра I.

Князь молча обнял Засядько и вручил подарок: кинжал из булатной стали, в рукояти которого сверкали драгоценные камни.

Присутствующие почтительно наблюдали эту сцену. Оба, Константин и Александр, были огромного роста, мускулистые, стройные. За обоими следовала слава рыцарей, только один из них был братом императора и кандидатом на престол, а второй, в отличие от остальных собравшихся, даже не имел чести учиться в Пажеском корпусе...

Рано утром снова двинулись в путь. Еще один кровопролитный бой завязался при переправе через Рейн. Все крепости капитулировали с условием сохранения сдавшимся оружия и доставки их во Францию с амуницией и обозом. Однако нигде эти условия не были соблюдены: всюду французов безоруживали, обращались с ними как с военнопленными. Один Даву самоотверженно защищал Гамбург и, как узнал впоследствии Засядько, сдал вверенную ему защите крепость лишь на основании формального приказа, полученного им от правительства Людовика Пятнадцатого после падения Империи.

Полководцы коалиции со своими войсками обходили укрепленные пункты, прикрывая их заслонами, и устремлялись прямо к сердцу Франции. Жестокая война катилась по французским землям. Занятые союзниками провинции подвергались разорению.

Однажды к Засядько пропустили малорослого тщедушного человека в гражданской одежде. Выглядел он необычно

среди военных мундиров и обнаженных сабель, но держался неплохо, хотя и заметно побледнел от страха.

— Я Генрих Маркс, — сказал он тихо, — адвокат. Меня прислали жители с просьбой остановить бесчинства ваших войск. В Монландоре и Роланпоне казаки замучили даже священников.

— Вы уверены, — спросил Засядько недовольно, — что подобные зверства совершаются именно казаками?

Адвокат растерянно развел руками:

— В ваших войсках царит величайшее разнообразие... Такая пестрота мундиров, что и военным, наверное, нелегко разобраться...

— Разберусь, — пообещал Засядько. — Если произвол — дело казаков, накажу виновных. Если же в бесчинствах замешаны солдаты союзных армий, то я бессилен. Скорее всего это пруссаки, они больше всех ненавидят французов.

Адвокат низко поклонился и ушел, поблагодарив русского офицера. Мюфлинг, наблюдавший за этой сценой, сказал враждебно:

— Выкрест! Сын еврейского раввина. Принял протестантскую веру, чтобы пролезть в юристы. Недавно добился избрания старшиной трирской корпорации адвокатов. Сюда, видно, его занесли обстоятельства. И чего вдруг заступает за французов? Хочет нажить неприятности? Или уже сорвал хороший куш за заступничество?

— Ты и в самом деле присмотри за своими, — посоветовал Засядько, — а то в Класи и Корбени твои люди сожгли все дома. Даже сараев не оставили.

— А в карманах одного убитого казака, — огрызнулся Мюфлинг, — обнаружили восемнадцать пар часов! На кой черт они ему? Война портит нравы, Александр, очень портит...

Союзники считали французский поход почти оконченным, но, по мнению Наполеона, он только начинался. При Шампобере император нанес сокрушительное поражение генералу Блюхеру. Русский корпус Олсуфьева был почти полностью истреблен. Полторы тысячи русских осталось на поле битвы, более двух тысяч попало в плен, в том числе сам Олсуфьев и два генерала. Французам досталось пятнадцать орудий, огромный обоз и знамена.

У Монмирайля Наполеон разгромил Сакена и Йорка, русские и пруссаки потеряли свыше четырех тысяч че-

ловек. Французы пустились за ними в погоню и на следующий день нанесли новое поражение, причинив урон в три тысячи человек и отбросив войска противника в беспорядке за реку Урк.

Еще через день Наполеон снова обрушился на войска Блюхера. Его конница врезалась в двадцатитысячную массу пруссаков, прорвала их ряды и привела в полное замешательство. Французы рубили, почти не встречая сопротивления, пролагая в прусских каре кровавые борозды. Блюхер, принц Август Прусский, генералы Клейст и Капцевич много раз рисковали быть взятыми в плен, убитыми или растоптанными лошадиными копытами. Преследование продолжалось до поздней ночи. Блюхер потерял шесть тысяч человек.

Оставалось разбить армию Шварценберга. Но австрийский главнокомандующий не решился вступить в бой с Наполеоном, хотя его австро-русская армия насчитывала сто пятьдесят тысяч человек, а войска Наполеона — всего семьдесят тысяч. Шварценберг поспешно отступил, отведя войска за реку Об.

Был момент, когда Засядько едва не скрестил шпагу с самим французским императором. Наполеон с кавалерией Себастиани и двумя небольшими дивизиями Нея прибыл в Арси, где его внезапно атаковал авангард австрийской армии. Слабые эскадроны Себастиани были опрокинуты и в беспорядке поскакали к Арсийскому мосту. Это сражение ничего не решало, можно было спокойно отступить, но не таков был Наполеон. Со шпагой в руке он стрелой промчался среди отступающих, опередил их у самого моста и там, обернувшись, крикнул громовым голосом: «Кто из вас перейдет мост раньше меня?» Беглецы остановились, и Наполеон повел их в контратаку.

Засядько врубился в ряды противника. Император был совсем близко, в него стреляли и австрийцы, и русские, но он невозмутимо шел вперед, и рядом с ним, прикрывая его, бежали воодушевленные солдаты. Засядько рвался вперед, но был отброшен щетиной пштыков. Он успел перехватить спокойный и чуть насмешливый взгляд Наполеона. Император прекрасно понимал состояние русского офицера и, казалось, даже посочувствовал ему...

Русские и австрийские войска были отброшены французами, которых вел в атаку император. Шварценберг

принялся подтягивать основные силы, но в это время и к Наполеону подошли подкрепления.

Положение союзных войск было почти катастрофическое, когда Александр I после бессонной ночи решился на чрезвычайно смелое решение: идти на Париж, игнорируя армию Наполеона. Прийти в Париж раньше него. Заставить сенат объявить о низложении императора. Заключить мир с правительством Франции и тем самым поставить Наполеона вне закона.

Засядько отозвали во Франкфурт-на-Майне и поручили снабжение армии снарядами. Задание было ответственное, но Александр стремился в действующую армию.

«...Больно без сомнения быть удалену от возможности продолжать кампанию в такое время, когда, по всем видам, блестящие успехи нашего оружия должны быть увенчаны счастливым миром,— писал он генералу Киселеву,— больно в такое время оставлять путь, на котором находился почти с младенчества и который сделался, так сказать, моей необходимостью; привычка — вторая натура,— позвольте поместить здесь эту пословицу: она изъяснит в полной мере сию истину и мои чувства. Ваше превосходительство, узнав меня, вместе с тем узнаете, что я во всякое время мыслю и употребляю слабые способности мои единственно к пользе службы, забывая себя и свои виды, сколько человек забывать может»¹.

Для всех, кто считал Засядько лишь опытным артиллеристом и отважным воином, была полнейшей неожиданностью личная благодарность Александра I, которую царь всея Руси повторил и в приказе по армии: Засядько блестяще справился с возложенным на него заданием, чего не могли сделать умудренные мужи из военного министерства и генштаба.

Война закончилась. По возвращении воинам оказывали восторженные встречи. Всюду, где они проходили, гремели оркестры. Их забрасывали цветами. Засядько запомнился один трогательный эпизод. Совсем юный лицеист в застегнутом на все блестящие пуговицы мундире громко читал стихи, видимо, собственного сочинения, так много в них было патетики и восклицаний, призывов громить врага и показать ему «русский дух».

¹ Здесь и дальше приводятся подлинные тексты писем.

Засядько с любопытством смотрел на мальчика. У того было очень смуглое лицо, словно бы он происходил из арабов, и курчавые каштановые волосы.

— Хорошие стихи,— сказал Засядько благосклонно.— Как тебя звать?

— Александр Пушкин,— ответил лицеист, зардевшись от смущения.

Сзади грянул военный оркестр. Кони заплясали под всадниками. Когда Засядько оглянулся на мальчика, тот остался уже далеко позади. Показать «русский дух»... Засядько усмехнулся. Нет, он больше не воюет.

Мысли бежали быстро, обгоняя одна другую. Пятнадцать лет не покидал поле брани, исходил северную и южную Италию, Ионические острова, Турцию до Балкан, Пруссию, Германию, Францию, воевал в южных морях и среди обледелых швейцарских скал... Завоевал славу неустрашимого офицера русской армии, получил золотую пипагу, чин полковника, шесть боевых орденов, близко познакомился с императором и его братом Константином, а также с некоторыми зарубежными учеными. Но достаточен ли этот багаж, чтобы взяться наконец за ракетное дело со всей серьезностью?

«Ракеты нужны,— сказал он себе.— Эпоха географических открытий миновала. Земной шар обследован почти полностью...»

«Ну и что? — возразил внутренний голос.— Будут сидеть дома. Тем более, что для большинства Земля плоская и заканчивается за пределами собственного огорода...»

«Нет,— сказал он.— Людям свойственно расширять территорию своего обитания. Сначала они перебрались на другие острова и материки, скоро их потянет на Луну и другие планеты».

«Но там же иные условия!» — не сдавался внутренний голос.

«Ну и что? Человек умеет приспосабливаться. Возможно, он сможет приспособиться к условиям других планет... Так что мои ракеты могут стать фургонами, в которых люди Земли отправятся исследовать новые миры. Значит, моя работа необходима для человечества...»

Конь с галопа перешел на шаг, но Засядько этого не заметил. Он чувствовал, что переступает какую-то внутреннюю черту. Отныне он весь свой разум и все силы должен отдать любимому делу, только тогда можно рассчитывать на успех.

РАКЕТЫ И КОБЗАРИ

Губернатор был еще не стар, однако выпирающий живот и нездоровое отечное лицо обезображивали его внешность. Несмотря на свою тучность, он поспешно поднялся навстречу Александру, но сразу же сморщился, с натугой распрямляя спину. Засядько с сочувствием смотрел на его усилия.

— Здравствуйте, здравствуйте,— заговорил губернатор радостно,— вся губерния наслышана о ваших подвигах во славу отечества. Шесть боевых орденов и золотая шпага! А это правда, что вы третий полковник в русской армии, награжденный...

— Правда,— ответил Засядько, не дав губернатору договорить. Он уже знал, о чем тот спрашивает.

— Это замечательно! — воскликнул губернатор. — Наша губерния гордится таким земляком. Предводитель дворянства уже занес ваше имя в список наиболее именитых граждан. Садитесь, пожалуйста. Нет-нет, лучше в это кресло. Оно мягче.

— Спасибо,— поблагодарил Засядько, усаживаясь.

— Очень рад, что вы навестили меня сразу же по приезде. Кстати, завтра сиятельная графиня Коляда дает бал в честь совершеннолетия дочери. Она просила передать вам приглашение... Видите, как быстро по городу распространяются новости! Уже все знают, что вы прибыли из армии и что вы холосты... У графини собираются лучшие люди города. О, Любовь Романовна очень богата! У нее громадные поместья в Польше и Финляндии...

Губернатор расхаживал перед Александром, довольно потирая руки с толстыми розовыми пальцами. Лицо его раскраснелось, глаза блестели.

Засядько слушал, сдержанно улыбаясь. Сразу отказываться от приглашения было неудобно, все равно придется заводить знакомства и общаться с «лучшими людьми» города Полтавы. Репутация чудаковатого отшельника его не устраивала.

— Сердечно благодарен вам за заботу,— сказал он как можно любезнее,— я непременно воспользуюсь вашим советом, но как-нибудь в другой раз. Нужно обвыкнуться, осмотреться. К тому же парадные костюмы придут позже. Я немного обогнал карету, ибо поскакал верхом. Согласитесь, что в старом мундире являться на бал будет неуважительно по отношению к графине.

— Гм, если так...— сказал озадаченный губернатор.

— И кроме того,— продолжал Засядько, не давая губернатору обдумать ситуацию и заставить его все-таки прийти на бал,— мне хотелось бы начать здесь жизнь с работы. Есть идея, как еще больше прославить нашу губернию.

— Слушаю вас! — воскликнул губернатор.

— Моя цель — усовершенствовать артиллерию.

— Но она и так сильнейшая в мире! Так полагают и западные специалисты...

— Предела совершенствованию нет и быть не может. К тому же я собираюсь не улучшать пушки, а дополнить артиллерию совершенно новым оружием.

— Что же это такое? — насторожился губернатор.

— Ракеты! — ответил Засядько торжественно.

Он нарочито произнес это слово в высокопарном тоне. Хорошо было бы, если б губернатор хоть немного проникся значимостью момента. Ведь и от умнейших людей, и от самых преданных друзей не раз приходилось слышать смех и нелепые остроты на этот счет. Забрасывать ракетами противника? Так лучше уж шапками!

— Ракеты...— повторил губернатор ошеломленно.— Шутихи, фейерверки... Дорогой мой, надеюсь, вы шутите?

— Для шуток момент неподходящий,— ответил Засядько.— Дитя уже родилось, я покажу чертежи. Нужен крестный отец, ваше высокопревосходительство. Хоть младенец еще в колыбели, но это могучий младенец. Это дитя Марса, которое превзойдет родителя!

— И что же вы... хотите? — спросил губернатор, приходя в себя.

— Средств на опыты. Пятнадцать лет я не покидал бранное поле, но ничего не стяжал, кроме чести и славы во имя отечества. А сейчас мне необходимо хоть немного денег, дабы закупить порох, селитру и прочие материалы на постройку первых образцов.

Губернатор пытливо окинул взглядом фигуру полковника. Мундир на герое был из дешевого сукна и весьма потертый, штiblеты изрядно попошенны.... Ровесник, а вот поди ж ты... Он богат и влиятелен, но уже развалина, а этот бравый вояка беден, как церковная мышь, однако свеж, как огурчик. Словно бы и не ел солдатскую кашу из общего котла, не голодал в Италии и Швейцарии, не замерзал в Альпах... А тут ел до отвала самые изысканные

блюда, пил французские вина, веселился на балах, а здоровье не сохранил.

— ...Ракеты — грозное оружие, — вернул его к действительности голос полковника. — Мы привыкли к иллюминационным огням, забывая, что свойства реактивной отдачи можно использовать и для несения зажигательного или боевого заряда. В 1799 году английский генерал Конгрев испытал на себе действие ракет, когда под Серангатамом у него произошло сражение с индийцами. Да зачем далеко ходить: на нашей украинской земле казаки гетмана Ружинского за сто восемьдесят три года до этой битвы применили немало более совершенные ракеты. Лишь благодаря им была уничтожена орда крымского хана. Жаль, что с гибелью изобретателей секрет изготовления ракет утерян. Однако я надеюсь создать еще более мощное оружие, благодаря которому наша армия станет непобедимой. Взгляните на этот чертеж...

Засядько вынул из кармана лист бумаги, расстелил на столе.

— Я обдумывал это еще в походах Суворова, разрабатывал в перерывах между боями с Бонапартом и твердо уверился, что боевые ракеты создать можно! Я в состоянии это сделать. Мне нужна лишь небольшая материальная поддержка.

Губернатор страхнул невеселые думы. Все это время он прислушивался к ощущениям в желудке: начиналась мучительная изжога — расплата за вчерашний кутеж у предводителя дворянства. Если вовремя не принять меры, то остаток дня придется провести в постели, глотая пилюли и выслушивая правдоучения домашнего врача о вреде чревоугодия.

— Завидую вашему энтузиазму, полковник. С подобной энергией можно и в самом деле творить невозможное. Однако сия затея совсем уж безнадежна. Скажу честно: ко мне иногда захаживают прожектеры, но никто еще не приносил более несбыточного проекта. Подумать только — ракеты! — Он быстро взглянул на посерьевшее лицо Александра и по-дружески добавил: — Дорогой мой, доверьтесь моему опыту. Здравый смысл подсказывает, что лучше оставить химеры. Это ничего не даст, только время потеряете. А вам его терять не стоит... Имею в виду молодую графиню Коляду!

Стараясь смягчить отказ, губернатор сам сложил чертеж, аккуратно прогладил сгибы бумаги.

— Не обижайтесь за откровенность... Думаю, что будущий муж юной графини будет располагать немалыми средствами, дабы устроить приличную лабораторию и проводить там свободное время. Однако вряд ли ему этого захочется. Молодая Коляда — первая красавица в городе, и любой мужчина будет счастлив постоянно находиться у ее ног, позабыв о науках и делах. Бог его знает, может быть, это и есть истинное счастье? — Губернатор проводил Александра до дверей кабинета, всячески выказывая ему свое расположение. Только на краешек чертежа, выглядывающий из кармана, косился опасливо, словно тот мог взорваться. — До свидания! Всегда рад вас видеть. Если что понадобится — заходите.

Это был удар, ибо Засядько в глубине души надеялся на помощь со стороны местных властей. Что стоило губернатору выделить на постройку лаборатории средства, которые он собирался истратить на очередной бал?

Александр вспомнил слова Кенига: «Вы один в чужом мире. У вас нет ни богатых и влиятельных родственников, ни денег, ни знатных покровителей... В таких условиях нужно быть гением труда и упорства, чтобы не дать затупить в себе искру таланта...»

— Буду искать! — сказал он вслух.

Итак, война не кончилась, наоборот, началась. Жесткая, изнурительная война в одиночку за возможность творить. И в этой борьбе не будет никого, кто шел бы с ним плечом к плечу. Ведь даже самые близкие из друзей не понимают его стремлений, зато поняли и одобрили бы намерение поскорее и повыгоднее жениться, приобрести имение, охотничьих собак.

Дома он сел за рабочий стол, но к чертежам не приоткрылся. Ракеты? Межпланетные сообщения? Да ведь не только неграмотное забитое крестьянство, но и люди так называемого высшего круга уверены, что Земля стоит на трех китах, а Луна, Солнце и звезды прибиты к небу хрустальными гвоздиками!

Александр оперся подбородком о кулак и застыл в мучительном раздумье. История знает немало примеров, когда замечательные открытия появлялись преждевременно. Еще древние греки знали, что Солнце — обычная звезда, что Земля — обычная планета, что и Солнце, и Земля имеют форму шара... Они же вычислили расстояние до Луны и Солнца, определили их массу. Но и сейчас эти

знания — удел одипочек. Древние египтяне создали календарь намного совершеннее нынешнего...

Он окинул взглядом полки с книгами, где были собраны сведения об исканиях его предшественников. За две тысячи триста лет до рождения Христа король Этана попытался добраться до Луны на спине могучего орла. Однако у короля закружилась голова и он упал на землю. Легенда, разумеется... Иранский шах Кай Каус полетел на Луну уже на целой упряжке орлов, но тоже упал на землю. Александра Македонского постигла та же участь, когда он попытался добраться до Луны на упряжке голодных грифов. Легенды, легенды... Пытались достичь Луны и китайцы, и древние греки. Лукиан Самосатский написал даже книгу «Икароменипп, или заоблачный полет». В 1638 году вышел в свет роман Френсиса Годвина «Человек на Луне». Еще через сто лет на Луне побывал brave барон Мюнхгаузен. А чего стоит великолепное «Путешествие на Луну» Сирано де Бержерака? Но бог с ними, с иностранцами! Ведь и в России мечтали о полетах к нашему вечному спутнику! Взять «Новейшее сочинение в городе Белеве» Василия Левшина, опубликованное в 1784 году. Герой летит на Луну в аппарате с крыльями. Правда, во сне.

Засядько снял с полки альманах «Мнемозина», отыскал полюбившееся произведение Вильгельма Кюхельбекера «Земля безглавцев».

— Одного не пойму, — сказал он вслух, — почему и здесь летят на воздушном шаре?

Некоторое время он читал, затем захлопнул книгу. Предшественники! Мечтатели! Именно мечтатели, ибо и сами понимали несерьезность своих прожектов. А он — реалист. Хочет на самом деле побывать на Луне и других планетах. Между ним и мечтателями — дистанция огромного размера. Мечтателя похвалят за изыскную игру ума, а ему достанется за безумные прожекты...

— Одиночество, — произнес он негромко, — отныне мне будет сопутствовать одиночество...

И подумал, что даже Копернику было намного легче. Потребность в новой теории давно назрела: морякам нужны были более точные астрономические таблицы, которые они и разнесли по свету, что способствовало распространению теории о гелиоцентрической системе мира. Коперник развил новые идеи лишь в той форме, в какой было пужно для очередных практических нужд астрономии, со-

хранив при этом представление о конечной вселенной, ограниченной сферой неподвижных звезд. А ведь еще древние говорили о бесконечности мира! Эратосфен за триста лет до рождения Христа даже... взвесил земной шар!

— Не будет ли с моими ракетами то же самое, — продолжал он размышлять вслух, — что и с работами греческих мудрецов? Ведь они настолько опередили время, что их идеи пришлось открывать заново...

Засядько взглянул в окно. По пыльной дороге брели нищие. Впереди шел высокий седой старик с коззой за плечами. Глазницы его были пусты, словно их выжгли каленым железом, правой рукой он опирался о плечо босоногого мальчика. Усталый и покрытый пылью мальчишка привычно шлепал потрескавшимися ступнями по раскаленной почве. Сзади шли еще два старика в лохмотьях.

Александр торопливо поднялся и заспешил к двери. Он любил слушать думы в исполнении бродячих кобзарей. Сердце сжималось от тоски и боли, взрывалось торжеством, и он уже видел себя скачущим на горячем коне навстречу врагам. Сверкала сабля, торчали за поясом пистолеты, гремела степь под копытами не знающего усталости коня...

На пороге он оглянулся. Ракеты! Межпланетные полеты! И нищие кобзари. Могут ли они одновременно существовать? Слишком уж не вяжется нищета и технический прогресс...

В РАКЕТЕ ПЕРВЫЙ ПАССАЖИР!

Окончательный удар нанесло военное министерство. Да, оно высоко ценит ратные заслуги полковника Засядько перед отечеством. Да, он известен не только как храбрый воин, но и как опытный и мудрый военачальник. Министерство готово поверить даже в его изобретательский дар, если бы дело касалось усовершенствования уже существующих вещей... Но ракеты... Простите, это химеры. Чертежи были рассмотрены авторитетной комиссией. Ее члены редко бывают согласны друг с другом, но на этот раз заключение было единодушным: «Нонсенс! Вернуть автору за беспочвенностью доказательств!»

Засядько тяжело переживал отказ, теперь надеяться не на кого. Не помогли ни боевые ордена, ни заслуги перед отечеством. Отказ, отказ, отказ... Готовы слушать о чем угодно, только не о ракетах.

В период мучительных раздумий пришло известие о кончине отца. Главный гармаш Запорожской Сечи окончил свой земной путь, оставив в наследство сыну небольшое имение. Можно было осесть в нем и зажить мирной жизнью сельского помещика.

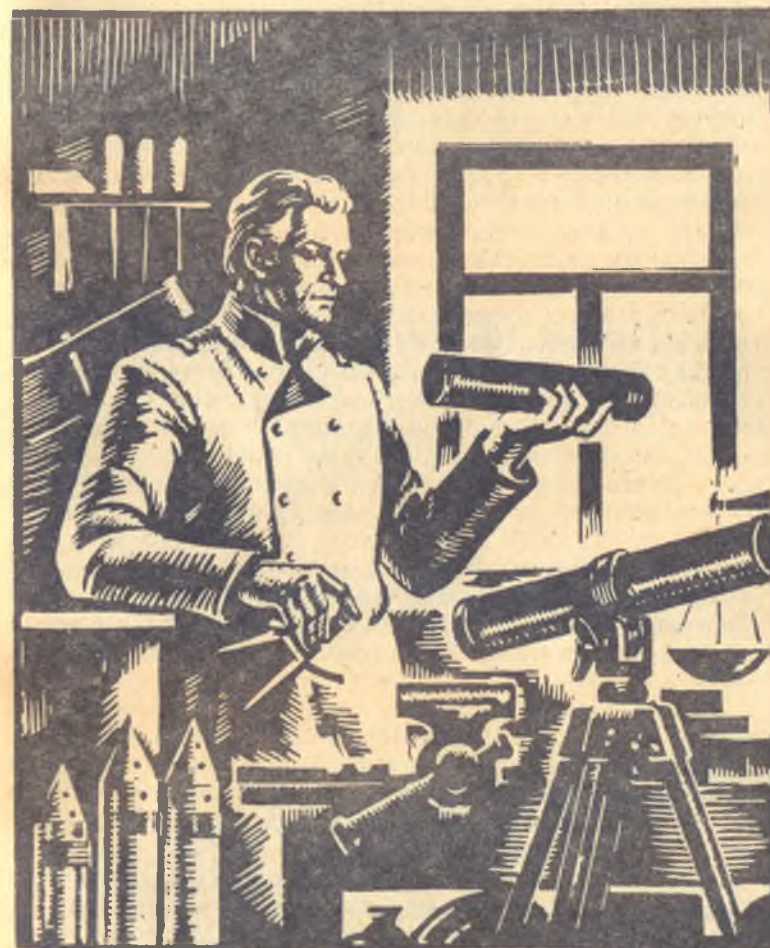
Засядько отбросил эту мысль и вскоре продал имение. Вырученных денег едва хватило на покупку сарая, который он переоборудовал для опытов, и на приобретение пороха, селитры, чистого древесного угля и других необходимых материалов.

На последней стадии исследований пришлось нанять помощника — Василия Лашту, работающего деревенского парня, который топил печь, варил обед, носил воду, стирал, убирал, в общем делал всю домашнюю работу, что позволяло Александру все свое время посвящать работе.

Василь не мог надивиться на режим, которого придерживался полковник. Подъем — в четыре утра. Но прежде чем вскочить с постели, — жесткой, с крохотным валиком вместо подушки, — полковник мерял пульс, затем набирал полную грудь воздуха, задерживал дыхание, а сам следил за стрелкой хронометра. Часы у него были с дарственной надписью не то генералиссимуса Суворова, не то светлейшего князя Голенищева-Кутузова Рымникского. Затем полковник умывался, чистил зубы, проделывал ряд физических упражнений, которые иначе как издевательством над организмом нельзя было назвать. После завтрака сразу же принимался за работу, которая длилась обычно двадцать часов с двумя получасовыми перерывами на еду.

За двадцать часов можно сделать немало, и Засядько многое успевал. Строжайший режим понадобился ему, чтобы выдержать нечеловеческое напряжение. Работая за десятерых, он понимал, что сможет выдержать такой темп, если превратит организм в безупречный механизм. И он добился своего. Работоспособность его не падала вплоть до отхода ко сну, мозг работал четко и быстро. Спал он коротким глубоким сном и просыпался свежим и бодрым.

Однако и в этих жестких условиях ему понадобилось несколько месяцев, чтобы подобрать состав пороховых

смесей, затем прошло еще несколько месяцев, пока грозное оружие стало обретать законченную форму...

Два года титанического труда! Два года без выходных, праздников, свободных от работы дней. Где-то в ином, далеком мире остались театры, умные беседы, шумные балы...

Засядько чувствовал, что при такой неистовой работе он постепенно превращается в живую машину, человека, одержимого сверхидеями, своего рода маньяка. В глубине души он боялся преступить грань, которая и отделяет гения от безумца. Он, однажды сделавший вместо плана вражеской крепости превосходный рисунок с натуры и получивший за это соответствующий нагоняй, теперь абсолютно равнодушно смотрел на восходы и закаты солнца, которые на украинской земле особенно красочны.

Как-то раз, когда в окно всю ночь стучал дождь, он проспал на несколько минут дольше обычного. Это было неслыханное нарушение режима, но на этот раз Засядько дал себе поблажку: работа подходила к концу!

Проделав гимнастику на индийский манер, обвел взглядом комнату. Половина ее отведена под библиотеку, где им собраны все, которые он смог достать, сочинения по физике, химии, механике, баллистике. Вот когда пригодилось знание иностранных языков! И все-таки Засядько был неудовлетворен даже такой библиотекой. Книг мало. Другое дело, если бы он вздумал собирать труды по военному делу: пришлось бы арендовать несколько домов.

— Подъем! — крикнул он.

Василь Лашта, который спал с ним в одной комнате, недовольно дрыгнул ногой. Он всегда накрывался с головой, так что его можно было принять за большой сверток белья.

— Вот я тебя сейчас холодной водой... — сказал Засядько. Василь знал, что это была не пустая угроза, и мигом зашевелился, выбираясь из-под ветхого одеяла.

— Александр Дмитриевич! — взмолился он. — Еще и солнце не взошло! Я и заснуть-то не успел по-людски!

Засядько сказал назидательно:

— Наполеон говаривал, что мужчина должен спать четыре часа, жепщина — шесть, ребенок — восемь. Индийские йоги считают, что умному человеку достаточно спать два часа, а дураку — восемь. Уразумел?

— Уразумел, — покорно ответил помощник.

Он встал, протирая кулаками глаза. Полковник, уже умытый и свежий, возился подле станков.

Василь тоскливо посмотрел в окно. Утро было хмурое, словно у бога болели зубы. С неба сеялась мжичка, трава была мокрая, на дороге блестели лужи.

— Неужели пойдем? — спросил он, все еще надеясь на отсрочку испытаний.

— Конечно, — ответил Засядько весело. — Мокро? Хорошо! Пожара не наделаем. Да и крестьян не потревожим — спят еще. И так нас считают слугами дьявола, на луг бояться ходить...

Александр натянул высокие сапоги, велел помощнику взять четырехдюймовые ракеты. Сам тоже прихватил одну. Ракеты меньших калибров испробовал раньше.

Пока шли по лугу, дождь прекратился. На западе уже светлело небо, послышалось робкое чириканье пробудившихся птиц. Одна из самых храбрых решилась даже сесть на странного вида сооружение, которое уже год как появилось на лугу, — три окованных железом желоба на треноге.

Василь согнал с ракетной установки любопытную ворону, опустил ракету в желоб. Засядько установил вторую на направляющих полозьях, нацелил через весь луг на одинокую вербу на другом конце. Это был условный ориентир: вербы росли за две версты и были вне пределов досягаемости.

— Ну, — сказал он торжественно, — с богом! — и поджег запальный шнур.

Послышалось шипение, искра поползла вверх, добралась до запала, зашипело сильнее, и ракета стремительно сорвалась с полозьев.

Василь сразу же бросился вслед за ней. Засядько напряженно смотрел на дымный след. Больше года он запускает на этом лугу, превращенном в полигон, ракеты различных конструкций. Но только в последние два месяца результаты испытаний стали совпадать с вычисленной траекторией. Пришлось создавать теорию ракетной тяги — целую отрасль науки, которой еще не существовало...

Через луг бежал, удаляясь, Василь. «Не грохнулся бы», — подумал Александр озабоченно. Через каждые десять саженей были вбиты колышки с обозначением расстояний. Василь сам их вколачивал и сам же постоянно о них спотыкался.

Ракета все еще шла в фазе активного полета. Засядько понимал, что она умчится дальше предшественниц — это было предсказано расчетами, — но все равно сердце его стучало особенно громко, словно при радостной неожиданности.

Над серединой луга ракета перешла в пассивный полет, к этому времени она уже прошла почти две версты... Александр видел, как она врезалась в густую крону дерева. Ярko полыхнул огонь, полетели вниз отсеченные ветви и листья.

— Победа! — прошептал он радостно.

А мозг бесстрастно анализировал, что ракеты больших калибров ложатся к цели точнее. Почему? Ведь основные принципы рассеяния газов у всех одинаковы. Влияет перемещение центра тяжести ракеты по мере сгорания порохового состава и несимметричность истечения струи газа относительно оси ракеты... Но теперь эти недостатки сведены до минимума.

Через луг обратно брел Василь, неся на плече собранные куски ракеты. Лицо парня сияло. Хотя и непонятным делом занимается барин, зато интересным! Ишь фугануло по небу, ровно Змей-Горыныч пролетел! А ударило в дерево почище грома...

— Беги в лабораторию, — велел Александр, — там под крыльцом живет кот. Излови и неси сюда.

Василь вытаращил глаза. Однако Засядько уже повернулся ко второй ракете и не обращал на помощника внимания. Тот вздохнул и пошел выполнять приказание. Неисповедимы пути господина полковника! Простому человеческому уму не проникнуть в его желания...

Александр запустил вторую и подготовил третью ракету, когда вернулся помощник. В вытянутой руке он держал маленького черного котенка, уговаривая его вести себя смирно, ибо котенок угрожающе разевал розовую пасть, шипел, отчаянно размахивал крошечными лапками с выпущенными коготками.

— Совсем маленький и дикий, Александр Дмитриевич. Подойдет?

— Подойдет. Еще лучше. Где взял?

— У нас под крыльцом. Там кошка троих вывела.

— Кошка?

— Да, то была кошка, Александр Дмитриевич. Потому вчера и утащила рыбу, чтобы накормить деток малых...

Василь осекся, заметив действия полковника: Засядько вытряхнул из зажигательного колпака воспламеняющуюся смесь, вместо нее положил немного ваты.

— Что вы надумали? — спросил помощник дрожащим голосом.

— Увидишь.

Александр взял отчаянно барахтающегося котенка и сунул в бумажный колпак.

Василь взмолился:

— Александр Дмитриевич! Божья тварь ведь!

Котенок прилагал невероятные усилия, чтобы выбраться. Кто бы подумал, что в таком крохотном тельце заключена такая сила?

Наконец Засядько удалось закрыть колпак плотной крышкой. Все!

— И вам не жалко? — спросил Василь тихо.

— Помалкивай. Видит бог, что я хотел бы оказаться на его месте.

Помощник разинул рот от удивления. Засядько еще раз поправил ракету. Котенка от воспламеняющегося состава отделяла тонкая стенка, это грозило неприятностями. Картонный футляр прогнулся и мог лопнуть под тяжестью маленького пленника.

Ракета сорвалась с направляющих полозьев, и Василь снова побежал через луг. Засядько в напряженном ожидании паблюдал за полетом. Только бы удалось... Только бы удалось... Только бы удалось! Хотя, если не получится в этот раз, падать духом не следует. Принцип верен. Ракеты могут переносить полезные грузы. Например, веревки через пропасти и широкие реки, даже срочную почту между городами. Это несомненно. А потом дойдет очередь и до живых существ. А еще позже... Да, человек полетит на гигантской ракете к Луне и другим мирам!

Василь уже добежал до места падения ракеты и растерянно метался по лугу. Александр беззлобно засмеялся. Вот человек: не может сообразить, что если ракета несет фугасную гранату, то она способна понести и котенка, который втрое легче гранаты. Беда лишь в том, что высокопоставленные чиновники, к которым вскоре придется обратиться, не умнее, да к тому же в изобилии наделены чванством и высокомерием.

Василь подобрал ракету и помчался назад. Александр одобрительно отметил, что у парня здоровое сердце и крепкие ноги, если бегаёт по две версты без передышки.

- А котенка нету! — закричал Василь издали.
- Убился?
- Не-ет!
- А что с ним?
- Утек!

Александр почувствовал, что с его души свалился камень. Можно было сколько угодно убеждать себя, что гибель котенка ничего не значит — все равно полеты на ракетах возможны! — однако до чего же радостно сознавать, что и первый опыт прошел успешно!

— Ракета встряла... уф... деревянным концом... уф... в землю, — рассказывал запыхавшийся Василь, — а коробка... уф... раскрылась! Котенок сразу и выскочил. Я видел, как он удирал через поле, хотел поймать, да где там!

Опыт ему явно понравился, и он уже готов был запускать на ракетах других живых существ, которых можно поймать в деревне. Александр с горячностью подумал, что и в Петербурге посмотрят на эту затею как на забаву. Особенно придворные, желания которых не идут дальше получения удовольствий. А ведь именно от них и зависит многое... Нелепо устроен мир! Сказать им, что полет котенка прокладывает дорогу для человека? Не сочтут даже забавным. Правда, котенок и человек — величины малосоизмеримые, трудностей будет множество, но все равно полет человека возможен. За это он готов хоть сейчас поручиться головой.

— На сегодня все, — сказал помощнику. — Пошли завтракать.

Дома, думая над проведенным опытом, он опять ощутил знакомое чувство тоски: насколько далекое дело полет человека. Настолько далекое, что пока придется помалкивать... Первоочередная задача — доказать пригодность боевых ракет. Даже это многим кажется сумасбродной идеей. А потом... Потом можно будет говорить о транспортных, почтовых ракетах. И лишь после внедрения их подумать вслух о ракетном экипаже для человека. Если хватит жизни...

Над городом плыл низкий тягучий звон. Засядько прислушался. Били в главный колокол, покой которого нарушали лишь по самым большим праздникам. Над колокольней кружили потревоженные вороны.

Со стороны полтавского тракта двигалась процессия. По бокам ехали всадники. Над толпой колыхались хоругви, доносилось протяжное пение.

— Крестный ход, — сказал Василь восторженно. — Александр Дмитриевич, я побегу. Можно?

— Беги, — разрешил Засядько.

Василь вихрем помчался к двери, на пороге нерешительно оглянулся.

— А вы, Александр Дмитриевич, разве не пойдете поклониться? Чудотворную икону уносят из нашего монастыря, теперь она будет в другой губернии...

— Нет, — ответил Засядько. — Не мое это дело кланяться деревянным иконам. Моя церковь не из бревен, а из ребер. А ты иди!

Василь скрылся за дверью. В коридоре прогрехотали его шаги. Засядько повернулся к окну.

Во главе процессии несколько дюжих мужиков несли на носилках икону, густо увешанную красными лентами и цветами. За ними степенно выпагивали празднично одетые мужчины с псалтырями и евангелиями в руках, торопливо семенили сторбленные богомолки с маленькими иконками. В нескольких шагах сзади шествовал могучего сложения священник. Был он в золоченой ризе, на широкой груди висел тяжелый серебряный крест. Священник размахивал кадилом, время от времени громко выкрикивая слова молитвы. За ним шли «отцы города» и наиболее уважаемые и влиятельные горожане. Некоторые несли иконы меньшего размера, чем чудотворная, но тоже достаточно массивные и щедро разукрашенные бумажными цветами. Важные и надменные, они резко отличались от прочего люда. А за редкой цепочкой всадников ковыляли калеки, убогие и юродивые, у которых единственная надежда была на чудесные свойства иконы.

Засядько почувствовал, как сжалось сердце. Сколько в жизни несчастных! Спешат изо всех сил, надеясь приобщиться к божественной благодати, но как мало они получают от прикосновения к чудотворной иконе!

Душа наполнялась горечью. До чего же темный народ! И можно ли в таких условиях всерьез думать о полетах к Луне и звездам? Сколько пройдет времени, сколько сменится поколений, пока люди от невежества и суеверия придут к сверкающему храму науки и культуры и поймут, что это единственные ценности, которым стоит поклоняться, которым стоит служить, в которые стоит верить?

Рано утром заспанный Василь помог уложить на телегу два десятка ракет и шестиствольную ракетную

установку. Засядько мрачно пошутил, что едет воевать с чиновниками из военного ведомства.

Возница, покосившись на «дьявольские» атрибуты, злобно ударил кнутом тощую серую клячку:

— Ну, дохлая!

Вдруг Василь, хлопнув себя ладонью по лбу, побежал к сараю.

— Ну,— сказал Засядько вознице,— трогай! Вроде бы ничего не забыли.

Но не успели отъехать и десяток сажений, как вдогонку им бросился Василь. К груди он что-то прижимал. Засядько велел остановиться.

— Александр Дмитриевич! — закричал Василь. — Тот самый! — В его больших ладонях слабо сопротивлялся крошечный котенок. Александр улыбнулся, потрогал его пальцем. Котенок злобно зашипел и выпустил коготки.

— Тот самый! — захлебывался от счастья Василь. — Прибег к матери, пасосался, как пузырь, и на боковую. Совсем-совсем целехонький!

— Спасибо,— сказал довольный Засядько. — Даже не представляешь, какой подарок сделал. Это и есть чудо, счастливое предзнаменование на дороге. Спасибо!

Растроганный Василь кивал головой. Хотя и не знал, по какому делу едет полковник, но от души пожелал:

— Счастливой вам дороги. Удачи во всем!

Телега снова тронулась. Засядько подумал, что его помощник попал в самую точку: ему как раз и нужна удача.

НА ПОЛИГОНЕ

После долгих мытарств Засядько удалось наконец добиться разрешения предстать перед комиссией. Он прекрасно понимал, что ко всем трудностям прибавилась еще одна, пожалуй, самая грозная: военное министерство, отказавшись помочь ему в начале пути, теперь сделает все возможное, чтобы скомпрометировать его работу, умалять ее значение. И комиссию подберет соответствующую.

В большом зале, где расположились члены комиссии, было прохладно и тихо. Трое были седыми, дряхлыми стариками в париках, в роскошных голубых камзолах, с розовыми лентами через плечо, по знакам различия — полные генералы екатерининской эпохи. Еще один гене-

рал, помоложе, был в простом темно-зеленом камзоле прусского покроя. Лицо его показалось Александру знакомым.

Когда Засядько представился и стал прикреплять чертеж к доске, дверь открылась, и кто-то вошел в зал.

— Имею честь предложить комиссии осмотреть зажигательные и гранатные ракеты,— начал он. — Я разделил их на три калибра: двухдюймовые, в два с половиной дюйма и четырехдюймовые...¹

— Даже зажигательные и гранатные? — заметил один из генералов насмешливо. — Судя по названиям, они имеют и различное назначение, не так ли?

— Именно так,— подтвердил Александр. — Зажигательные служат для распространения огня в боевых порядках и укреплениях противника, а гранатные — для уничтожения неприятеля.

— Занятно, занятно,— сказал за спиной знакомый голос.

Александр обернулся и узнал... Васильева, с которым у него во время Итальянского похода Суворова дело дошло до дуэли. Васильев держался снисходительно, хотя скрытая ненависть таилась в глубине его глаз. По тому почтению, с каким генералы приветствовали Васильева, Засядько понял, что старый недруг назначен председателем комиссии.

— Хотелось бы узнать об устройстве этих... штук,— сказал Васильев размеренно, и Засядько услышал в спокойном вроде бы тоне затаенную угрозу: «Погоди, сейчас расправимся!»

Александр, указывая на чертеж, принялся объяснять.

— Зажигательные ракеты, милостивые государи, состоят из трех основных частей. Это цилиндрическая железная гильза, которую наполняют ракетным составом, затем колпак с зажигательной смесью в виде пасты и, наконец, деревянный шест, который должен обеспечивать устойчивость ракеты в полете.

— А ракетный состав,— спросил человек в камзоле,— обычен? Как в иллюминационных?

— В основном да. Он состоит из обычной пороховой мякоти², с увеличенным содержанием тертого древесного

¹ Соответственно 51, 64 и 102 мм.

² Мелко растертый и просеянный сквозь сито огнестрельный порох, состоящий из смеси селитры, серы и тертого древесного угля.

угля. Это дает более длительный процесс горения состава и сохраняет гильзу от разрыва. Между «глухим составом» и...

— Минутку,— прервал его Васильев,— уж не думаете ли вы, что теорию ваших ракет преподают в училищах? Соболаговите выражаться яснее и не напускать тумана там, где сказать нечего. Что такое «глухой состав»?

Остальные члены комиссии согласно закивали головами. Засядько остановился. Ничего не попишешь, надо растолковывать азы ракетного дела. Ведь от этих замшелых старцев, ничего не ведающих о конструкции ракет, зависит пропустить его на официальные испытания.

— В ракетном заряде,— терпеливо объяснил он,— на три четверти длины просверливается канал конической формы. Оставшаяся часть ракетного заряда, где канал не просверливался, называется «глухим составом».

— Вот так-то,— бросил Васильев величественно, довольный тем, что осадил самоуверенного изобретателя.

— Между «глухим составом» и зажигательным колпаком помещена прослойка из речного ила. Она удерживает образующиеся при горении ракетного состава газы от проникновения в зажигательный колпак. Иначе может возникнуть пожар еще на пусковой установке...

— Но ведь газы должны все-таки проникнуть в зажигательный колпак? — спросил человек в темно-зеленом камзоле, который уже спрашивал про ракетный состав. — Иначе зачем огород городить?

Засядько обрадовался понятливости эксперта.

— В том-то и дело! Для этой цели в илистой прослойке делается отверстие, которое заполняется сухим порохом. С помощью фитиля поджигают стопин¹, прикрепленный к ракетному составу. Зажигательный колпак надевается на гильзу и прикрепляется к ней перетяжками. А вот видите отверстия в колпаке? Через них воспламененная смесь выбрасывает горящую массу и поджигает дома и укрепления. На гильзу вместо зажигательного колпака можно надеть разрывную гранату. Тогда это будет фугасная ракета. А сам хвост прикрепляется вот этими скобами к ракетной гильзе. Этот шест и есть хвост ракеты.

Засядько умолк. Члены комиссии продолжали хранить

¹ Стопин состоит из нескольких хлопчатобумажных бечевок, пропитанных селитрой и при помощи клея покрытых пороховой мякотью.

величественное молчание. Александр понял, что его объяснения до них не дошли. Васильев глубокомысленно морщил лоб и наконец сказал:

— Комиссии все ясно. С благоволения остальных членов я решаюсь высказать лично свое мнение. Ракета не взлетит с дополнительным грузом в виде гранаты либо зажигательного снаряда. А если и взлетит, то взорвется над своими же позициями, причинив немалый вред чести нашего оружия. Я говорю не о вещественном ущербе, таковой ракеты причинить не способны. Но после принятия ракет на вооружение армии над нами станут смеяться во всем мире! Полагаю, что и остальные члены комиссии придерживаются такого же мнения.

Старцы согласно закивали. Лишь человек в камзоле не шелохнулся. Засядько едва сдерживал возмущение. Неужели откажут даже в полевых испытаниях?

Васильев поднялся, расстегнул мундир, давая понять, что заседание окончилось. Генералы, задыхаясь от усилий, тоже стали подниматься. Засядько с надеждой посмотрел в сторону незнакомца в камзоле. Тот, перехватив его взгляд, обратился к Васильеву:

— Андрей Иванович, я тут ознакомился с послужным списком полковника Засядько и обнаружил, что мы разговариваем с храбрейшим офицером русской армии. Одно это дает основание отнестись к его проекту более внимательно. Тем более, что великие полководцы Суворов, Сенин и Кутузов называли его в числе талантливых инженеров. Уже поэтому мы должны продолжить разбор проекта. Как я понял, полковник привез с собой образцы. Их можно испытать на полигоне?

Засядько утвердительно наклонил голову.

— Вот видите! Давайте назначим пробу на завтра. Потеряем день, но доведем дело до конца.

— Если каждому проектировщику мы станем уделять время,— пробурчал Васильев,— нас же засыпят такими химерами!

— Ничего! — энергично возразил неожиданный заступник. — В нашу комиссию не каждый день приходят люди такого ранга. Подвиги полковника Засядько достойны уважения и глубокой благодарности. Давайте так и поступим: устроим завтра официальные испытания. Затем изобретатель получит гербовую бумагу с подписями экспертов о результатах. Полагаю, что подобное решение устроит всех. Как вы смотрите на это?

Васильев кисло скривился.

— Если вы так настаиваете... Пусть будет по-вашему. Назначим на послезавтра. Я сам распоряжусь подготовкой полигона. Вы удовлетворены, полковник Засядько? Александр сухо поклонился:

— Полностью.

— На том и порешим!

Засядько стал сворачивать чертеж. Дождаться бы испытаний! Пусть готовят полигон. Ему есть что показать этим старцам.

К нему подошел один из членов комиссии, сказал увещательным тоном:

— А ведь вы, Александр Дмитриевич, зря затеяли такое непотребное дело. Оскалнитесь, ей-богу! А жаль... И не такие мудрые головы брались перевернуть военную науку, да где там! Не хочется допускать вас до позора...

Александр, не отвечая, свернул чертеж и направился к выходу.

— Куда же вы? — вскрикнул обиженный член комиссии.

— Закончим разговор на полигоне!

Полигон представлял широкое вытопанное поле. Кое-где возвышались полуразрушенные при испытании новых моделей гаубиц деревянные макеты. За низеньким барьерчиком стояли человеческие манекены. Там обычно проводили пристрелку ружей и мушкетов. Такие же манекены маячили и на противоположной стороне. Заявление Васильева, что поле подготовят для испытания ракет, осталось пустой фразой. На полигоне ничего не тронули. Скорее всего никто и не знал, что именно требуется для ракетных стрельб.

Засядько уже давно приготовил ракетную установку и ждал экспертов. Первым явился человек в темно-зеленом камзоле.

— Здравствуйте, Александр Дмитриевич! Позвольте представиться: Анри Жомини. Вчера никто не догадался нас познакомить...

Пожимая руку, с живейшим интересом всматривался в загорелое лицо полковника, и Засядько вдруг почувствовал облегчение. Наконец-то все стало на свои места. Недаром лицо этого человека казалось ему знакомым, хотя никак не ожидал встретить его в военном министерстве

России. Жомини служил в швейцарской армии, затем во французской, был начальником штаба корпуса маршала Нея, потом перешел к союзникам...

Подъехала запряженная пугом карета. Лакеи спрыгнули с запяток, отворили дверцу, поставили лесенку. Показался Васильев.

— Вы уже здесь, Генрих Вениаминович? — удивился он, обращаясь к Жомини. — Рано же вы встаете, барон. А я, грешным делом, полагал быть первым!

Он грузно вылез из кареты, небрежно кивнул Засядько.

— Вот каковы ваши агрегаты, — заметил, критически осматривая шестиствольную ракетную установку. — Признаться, это сооружение еще больше укрепляет мое предубеждение. Вы видели ракетные пушки Конгрева? Гиганты! Исполины! И то никакого проку. Пшик один. А ваша штука? Да я сам унесу ее вместе с десятком ракет за тридевять земель, хоть сердце у меня и пошаливает. И вы собираетесь удивить мир?

— Собираюсь, — ответил Засядько сдержанно. — В отличие от Конгрева, я вовсе не собираюсь заменять артиллерию ракетами. Эти два вида оружия будут взаимодействовать в бою, но ни в коем случае не вытеснять друг друга. Поэтому и требования к моим ракетам иные. Их должны перевозить, а тем паче переносить с наибольшей скоростью и наименьшими затратами сил. Вы унесете верстат? Прекрасно! Значит, солдат-ракетчик сможет передвигаться вместе с передовыми частями войск, постоянно обстреливая неприятеля ракетами. А тяжелые орудия подвезут позже. Ракетные части должны быть маневренными, лишь тогда они получат распространение.

— Прекрасно, — буркнул Васильев. — Завидую вашему оптимизму. Вот уже едут наши. Посмотрим, что останется от вашей уверенности через час.

Подкатило несколько экипажей. Среди них Засядько с удивлением увидел карету с гербом императорского дома. Васильев подтянулся, на лице появилось угодливое выражение. Жомини машинально провел пальцами по мундиру, проверяя, застегнуты ли пуговицы.

Из кареты с гербом бодро выпрыгнул высокий военный. Лицо его было словно натерто кирпичом — красное, с грубой обветренной кожей. Держался он величественно.

Засядько узнал великого князя Константина. При появлении брата императора все почтительно склонили головы.

Константин быстро подошел к Засядько, дружески хлопнул его по плечу:

— Рад тебя видеть, Дмитриевич! Бог мой, да ты совсем не изменился! Ни живота, ни солидной грузности... Вот чем мы, старые суворовские воины, отличаемся от прочих военных!

Все присутствующие хранили благоговейное молчание. Засядько перехватил завистливый взгляд Васильева. Великий князь и в самом деле сохранил превосходную фигуру гимнаста и воина: подтянутый, стройный, всегда в бодром расположении духа, он невольно вызывал симпатии.

— Что у вас тут? — спросил Константин. — Я тоже состою в военной коллегии. Хотя сегодня не собирался заниматься делами, однако услышал знакомое имя и не удержался, прикатил.

— Позвольте, ваше высочество, — сказал Засядько, — продемонстрировать результаты моих трудов. И вне армии я жил мыслью, как бы усилить ее мощь и ратную славу!

— Покажи, покажи, что ты сотворил.

Засядько быстро сориентировал установку и поднес фитиль к стопину. Он положил шесть ракет, но решил запускать по одной.

— Пуск!

Ракета зашипела, стремительно сорвалась с направляющих полозьев, мгновенно растворилась в синем небе, лишь огненный шлейф указывал направление полета. Александр бросил быстрый взгляд на Васильева. Лицо у того было растерянное: ракета все еще не падала. Эксперты, задрав головы, напряженно следили за полетом. Почти у всех и особенно громко у Константина вырвался возглас, когда в месте удара ее о землю вспыхнуло пламя и во все стороны брызнули огненные струи зажигательной смеси. Через несколько мгновений загорелся стоявший неподалеку макет дома. Видимо, часть горячего попала и на него.

— Надо бы потушить, — сказал кто-то встревоженно и осекся. Великий князь восхищенно молчал, а высказывать со своим мнением раньше него считалось нарушением этикета.

— Безусловно, надо потушить, — подтвердил Засядько. — Огонь может перекинуться дальше... — Больше всего он опасался, что из-за пустякового пожара могут отло-

жить испытания. — Пошлите туда двух-трех рабочих с лопатами.

Васильев, опомнившись, повернулся к группе младших экспертов.

— Вызовите рабочих!

Константин, быстро взглянув на него, спросил вполголоса:

— Почему не вызвали заранее?

Васильев виновато залепетал что-то о перадивых помощниках. «Ясно, — подумал Засядько. — Ждал, что все кончится провалом. Ну, погоди же!»

— Господа, — сказал он, — имею честь предложить вам посмотреть на действие фугасной ракеты.

Он поджег стопин второй ракеты. На этот раз все следили за его действиями уважительно. Ракета взвилась, быстро прочертила небо и упала на самом краю полигона. Кто-то ахнул: видно было, как там взлетели комья земли, а два манекена рухнули, будто подкошенные. У третьего слетела голова.

— Осколочная! — сказал Константин восхищенно. — Будет работа портным!

— И Киндосу, — добавил кто-то.

Константин засмеялся, и все засмеялись. Бездарный скульптор Киндос, чтобы как-то поправить свои дела, принял заказ на поставку гипсовых манекенов для офицерского клуба. Потом, изрядно поковырянных пулями, их сдавали на полигон для пристрелки мушкетов.

— А теперь, милостивые государи, — объявил Засядько торжественно, устанавливая на верстаке все шесть ракет, — взгляните на одновременный запуск. Таким образом ракетчик сможет вести залповый огонь.

С яростным грохотом и шипением шесть дымных струй прочертили небо, словно вспахали гигантским плугом его безмятежную голубизну. В верхней точке полета траектории ракет стали расходиться: казалось неравномерное истечение струй газа, но все равно ракеты упали настолько близко друг к другу, что Константин восхищенно крикнул и стукнул себя кулаком по боку, а в толпе экспертов раздались восклицания.

Жомини заговорил первым:

— Просто здорово! Ударная мощь ваших ракет не знает равных. Пожалуйста, остановите запуск. Пусть самым тщательным образом замерят дальность полета.

Засядько поклонился.

— Главная особенность моих ракет,— сказал он,— не в ударной силе или дальности полета, хотя и эти показатели важны. Имея честь участвовать в Итальянском и Швейцарском походах генералиссимуса Суворова...— краем глаза он видел, что великий князь выпятил само-довольно грудь и молодецки расправил усы,— я слышал, как он говаривал: «Где пройдет олень, там пройдет и солдат». Перефразируя его, можно сказать: «Где пройдет олень, там пройдет и солдат с ракетами».

Он взглянул на Васильева. Тот покосился на великого князя и громко изрек:

— Столь малые размеры и колоссальная мощь вашего чуда достойны удивления. Можете быть уверены: эксперты поддерживают ваш проект создания боевых ракет. Мы будем рекомендовать ваше изобретение для дальнейшего изучения и опробования.

— Какие еще опробования?— просил Засядько, медленно наливаясь злобой.— Разве это были не опробования?

— Опробования,— ответил Васильев успокаивающе.— Теперь же мы направим вас в армию, чтобы свое мнение высказали и авторитетные военачальники...

«Господи,— подумал Александр тоскливо,— могучая Римская империя рухнула с возникновением чиновников. Эти отправят к черту Российскую. Меня явно пошлют к какому-нибудь родовитому балбесу, у которого вместо ума длинная родословная, как у породистой собаки. Командные должности остались за родовитыми, боевые офицеры с окончанием войны оттеснены на задний план...»

К ним подбежал молодецкий офицер, на плечах которого, как крылышки Амура, трепыхались непомерно большие аксельбанты.

— Две тысячи... восемьсот восемьдесят восемь саженьей!¹— воскликнул он, с трудом переводя дыхание.

Кто-то всплеснул руками. Константин загоготал. Он, как и остальные члены комиссии, знал, что исполинские ракетные пушки Конгрева могли выбросить ракету лишь на семьсот семьдесят саженьей.

— Зафиксируйте!— распорядился великий князь властно.— Немедленно зафиксируйте. Нет, лучше я сам проверю. Это потрясающе...

¹ Сажень составляет 2,12 м.

Он выхватил шнур у остолебеневшего офицера и пошел через полигон. Эксперты окружили Засядько, стали засыпать поздравлениями. А он не мог понять, с чем поздравляют: с успехом испытаний или с близким знакомством с братом императора.

Константин вернулся, торжественно поставил подпись под официальным заключением об успешном испытании. За ним поставили подписи все остальные.

— Поедешь с ракетами к Барклаю.— Константин дружески положил руку Александру на плечо.— Он мужик умный, знающий. Поймет. Ты же с ним знаком. А теперь...

Он обернулся к ракетной установке, пристально оглядел несколько неиспользованных ракет. Эксперты почтительно и выжидающе смотрели на великого князя, готовые броситься выполнять любое его желание.

— Запустим остальные!— воскликнул Константин.— Не-е-е-ет, брат, погоди, я сам подожгу фитиль! Все ты да ты, дай и мне потешиться!

У БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ

Дорога была ровной, конь скакал бодро, и Засядько отдался думам о предстоящем испытании. Затем мысли его обратились к Барклаю-де-Толли, который в войне с французами проявил незаурядный талант полководца и успешно осуществил отход и соединение двух крупных русских армий. Наполеону так и не удалось навязать ему генеральное сражение и разбить русское войско. Однако в придворных русофильствующих кругах сразу же заговорили об измене шотландца...

Федор Глинка в свое время писал Александру: «Мудрый главнокомандующий, прошедший армию от Немана до Смоленщины... не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потерял ни одного орудия, ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначатия своим желанным успехом». Однако коварные интриги придворных генералов сделали свое черное дело. Барклай-де-Толли был отстранен от должности военного министра и от командования русской армией. Во главе ее стал наконец-то русский — светлейший князь Голенищев-Кутузов.

Засядько вспомнил Бородинскую битву, как во главе отважной горсточки летел с обнаженной шпагой фельдмаршал армии Барклай. Это о нем будет написано стихотворение Пушкина «Полководец».

Ты был неколебим пред общим заблуждением;
И на полуцуги был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко,—
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти...

— Но-но, буланый! — прикрикнул Александр на коня, стараясь отогнать невеселые думы.

Он дал шпоры и помчался навстречу ветру. Свежий воздух приятно холодил разгоряченное лицо. К полудню он догнал высланную вперед телегу с ракетным оборудованием. Василь неодобрительно косился на гарцующего на коне полковника. Дескать, с какой стати трястись в седле, когда можно преспокойно дремать на сене до самого Могилева?

В Могилев прибыли только под утро. Наскоро помывшись, Засядько отправился в штаб-квартиру фельдмаршала. Пришлось пройти сквозь строй щеголеватых адъютантов, которые придирчиво спрашивали его «по какому делу», однако многозначительный ответ «по личному» открывал перед ним все двери. Лишь в последней приемной пришлось задержаться. Очень молоденький и прилизанный поручик юркнул за дверь и через пару минут выскользнул с виноватой улыбкой. Вслед за ним вышел Барклай.

Засядько поразился, увидев фельдмаршала. Это был все еще железный человек, однако как можно постареть за пять лет, минувших со времени войны с Бонапартом! Тогда он мог скакать на горячем коне и рубиться с молодыми и сильными противниками, а теперь это был старик... Лысый, надломленный старик с печальными мудрыми глазами...

— Здравствуйте, Михаил Богданович. Я не помешал? — сказал Засядько, видя, что Барклай держит в руке распечатанное письмо.

— Нет-нет, скорее напротив... Здравствуйте, Александр Дмитриевич. Только что получил грустное сообщение из Франции. Вы знали Бертье?

— Луи Александра?

— Да. Герой, красавец, умница, не так ли? Поехал в американские колонии, там в течение восьми лет помогал американцам добывать свободу. Затем вернулся во Францию, занимал должности начальников штабов...

— ...Маршал Франции в четвертом году, — продолжил Засядько, улыбаясь, — князь Невшательский в следующем, через год — герцог Валанженский, еще через несколько месяцев — князь Ваграмский...

— У вас отличная память, — заметил Барклай.

— Мы с ним встречались, когда он после отречения Наполеона перешел на службу к королю Людовику.

— Д-да, — сказал Барклай, сразу помрачнев. — Служба у Людовика... Как вы уже слышали, Бонапарт еще раз явил миру свою гениальность. Знаменитые сто дней!

— А что с Бертье? На чьей стороне он оказался?

— Ни на чьей. Покончил жизнь самоубийством.

Засядько помолчал, не зная, как отреагировать на неожиданное сообщение. Что случилось с Бертье? Совесть замучила?

— Ну да ладно, — вздохнул Барклай. — Все там будем. Одни раньше, другие позже... Рад вас видеть, Александр Дмитриевич. С чем пожаловали?

Он спрятал письмо, пригласил Засядько сесть. Тот, почтительно наклонив голову, промолвил:

— Мир праху усопших... Но мертвым — покой, а живым нужно жить и работать. — И сразу же перешел к делу: — Я привез для армии новое оружие. Чиновники из военной коллегии едва не заморозили изобретение, да, к счастью, все обошлось. Благоволите, Михаил Богданович, назначить день, чтобы я мог показать вам ракеты.

— Зачем же какой-то особый день, — сказал Барклай заинтересованно. — Если их нетрудно доставить, то велю сейчас послать за ними. Я знал, что вы талантливый инженер-артиллерист, а выходит, что еще и изобретатель?

— Не столь уж я разносторонен, — ответил Засядько дипломатично. — Я воин, и все мои помыслы направлены на прославление нашего оружия. Будь у нас ракетное оружие раньше, кто знает, посмел бы Бонапарт ступить на нашу землю? А если б и начал свое варварское нашествие, то, возможно, был бы остановлен раньше. И тогда сидели бы с нами многие храбрецы, павшие на полях сражений...

— Да,— вздохнул Барклай. Он потер переносицу, потом взглянул вопросительно на гостя.— Зная вас как деятельного человека, не могу помыслить, чтобы вы отложили сие предприятие до завтра.

— Вы угадали,— ответил Засядько, несколько смущенный пронизательностью старого полководца.— В прихожей я оставил треногу с ракетами. Сейчас внесу.

— Неужели сами несли станок? — удивился Барклай.

— Вы убедитесь, что для этого вовсе не обязательно быть геркулесом!

Через минуту Засядько вернулся со своим детищем. За ним вошли и почтительно остановились у порога два адъютанта фельдмаршала в новеньких мундирах из тонкого английского сукна. Оба в чине полковников. Александр понимал, что вины Барклая в появлении этих франтов не было. Во всей армии они вытесняли из штабов боевых офицеров, которые не смущались носить мундиры из простого солдатского сукна.

— Эта тренога и есть пусковой верстак? — спросил Барклай недоверчиво.

Засядько, в который раз услышав традиционный вопрос, засмеялся. Фельдмаршал покосился на сверкнувшие в полумраке кабинета ровные белые зубы полковника. Словно бы и не было изнурительных походов.

— Вопрос глупый,— признал Барклай.— Представляю, сколько раз вам его задают. Но это первое, что приходит в голову при виде такой ажурной вещи. Удивительно, что вы еще сохраняете чувство юмора. Я бы уже взъярился. Кстати, Александр Дмитриевич, может быть, опустим теорию? Ваши ракеты можно будет опробовать сегодня же?

— Конечно,— ответил Засядько с облегчением.

Около трех часов они проводили стрельбы. Место выбрали удачное — пустынный берег реки. Несколько конных кирасиров маячили на горизонте, останавливая любопытствующих.

Барклай с живейшим интересом следил за стрельбами. Засядько понимал, что многоопытный фельдмаршал — он же и военный министр — скрупулезно взвешивает плюсы и минусы нового оружия. Плюс — высокая эффективность, но совсем непросто вооружить армию новым оружием, обучить людей, выработать тактику и стратегию...

— Добро,— сказал Барклай, когда Засядько расстрелял по мишеням три ящика ракет.— Отберите людей по своему усмотрению и постарайтесь научить их обращаться с ракетами. Мне нужно знать, за какой срок можно подготовить хотя бы отделение ракетчиков.

Засядько начал с гренадерских полков, которые во все времена считались отборными. Однако быстрее всех овладели искусством точной наводки с последующей стрельбой по цели казаки, будто им это искусство передавалось по наследству.

Труднее оказалось с составлением пороховых смесей.

Пришлось затратить почти вдвое больше времени, чем полагал, но в конце концов уладилось и с этим. Правда, можно было привозить в действующую армию ракеты, собранные в Петербурге, но у Засядько созрел иной план.

Производство ракет можно и нужно наладить в самой армии! Конечно, не из сырья — с таким делом здесь невозможно управиться, но сборку из готовых частей лучше всего производить в относительной близости от театра военных действий. Ракета — слишком сложный механизм, чтобы ее можно было изготовить на каком-либо одном предприятии, заказы на отдельные части придется разбросать по различным пороховым, оружейным и литейным заводам. А собирать нужно в специализированном заведении, которому надлежит находиться вблизи от армии или даже в ней самой...

Засядько, собрав более-менее понимающий свое дело штат, смог показать одновременный запуск двух десятков ракет. На этом испытании, кроме Барклая, присутствовал весь генералитет. Александр постарался блеснуть мастерством, и это ему удалось.

После окончания испытания он подошел к Барклаю:

— Расстрелял весь запас, Михаил Богданович. Что теперь?

Барклай обнял бывшего соратника по сражениям.

— Можете сразу отправляться в Петербург. Я заготовил для вас сопроводительную бумагу в военное ведомство. А можете отдохнуть здесь. Чудесная природа, лес, река...

— Спасибо, Михаил Богданович. Мне нужно ехать. Время идет, а так мало сделано!

— Да,— вздохнул полководец,— время идет... Дай-ка, дружище, я обниму тебя напоследок.

Обратно Засядько предпочел ехать в телеге. Нужно было проделать массу расчетов, а при верховой езде приходилось считать лишь в уме. Время от времени он доставал и перечитывал письмо Барклая: «В продолжение нахождения Вашего при главной моей квартире для показания опытов, составления и употребления в армии... ракет я с удовольствием видел особенные труды и усердие Ваше в открытии сего нового и столь полезного оружия, кои поставляют меня в приятный долг изъяснить Вам за то истинную мою признательность».

— Удалось? — спросил Василь, заметив, что полковник читает какую-то бумагу.

— Полный успех. Боевые ракеты существуют!

Не знал Засядько, что вдогонку летело второе донесение Барклая Александру I, в котором говорилось: «...Произведение в генерал-майорский чин не только было бы вознаграждением отличнейших познаний и достоинств полковника Засядько, но было бы и для самой службы полезно».

Солнце стояло над самой головой. Василь, серый от дорожной пыли, тоскливо посматривал по сторонам. Дорога тянулась нескончаемо однообразная, без признаков жизни. словно ею перестали пользоваться со времени полвцев или татарского нашествия. Иногда над головой проносилась хищная тень кобчика, и совсем редко удавалось услышать пение жаворонка.

Наконец по дороге попался трактир. Чувствуя в желудке тянущую пустоту, Засядько велел остановиться. Довольный Василь подвязал лошадям к мордам мешки с овсом и поспешил за хозяином.

В просторной избе было пусто, лишь у стены сидело трое мужиков. Перед ними на столе дымился чугунок с горячей картошкой. Все трое выхватывали по картофелине, катили в ладонях, пока остынет, затем начинали есть, время от времени макая в горку крупной серой соли, насыпанной прямо на стол.

— Земляные яблоки, — определил Василь. — Ишь ты! А недавно бунтовали, отказывались поганить огороды.

К Засядько подскочил хозяин, угодливо склонил голову с лосящими от жира волосами. Его цепкие глаза миготали сукно мундира, пробежали по выцветшим брюкам, опустились на истоптанные сапоги.

— Слушаю вас, милостивый государь!

— Поесть, — сказал Засядько хрипло. — И что-нибудь выпить.

— Вина, водки?

— Квасу.

Сзади взмолился Василь:

— А мне бы с дороги чего-нибудь покрепче, Александр Дмитриевич!

— Ладно, и водки. Пару стаканов.

Хозяин хлопнул в ладоши, прибежал половой, вытер стол тряпкой. Скатерти не было и в помине, да она была бы ни к чему в этом грязном, закопченном помещении.

Тот же парень принес горячие щи и половину жареного гуся. Василь дождался водки, лишь тогда приступил к трапезе. Над головой колыхался целый рой мух, под ногами бегали тараканы. Засядько ел, ни на что не обращая внимания: в походах и не то видал.

Окончив трапезу, полез за кошельком и... похолодел. Пальцы нащупали пустое портмоне. Совсем забыл, что позавчера истратил на хлеб последнюю монету! Все эти дни обедал у Барклая, и как-то неудобно было одалживать у него деньги. В его чине деревнями меняются или проигрывают их в карты, а тут нечем заплатить за самый дешевый обед на постоялом дворе.

— Черт возьми... — пробормотал он.

Хозяин понял, что произошло что-то неладное. Его круглая физиономия вытянулась, на ней было написано: «А мне какое дело? Плати». Крестьяне тоже насторожились, повернули головы к заезжему барину. Все трое смотрели с жадным любопытством, как гуси, вытянув худые жилистые шеи.

— Никак кошелечек потеряли, ваше благородие? — спросил Василь.

— Гм... Можно считать и так.

В неловком молчании он вытащил из жилетного кармана швейцарский брегет. На внутренней крышке была дарственная надпись от Кутузова. Жаль, но другого выхода не было.

— Возьми вместо платы, — сказал Засядько хозяину. — Да принеси еще гуся вон тем, — он кивнул на любопытствующих крестьян, — а то они только выращивают их, а сами не едят.

— Слушаюсь, ваше сиятельство! — рявкнул хозяин, поспешно пряча часы в карман.

Засядько допил квас, поднялся. Раскрасневшийся Василь последовал за ним, украдкой погрозив пальцем хозяину. Тот в этот момент ставил перед изумленными мужиками блюдо с жареным гусем и чуть не уронил испугу. Бог их поймет, этих господ. Гуляют!

— Как же теперь, Александр Дмитриевич? — спросил на дворе обеспокоенный помощник. — Нам еще ехать и ехать. А есть надобно каждый день.

— Доберемся, — ответил Засядько беспечно и, отыскав в кармане лист бумаги, погрузился в дебри дифференциальных уравнений.

У ЖЕЛЕЗНОГО ПОЛКОВНИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

Несмотря на глухое противодействие Васильева, труды Засядько привлекли общее внимание в военной коллегии. Его руководство по составлению и употреблению ракет ходило в списках, как в свое время суворовская «Наука побеждать». Александр I, которому имя Засядько говорило много, во время очередного смотра войск произвел полковника в генерал-майорский чин.

Через год он был назначен дежурным генералом 2-й армии, что пришлось очень кстати, ибо можно было изучить на месте способы применения ракет в боевой обстановке и, главное, подготовить командный состав и нижние чины к предстоящему оснащению армии новым оружием.

Однажды, будучи по делам в Одессе, Засядько отправился на короткую прогулку вдоль Приморского бульвара. День был утомительный, пришлось переделать массу работы, и он позволил себе полчаса отдыха.

Погода была по-настоящему весенней: небо полностью очистилось от туч, солнце было такое сияющее и радостное, что весь мир, казалось, улыбался ему в ответ.

На бульваре было много гуляющих. Чаще всего попадались бонны, сопровождающие пухлых румяных барчуков, встречались молоденькие девицы, которые обычно держались парами, гимназистки и выпускницы пансионов. К ним присматривались уланы из расквартированной неподалеку части, пытались заговаривать, заливчато подкручивая пафавренные усы и браво выпячивая грудь. Вышли на бульвар и почтенные отцы семейств,

грелись под весенним солнцем в своей ленивой важности.

Засядько шел неторопливо. В редкие минуты отдыха он умел наслаждаться красотой природы в противовес бездельникам, которые большую часть своего времени проводят в праздности, никого и ничего не замечая.

С моря дул легкий свежий ветерок, громко кричали чайки, словно тоже были переполнены искрящейся радостью. Вдруг Александр почувствовал, как сердце его дрогнуло. Навстречу шли две девушки. Он еще не понял, что случилось, но сердце билось все быстрее. Наконец сообразил: одна из девушек была поразительно похожа на Ксанку! Будто и не пролетело двадцать жестоких лет среди огня и железа. Снова он увидел ее, юную и прекрасную.

И вдруг девушка остановилась. Подружка потянула ее за рукав, но девушка замерла на месте. Отчаянно покраснев, она смотрела на Александра. Он почувствовал, что впервые язык не повинуется ему.

Наконец девушка тихо произнесла:

— Здравствуй, Александр Дмитриевич...

Засядько окаменел. Он узнал голос!

Подружка дернула девушку за рукав, сказав с возмущением:

— Оля, это неприлично. Пойдем!

Засядько понимал, это не могла быть Ксанка. И все же в душе бушевала буря. Прошлое не возвращается. Ему уже сорок лет, а не восемнадцать...

— Александр Дмитриевич, — заговорила девушка, которую подруга назвала Олей, — у нас в семье хранятся газеты с вашими портретами. Даже английские, итальянские и французские. Мама их давно собирает... Я решилась заговорить с вами первой, хоть это и противно этикету, но ведь другого случая может и не представиться. Вы не бываете на балах, а я — в сраженьях...

Засядько невольно улыбнулся шутке.

— Кто ваша мама? — спросил он наконец.

— Оксана Грессер, — ответила девушка, глядя на него пристально. — Урожденная Герасимова.

Вот оно что! Засядько пристально всматривался в юное лицо. Ее дочь... Оказывается, время шло не только для него.

Молчать дальше было неловко.

— Что это вы читаете? — спросил он, заметив в руке у девушки тоненькую книжку.

Девушка показала переплет книги, продолжая смотреть на Александра во все глаза. Это была поэма «Полтава» петербургского поэта Александра Пушкина.

— Война со шведами, — сказал он удивленно. — Впервые вижу девушку, интересующуюся битвами...

— Здесь не только о сражениях, — заметила девушка. — Поэма мне очень понравилась.

Наконец подруга увлекла ее за собой. Пройдя несколько шагов, Оля обернулась и крикнула:

— Приходите в субботу к губернатору! На кавалькаду к морю!

Подруга сердито дернула ее, и они побежали по залитому солнцем бульвару. Засядько прислонился к парапету, на мгновение закрыл глаза, словно воскрешая прошлое, с которым встретился через двадцать лет. Весна в образе Оли, поэма о Полтавской битве...

Что она в ней нашла, кроме описания сражений? И вдруг почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, словно гимназисту на первом свидании. В памяти воскресли целые страницы, которые он пропускал, не вникая в содержание.

Любовь красавицы Марии к гетману Мазепе! Мария, отвергавшая любовь молодых красавцев из знатных семей, полюбила седого старца.

Он расстегнул воротник, но легче не стало. Сердце впервые вышло из-под контроля и продолжало гнать жаркую кровь в голову. В небе кричали чайки, солнце посылало горячие, как раскаленные ядра, лучи. Даже ветер с моря не приносил прохлады.

Он ощутил, что железная воля, которая все предыдущие годы не изменяла ему, впервые пошатнулась. Нахлынули странные, никогда ранее не испытываемые чувства, закружили голову, привели в смятение. Стальной стержень, на котором держалась вся его жизнь, вдруг начал плавиться, словно восковой.

Потрясенный, он снова и снова воскрешал образ девушки. Она уходила, юная, легкая, как утренний луч, который скользит по траве, не тревожа ее. Девичий сплут четко выделялся на синем небе, а когда совсем исчез, стоило Александру закрыть глаза — и он снова видел стройную фигуру девушки как символ весны, юности, чистоты...

«Неужели распис? — подумал он с пропией. — На сантименты потянуло?»

Вызвал в памяти картины грандиозных сражений, кровавых схваток, пожаров, уничтожавших города и селения... Напрасно! Поверх всего накладывался трепетный девичий образ, а остальное блекло, отступало, растворялось.

Ему уже сорок лет. Жизнь прошла среди жестоких сражений, под грохот канонады и при багровом свете пожаров. Не успевала закончиться одна война, как вспыхивала другая. Пятнадцать лет не выпускал он из рук окровавленную саблю, пятнадцать лет жил войной, в которой не было места женщинам. А потом два года затворничества в сарае-лаборатории...

В голове зародилась тревожная мысль: правильно ли он жил все предыдущие годы, отказавшись от человеческих радостей? Он считает себя счастливым, но не прошел ли мимо еще более великого счастья?

«Слабость. Опомнись, Александр! — одернул себя Засядько. — В этом мире бездумно счастливы лишь бабочки да люди, подобные им. Тебе же никогда не суждено быть таким счастливым».

Мало-помалу удалось взять себя в руки. Он несколько раз глубоко вздохнул, приводя мысли в порядок. Воля начала теснить хаотические эмоции, словно железные когорты регулярной армии, которые окружали и заставляли капитулировать бунтовщиков.

Наконец он собрался с мыслями, полностью овладел своими чувствами. Снова был железный, непреклонный, негибкий. Однако в душе осталось щемящее сожаление, словно о цветах, растоптанных тяжелыми солдатскими сапогами.

Генерал-губернатор вышел навстречу, едва мажордом доложил о приходе прославленного генерала. Многочисленные тетушки, под крылышком которых томились в ожидании женихов молоденькие девицы, сразу же принялись давать поспешные наставления своим воспитанницам. Не иначе, как боевого генерала потянуло к семейному очагу. Не упустить бы! Партия завидная. Холост и в такие годы уже генерал, лично знаком с государем императором и его братьями...

«Все у меня не как у людей, — подумал Засядько насмешливо. — В моем возрасте женятся по предварительной договоренности. По расчету. На именнях и на связях. А я, словно влюбленный лицеист, бегу на бал, от которого давеча отказался...»

— Рад вас видеть, Александр Дмитриевич! Вам понравится, уверяю вас, — рассыпался в любезностях губернатор. — У нас собирается вся светская Одесса!

Засядько улыбнулся и посмотрел по сторонам. Под стенами чинно сидели девицы на выданье. Но где же та, ради которой он пришел сюда?

— Мы решили сегодня устроить верховую прогулку к морю, — сказал губернатор. — Участвуют все, кто хочет. Сразу же после бала и отправимся. Как вы на это смотрите, Александр Дмитриевич?

— С удовольствием примкну к вам, — ответил Засядько.

Лошади у губернатора были хорошие. Александру из уважения к его генеральскому званию хотели было дать самого рослого, богатырского сложения коня, но смиренного и неповоротливого, однако он предпочел оседлать молодого, полного сил жеребца, который, как зверь, рвался с привязи.

Конюхи лишь уважительно покачали головами, когда Засядько вихрем вылетел на жеребце со двора.

Кавалькада мчалась вдоль берега. Кавалеры оказывали дамам различные знаки внимания, завязывался обычный в таких случаях флирт — старая, как мир, игра.

Александр догнал Олю. Она скакала на белом коне, гордая и красивая, словно скифская царевна. Некоторое время их лошади шли рядом, потом девушка чуть придержала свою. Мимо них со смехом и шутками промчался праздничный кортеж. Каждый был занят собой и своим партнером.

— Нравится вам? — спросила Оля.

Засядько кивнул, не зная, с чего начать разговор.

— Я снова перечитала «Полтаву», — неожиданно сказала Оля.

— Славный город, — заметил он. — Моя родина. Я родился неподалеку.

— Правда? Я мечтаю побывать там. Наверное, где-нибудь под Полтавой остались еще следы знаменитого сражения? — спросила девушка, посмотрев на Засядько,

и вдруг добавила: — Александр Дмитриевич, а вы знаете, что у вас нет ни одного седого волоса? Я и не думала, что бывают такие молодые генералы! Больше двадцати пяти лет вам никто не даст...

Засядько знал, что выглядит молодо. Жесткий режим, занятия индийской гимнастикой, купание круглый год, воздержанность в пище и отказ от всякого рода излишеств прибавили ему молодости. Хотя он и не обращал на свою внешность внимания, заботясь лишь о сохранении высокой работоспособности, но, как оказалось, это способствовало одно другому.

— Я польщен, — пробормотал, смутившись, Александр. — Вы щедры на комплименты...

— Это не комплимент, — возразила девушка. — Разве вам не говорила этого ваша дама сердца?

Засядько удивился неожиданному вопросу. Дама сердца? В сердце у него до сих пор были межпланетные полеты, ракеты. Вряд ли самая терпеливая дама ужилась бы с таким соседством.

— Нет, не говорила, — ответил он просто. — Потому что у меня ее никогда не было.

— Никогда? — спросила удивленно девушка.

— Никогда, — ответил он твердо.

Некоторое время ехали молча. Участники кавалькады уже разбились на небольшие группки и пары. На них никто не обращал внимания.

— Александр Дмитриевич, — снова заговорила Оля. — Простите за нескромный вопрос... Вы и не собираетесь обзаводиться семьей?

— Нет, — ответил он глухо.

— Почему? Простите меня, но я очень хочу понять вас. Вы необычный человек, и ваши поступки должны иметь какое-то основание.

Засядько поднял на нее глаза. Оля смотрела открыто и решительно.

— Вы умная девушка, — ответил Засядько. — И смелая. Я уважаю вас за смелость. Ваши подруги — рабыни этикета. Вы не такая... Вы правильно сказали, что я необычен. В хорошую или плохую сторону — не берусь судить, да дело и не в этом. Со мной... трудно. Редкая женщина позволит, чтобы муж ее отказывался от материальных благ, когда они плывут в руки. А мне приходится постоянно отказываться. Ради других целей...

— Ну и что? — удивилась она. — Ради продвижения по службе можно отказаться от роскоши.

— Не ради продвижения по службе... Если бы я стремился к карьере, то наверняка достиг бы большего. Но фельдмаршалов много, а... Словом, мне нельзя обзаводиться семьей.

Он вспомнил, как продал имение и два года жил в сарае, переоборудованном под лабораторию. Какая женщина смирилась бы с такими условиями?

— Сейчас я генерал. Но все, что у меня есть, это шпaga и запасной мундир. Жалование свое расходую на химические опыты, выписываю книги из Англии, Пруссии, Франции...

— Это же замечательно! — воскликнула девушка.

Александр посмотрел на нее удивленно. Ее большие глаза сияли любовью и преданностью. Она тянулась к нему, словно нежный, только что распустившийся цветок к утреннему солнцу.

— Если бы я была вам хоть немного нужна, — сказала она порывисто, — я бы пошла за вами всюду! Разделила бы все тяготы вашего пути, все трудности. Александр Дмитриевич! Зря вы считаете, что женщин интересуют только богатые и знатные женихи.

— Жертвенное настроение быстро проходит... — заметил Засядько.

— Нет! — горячо возразила девушка. — Жертвенность здесь ни при чем. Хотя женщинам свойственно в первую очередь заботиться о домашнем очаге и детях, но мы тоже хотим жить настоящей жизнью!

Они догнали кавалькаду, и Засядько был рад прервать разговор. Таких речей он не ожидал от девушки, которой едва исполнилось восемнадцать лет. А что ответить? Имеет ли он право дать ей какую-то надежду?

Вернулись они последними. В усадьбе их встретил сам губернатор, который выглядел встревоженным.

— Александр Дмитриевич, — почтительно обратился он к Засядько. — Вам прибыл срочный пакет от командующего армией.

Засядько быстро сорвал многочисленные печати. В пакете оказалось письмо, гласившее: «Александр Дмитриевич! Его императорское величество государь император изволил повелеть мне срочно отыскать Вас и пригласить, не мешкая, явиться ко двору. Его императорское величество и его высочество великий князь Михаил Павлович

хотят посоветоваться с Вами по очень важному делу. По получении сего рескрипта прошу Вас срочно явиться в резиденцию его императорского величества. С почтением Ваш покорный слуга, начальник штаба 2-й армии генерал Киселев».

— Неожиданность, — пробормотал Засядько, оглядываясь на Олю.

Заметив, что остальные гости стоят по сторонам в ожидании, он передал письмо губернатору. Тот пробежал глазами первые строчки, вздрогнул, вытянулся и дочитывал уже по стойке «смирно».

Засядько отошел в сторону, тихо сказал Оле:

— Если я могу надеяться... Я вернусь.

— Да, — ответила она тотчас же, — возвращайтесь поскорее! Возвращайтесь за мной. Я буду ждать вас, Александр Дмитриевич. Я буду ждать вас, сколько понадобится.

АЛЕКСАНДР I ЖЕЛАЕТ ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Слегка взволнованный предстоящим свиданием, Засядько быстро поднимался по широкой мраморной лестнице царского дворца. Здесь живет человек, власть которого простирается на всю Российскую империю и оказывает влияние на судьбы мира. Он может поставить ракетное дело на должную основу...

В первом зале Засядько встретил камергер в раззолоченном мундире и повел через анфиладу комнат. В них толпились сиятельные чины в ожидании аудиенции. Генерала провожали завистливыми взглядами. В одной из комнат камергер велел ему подождать. Появился другой проводник в чине генерала и повел Засядько дальше.

В огромном кабинете за массивным столом сидели двое. Высокий сторбленный человек с нездоровым бледным лицом и большими печальными глазами и полный его антипод: румяный, с торчащими, как у кота, усами, смеющимися глазами, стройный и поджарый. Засядько узнал в первом императора, а во втором — его младшего брата, великого князя Михаила. Оба они были без ордеров и регалий, в повседневной одежде.

— Ваше императорское величество... — начал было Засядько, но Александр прервал его нетерпеливым

жестом, кивнул в знак приветствия и указал на свободное кресло. Несколько обескураженный таким неофициальным приемом, Засядько пытался угадать причину. Руки императора дрожали, глаза неестественно блестели. Возможно, сказывалось увлечение квакерством. Всею Петербургу было известно, что царь давал аудиенцию делегации квакеров, молился и плакал вместе с ними, целовал руки их старейшине Аллену.

Великий князь вышел из-за стола, с наслаждением размял кости. Засядько вскочил, вытянулся, повернул голову в сторону Михаила, у которого были знаки различия генерала-фельдцейхмейстера.

— Сядьте! — сказал Александр повелительно, пристально вглядываясь в Засядько. Тот почтительно выдержал взгляд императора. — Александр Дмитриевич, — продолжил он, смягчив тон, — какого вы мнения о нашей артиллерии?

Вопрос был неожиданным, но не застал Засядько врасплох. И он ответил уверенно:

— Пока одна из лучших в мире.

Император остался доволен ответом, однако Михаил уцепился за слово «пока».

— А каковы перспективы?

Засядько вопросительно посмотрел на императора. Тот благосклонно кивнул, давая понять, что они не в армии и отвечать можно, не спрашивая позволения старшего по чину.

— Потом отстанем, — отрубил Засядько.

Александр нахмурился. Михаил многозначительно взглянул на брата.

— Почему же так? — спросил Александр.

— В Европе уже есть артиллерийские заведения, которые готовят знающих инженеров-артиллеристов. У нас же такого нет. Артиллерийское дело, как и любое другое, не может стоять на месте. Должно развиваться.

Александр нахмурился, опустил голову. Михаил одобритительно закивал головой. Засядько понял, что великий князь, очевидно, добивается у брата создания в России высшего училища для инженеров-артиллеристов.

Царь задумчиво стучал тонкими нервными пальцами по столу.

— Александр Дмитриевич, мы тут с братом, обсудив, решили создать высшее артиллерийское училище. Поме-

щаться оно будет в Петербурге. Дело это новое... Мы решили вверить его вам.

Засядько на мгновение смешался. Во время разговора он ждал, что речь пойдет о его ракетах. Тогда бы он выложил самые веские доводы! А училище для артиллеристов...

Михаил, видя, что генерал колеблется, вступил в разговор:

— Александр Дмитриевич, мы долго перебирали кандидатуры. Сошлись на вашей. Во главе высшего артиллерийского училища должен стоять исключительно знающий человек и с широким кругозором. Все его организаторские способности должны быть направлены на создание лучшей в мире школы артиллеристов. Вам будут предоставлены широкие полномочия для подбора преподавательского состава и учащихся. Лишь бы вы создали российскую школу артиллерийской науки!

«Не то, что я хотел, — быстро прикидывал Засядько, — но и это немало... Судьба будущего артиллерии России... Можно заложить такие традиции, что российская школа станет сильнейшей в мире. И при ней можно будет завести класс ракетчиков...»

— Сочту за честь, — сказал он, — но программы...

— Составите сами. Кто лучше вас знает, что нужно преподавать артиллеристам? Будьте в училище полным хозяином. Единственное требование: дайте России знающих инженеров-артиллеристов!

— Хорошо, — ответил Засядько. — Берусь. Когда вы предполагаете открыть училище?

Михаил опередил брата с ответом:

— Чем скорее, тем лучше!

— Но у меня есть дело личного характера...

Александр насторожился, а Михаил любопытно вытянул шею.

— Мне нужно вернуться в Одессу. Я собираюсь жениться.

Император довольно улыбнулся, протянул руку для поздравления.

— Рад за вас, Александр Дмитриевич! Поздравляю от души. Честно говоря, в такой роли вы еще больше подходите для должности директора. Солидный женатый человек...

Михаил расхохотался:

— Засядько — солидный! Ну, насмешил. Впервые встречаю такого несолидного генерала. Вечно какие-то идеи... Но если шутки в сторону, то вы нас очень порадуете, когда со свойственной вам энергией возьметесь за организацию училища.

Засядько понял, что разговор окончен, и поднялся. Александр проводил его до дверей и уже у порога сказал:

— Кланяйтесь от нас своей невесте!

Не задерживаясь ни дня в Петербурге, Засядько возвратился в Одессу. Его ждали. Когда Зигмунд Грессер с женой вернулись из деревни, тетюшки преподнесли им неожиданную новость: в их юную дочку влюбился генерал! Весь в орденах.

Вся великосветская Одесса судачила о предполагаемом браке. Губернатор поздравил Грессера, и тот был счастлив. Ксана Юрьевна, его супруга, узнав, кто является женихом, наоборот, долго плакала. Оля не знала, как утешить мать. Впрочем, стоит ли, если это от радости? Конечно же, мама счастлива породниться с таким человеком...

Потом была свадьба. Александру казалось, что минуло несколько дней с того момента, как он снял с невесты подвенечную фату, но на туалетном столике росла стопка писем от великого князя, который напоминал, что прошло уже несколько месяцев. Наконец и Александр I прислал рескрипт с просьбой поторопиться.

— Езжай, — сказал Оля тихо. — Уже ноябрь. Я приеду, как только...

Она не договорила, посмотрела в зеркало на свою полневшую фигуру.

— Как ты будешь здесь без меня...

— Езжай, милый. Женам великих людей всегда труднее прочих. Но я самая счастливая из смертных, потому что встретила тебя... Я счастлива так, что ты не можешь и представить... Лети, мой сокол!

ДИРЕКТОР УЧИЛИЩА

Подобрать кадры преподавателей было непросто. При всей увлеченности ракетным делом Засядько видел, что творится в России. Показной либерализм Александра I

сменился эпохой беспощадной реакции. Военным министром был назначен Аракчеев, самый верный и самый грубый последователь деспотической политики Павла I. Пост министра просвещения получил князь Голицын, который сразу же провел «чистку» университетов.

Как сообщала в письмах Оля, из харьковского университета изгнали двух профессоров. Александру был известен и другой случай с четырьмя профессорами Петербургского университета. Профессор философии Галич был обвинен в том, что преподавал философию Шлецера, несущую идеи «робеспьеризма» и «маратизма», профессор статистики Арсеньев, профессор политических наук Герман и профессор всеобщей истории Раупах — в том, что преподавали теории Шеллинга.

Попечитель Казанского университета Магницкий изгнал из университета одиннадцать профессоров, запретил преподавать геологическое учение Бюффона и астрономическое учение Коперника, Галилея и Ньютона, предписал, чтобы лекции по минералогии и другим наукам перемежались с молитвами и церковными песнопениями. Профессор литературы должен был доказывать литературное превосходство библии над всеми светскими книгами, профессор истории — предлагать в качестве образца «Всеобщую историю» епископа Босюэ, профессор философии — поучать, что научные истины посят случайный характер и что единственная абсолютная истина основывается на божественном откровении.

Подбирать в таких условиях преподавателей было нелегко. Первым Засядько принял поручика Которовича, преподавателя латинского языка. Он произвел благоприятное впечатление, представил хорошие рекомендации, но главное было в том, что Засядько не считал латинский язык хоть в какой-то мере нужным будущим артиллеристам и ввел преподавание латыни лишь для того, чтобы с первых же дней не восстанавливать против себя царя и его приближенных.

Знакомый преподаватель политической экономии, которому Засядько предложил перейти в его училище, сказал удивленно:

— Александр Дмитриевич, разве вы не знаете последних новостей? Наш государь император буквально на днях вычеркнул из программы все политические науки.

— Почему же? — удивился Засядько.

— В качестве излишних. А в Харькове и Дерпте студентам запрещено посещать театры, так как «это противно морали и отвлекает от занятий». Уже нельзя ездить на учебу в германские университеты. Я продержался дольше других преподавателей, ибо в своем курсе политической экономии твердил о добродетели, которая «превращает блага материальные в блага духовные». Но все равно уволили. Помните Никольского? Он еще держится, так как в своем курсе математики трактует треугольник как символ троицы...

— Бог мой! — сказал потрясенный Засядько. — Я ничего этого не знал...

— Медицине велено стать насквозь христианской, и вскрытия, как святотатство по отношению к умершим, строго запрещены. Средневековье!

— Варварство, — согласился Засядько. — К счастью, медицина меня не касается. А вот что делать с математиками, где искать хорошего баллиста?

Преподаватель развел руками. Засядько призадумался. Нужен педагог по самому главному предмету, вокруг которого будут группироваться остальные. Уже отсеял троих, но появятся ли новые кандидаты?

Однажды в конце дня явился посетитель, которого Засядько меньше всего ожидал увидеть.

Дверь тихо отворилась, и на пороге стал... Кениг! Все такой же: сгорбленный, похожий на сердитую ворону. Только ростом словно бы стал меньше, и морщины прибавилось...

Засядько радостно вскочил, выбежал из-за стола:

— Генрих Вениаминович, здравствуйте! Господи, как я рад вас видеть!

— Почему? — недовольно спросил Кениг. — Потому что стал директором? И своего преподавателя принимаешь как школяра? Да, роли поменялись...

Он сел в пододвинутое Александром кресло, пытливо всматриваясь в радостное лицо бывшего питомца. Подумать только: уже генерал! Ведь всего только двадцать лет минуло. А он все еще подполковник...

— Как вы здесь очутились? — спросил Засядько.

— Проездом. Был в Берлине, возвращаюсь в Полтаву. Услышал о создании нового училища, решил заглянуть.

— Генрих Вениаминович! — воскликнул Засядько. — Мне позарез нужен преподаватель баллистики. Не могли бы вы взяться за это дело?

Кениг помедлил с ответом, потом сказал неуверенно:

— Вряд ли меня примут...

— Как это не примут?! — воскликнул Засядько. — Мне даны широкие полномочия. Никто меня не контролирует, решения здесь принимаю я.

— Гм, — сказал Кениг, — попытайся, если так. Дело в том, что в настоящее время я преподаю цифирь... в солдатской школе.

Засядько не поверил своим ушам.

— Вы?! Первокласный специалист? Автор учебника по баллистике? Как же такое могло случиться?

Кениг невесело улыбнулся.

— Александр Дмитриевич, даже в моих высказываниях нашли крамолу. Ведь я не скрывал, что читал «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева.

— Вы займете должность профессора артиллерии, — пообещал Засядько решительно. — Хорошо, что заглянули ко мне!

Однако заполучить Кенига оказалось непросто. Кроме чтения запрещенной литературы, он был замечен в непозволительно мягком отношении к крестьянству. Засядько знал, что скрывается под этой формулировкой. Во время войны с Наполеоном простые крестьяне показали образцы высокого героизма, это благодаря им была разбита французская армия. Однако вскоре после войны помещики, вернувшись в покинутые имения, продолжали обращаться с крепостными, как со скотиной. Народных героев, георгиевских кавалеров пороли до смерти за малейший проступок, а то и просто за косой взгляд или недостаточно низкий поклон. Прогрессивно настроенные офицеры из дворян роптали на существующий порядок: было стыдно смотреть крестьянам в глаза...

После нескольких неудачных попыток перевода Кенига Засядько вынужден был обратиться к великому князю, который взял училище под личную опеку. Михаил сначала равнодушно согласился на перевод преподавателя, даже удивленно поднял брови: дескать, что ты, братец, беспокоишь меня такими пустяками? Однако, узнав причину задержки, нахмурился и начал теревить усы.

— Боюсь, что ничего не получится, — сказал он наконец. — Этот человек — опасный вольнодумец. Он не чтит власть, престол, веру. Чему он научит юношество?

— Он прекрасный знаток баллистики, — возразил Засядько. — Законам и чиновничеству воспитанников

научат преподаватели соответствующих дисциплин, а Кениг обучит их артиллерийским наукам. Он будет говорить с кафедры формулы. Какая в них крамола?

— Э-э, Александр Дмитриевич, — заметил Михаил, — часто в формулах и таится самая большая крамола. Вон Коперник одними формулами орудовал, а мир перевернул!

— Но Кениг не Коперник...

— Будем надеяться. Нам только новых Коперников не хватало. Александр Дмитриевич, а почему бы вам самому не занять должность профессора артиллерии, оставаясь одновременно директором?

— Не могу. И так приходится заниматься многими делами. Просто не успею. Поэтому и уступаю ее Кенигу. Может быть, мои знания шире, но его — глубже именно в баллистике.

Князь наконец сдался:

— Хорошо, я посодействую. Но вы все-таки подыскивайте другого кандидата. Крамола нам не нужна. Я соглашусь на перевод Кенига лишь в самом крайнем случае.

Прошла еще неделя борьбы за опального преподавателя. Не добившись в департаменте перевода Кенига, Засядько написал письмо Михаилу, который тем временем уехал за границу: «С опасением навлечу на себя неудовольствие вашего императорского высочества осмеливаясь повторить просьбу мою о подполковнике Кениге, важными побуждаясь к тому причинами: прослужив двадцать пять лет в поле и оставаясь в продолжении оных десять лет в войне непрерывной, могу ли я быть профессором? А между тем по обязанности, которую ваше высочество возложить на меня удостоили, я должен быть оным вполне, должен смотреть не только за методом преподавания, которую самому надлежит составить, но должен еще проверять учителей и учащихся. Я не имею суетной гордости мыслить, что ко всему этому мог я быть способен, да и смело могу заверить ваше высочество, никто один без посторонней помощи не в силах исполнить этого».

Михаил ответил лишь через три месяца. Дескать, дело подполковника Кенига пересматривается, можно уповать на лучшее. А пока не стоит оттягивать начало занятий из-за одного человека.

Пришлось должностному профессору артиллерии занять Засядько. Теперь он ежедневно поднимался на кафедру и читал лекции. Странное чувство испытывал, глядя на склонившиеся над тетрадами стриженные головы. Когда-то и он точно так же строчил пером, стараясь не упустить ничего важного. И тоже благоговел перед преподавателями...

С радостью отметил, что его лекции пользуются большой популярностью. Слушателям импонировало, что перед ними выступает прославленный боевой генерал, который использует богатейший фактический материал и щедро насыщает лекции примерами из собственного военного опыта. В эти минуты перед ними разворачивались картины грандиознейших битв, и все ощущали себя участниками минувших событий.

Выждав время, Засядько снова сел за письмо к Михаилу.

«...Осмеливаюсь просить вас покорнейше быть совершенным образом уверенным, что единственно истинное желание служить возможно лучше и доставить несчастливенному вашим высочеством заведению возможно более способов быть достойным вашего внимания внушило мне смелость повторить просьбы о переводе подполковника Кенига. Я не забываю, однако же, мысль о выборе другого на случай, если бы его императорское высочество цесаревич на такой перевод его не соизволил».

Последнюю фразу написал скрепя сердце, только бы лишний раз не раздражать всемогущего князя. Иначе упрется, как бык, тогда ни Кенига, ни кого другого не получишь. Впрочем, другого и не надо. С Кенигом никто не сравнится. Либо его переведут, либо... придется лямку тянуть самому.

Мрачные предчувствия оправдались. Михаил долго уклонялся от ответа, наконец признался, что такой профессор артиллерии, как Засядько, его вполне устраивает. Кениг же куда-то исчез из Полтавы. Засядько навел справки: оказалось, что «подполковник Кениг выбыл по болезни за границу». Не приходилось сомневаться, что по указу царской фамилии опального знатока артиллерийского дела убрали подальше.

Через несколько месяцев после начала занятий училище посетили Александр I, великий князь Михаил и граф Нессельроде. Тесные помещения и грязный двор не

порадовали высочайших особ. Через неделю Александр I вызвал к себе Засядько.

— Тесно у вас, Александр Дмитриевич! — перешел прямо к делу. — Тесно и грязно. С графом едва не приключился обморок — как раз между импровизированным туалетом и помойной ямой. При таком положении вам будет трудновато тягаться с Европой! У вас имеются какие-либо соображения на этот счет?

— Только одно, — ответил Засядько. — Давно думаю над ним. Частичные меры ничего не дадут. Нужно строить новое здание. Добротное, светлое, приспособленное для занятий.

— Смету сумеете составить? — спросил Александр.

— Конечно.

— Вот и хорошо. Другим не верю: обязательно урвут от казенного пирога.

— Необходимо еще здание для учебной артиллерийской бригады, — сказал Засядько, осмелев. — Лучше построить сразу, чем потом лепить пристройки.

— Верно, — согласился Александр, — пристройки портят вид. Что еще?

— Потребуются просторные конюшни, манеж... Когда представить смету?

— Как можно скорее!

По смете получилось четыреста сорок тысяч рублей. Деньги были громадные, и Засядько отправился к царю с некоторой тревогой: захочет ли утвердить подобные расходы.

Однако Александр I, против обыкновения, не переслал бумаги в финансовый отдел для пересмотра. Он верил генералу. Ни одному завистнику не удалось подкпататься под исключительную репутацию директора училища.

— Надеюсь, — сказал он, подписывая бумаги, — вы предусмотрели все, дотаций не потребуется.

— Не сомневайтесь, — заверил Засядько. — Все учел. Пересмотрел цены инженерного департамента за последние четыре года.

— И когда вы только успеваете?

— Что делать, нужно!

Совмещать должности директора училища, преподавателя артиллерии да еще следить за строительством нового здания оказалось нелегко, но все же возможно. Вскоре Александр I предложил Засядько взять на себя еще

руководство петербургской лабораторией пиротехники. Хотя времени было в обрез, но Засядько немедленно согласился. Вспомнил сарай, переоборудованный под лабораторию, в котором он ютился с Василием, а это была центральная, самая большая и самая богатая пиротехническая лаборатория в России, и ему предлагали быть в ней хозяином!

Засядько блестяще справился и с этой должностью. Тогда Александр I вынудил принять еще одну: Засядько стал директором первого в России Охтенского порохового завода, построенного еще Петром Великим.

А князь Михаил после одного из посещений училища велел принять еще командование артиллерийской бригадой и карабинерским полком.

— Понимаете, Александр Дмитриевич, — объяснил он, — везде полно бездельников, которые и свои прямые обязанности не желают выполнять. Кутежи, романы со светскими дамами, салонные интриги, дуэли из-за пустяков...

Засядько возразил:

— Сосредоточив в своих руках шесть наиболее ответственных должностей, смогу ли я в каждой быть полезен? Ведь здесь нужно по крайней мере шесть достойных руководителей и к каждому из них по несколько знающих дело заместителей!

— Помилуйте, где я возьму шесть достойных руководителей? Да вы и сами справляетесь превосходно. Под вашим руководством все обрело новую жизнь. И не лишне то обстоятельство, что и жалованье вы получаете в нескольких местах. Ведь и от него ничего не остается, не так ли?

Засядько недовольно пожал плечами. Великий князь лез не в свое дело, но обрывать его было неловко.

— Не жалуюсь, — ответил он коротко.

— А зря. Совершенно зря тратите собственные деньги на опыты с ракетами. В вашем распоряжении вся петербургская пиротехническая лаборатория! Не будьте слишком щепетильны. Это смешно, что такие советы подаю вам я, но вы, Александр Дмитриевич, слишком уж большой пуританин в вопросах чести. Никто вас не заподозрит в казнокрадстве, если даже весь штат лаборатории вы заставите делать ракеты. Ведь вы их конструируете не для себя, а для пользы отечества?

Михаил прошелся взад и вперед, потом вдруг сказал со смехом:

— Не знаю, как вас и уговорить принять еще одну должность... Александр просил вас взять на себя руководство Арсеналом.

Засядько ничего не ответил, только наклонил голову.

Он по-прежнему вставал в четыре часа утра, а ложился в двенадцать ночи. Однако, чтобы успевать справляться со всеми обязанностями, пришлось изменить режим. Сначала сократил утренние процедуры и индийскую гимнастику. В освободившееся время успевал просматривать иностранные журналы по математике, физике и химии. Затем пришлось отказаться от комплекса вечерней гимнастики, в это время он составлял краткий план работы на следующий день.

Засядько понимал, что делает непоправимую ошибку. Час-полтора физических упражнений заряжали его организм энергией и высокой работоспособностью вплоть до последней минуты перед сном. Полтора часа добавочного времени положения не спасут. Постепенно работоспособность организма будет падать, и он потеряет часы там, где сэкономил минуты.

«Это на время, — утешал он себя. — Пока запас сил велик. Продержусь на накопленной энергии, а там снова возьмусь за гимнастику, установлю контроль над телом».

В тот момент он твердо был убежден, что так и будет. Разделается с делами, снова начнет заниматься индийскими упражнениями, тело помолодеет и нальется силой... Он не предполагал, что обязанности его будут не уменьшаться, а расти и времени будет оставаться все меньше и меньше.

Субботними вечерами к нему приходили друзья. В большинстве это были офицеры, с которыми он подружился в русско-турецкую войну и кампанию 1812 года. Теперь, когда он перебрался в столицу, бывшие боевые соратники отыскивали старого товарища.

Одним из ближайших друзей стал Алябьев. Храбрый офицер, он, однако, уже тяготился службой в армии. Война окончилась, врагов изгнали из пределов отечества, теперь можно было бы полностью отдаться любимому творчеству — музыке. Однако казарменное существование глушило вдохновение.

— Сыграй что-нибудь, — попросил Засядько.

Алябьев, улыбаясь, подошел к роялю. Собравшиеся друзья многозначительно переглядывались. Алябьев уже предупредил их, что сумеет вышибить слезу из железно-

го генерала. Это было весьма рискованное заявление, ибо Засядько сдержанно относился к фортепьянной музыке.

Алябьев положил руки на клавиши. Прозвучали первые аккорды... И все увидели, как встрепенулся Засядько. Даже сделал шаг вперед, но опомнился и замер. Только лицо вдруг побледнело.

А комнату наполняла никогда ранее не слышанная мелодия. Призывная и одновременно печальная, словно говорила она о жизни храбрых и сильных людей, которые постоянно смотрят смерти в глаза и часто не возвращаются с поля брани...

За світ встали козаченьки
В похід з полуночі,
Заплакала дівчинонька
Свої ясні очі...

Все стояли молча. Внимательно вслушивались в слова незнакомого языка, однако музыка не знала языкового барьера. Перед слушателями словно бы проходили колонны легендарных спартанцев или овеянные славой римские легионы. Шли в бой против неисчислимых сил варваров, чтобы погибнуть на земле и воскреснуть в песнях и легендах...

Когда Алябьев опустил руки и наступила тишина, Засядько подошел к другу, обнял его за щуплые плечи. Глаза генерала были полны слез.

— Спасибо, дружище! Откуда это сокровище?

— Понравилось? — спросил Алябьев, нервно поправляя пенсне и оглядываясь на собравшихся.

— Где ты услышал эту вещь?

За композитора ответил другой участник войны 1812 года, Сергей Глинка:

— Можете поздравить Александра Александровича с завершением огромной работы. Он заканчивает подготовку к изданию сборника малороссийских песен. Насколько я знаю, это будет первое такое издание в России.

— Правда? — спросил Засядько.

— Правда, — ответил Алябьев смущенно. — Собственно, собрал песни Максимович, я только немножко обработал их и подготовил к изданию. Боюсь только, что будут хлопоты с разрешением к печати.

— Как будет называться сборник? — поинтересовался Засядько.

— «Голоса украинских песен».

— Обязательно приобрету.

В этот момент от двери раздался сильный звучный голос:

— И я тоже!

Все оглянулись. На пороге стоял крепко сложенный рослый мужчина лет сорока — сорока пяти. У него было красивое мужественное лицо воина. Правую щеку пересекал старый шрам.

Засядько поспешил навстречу другу, который посещал его в каждый свой приезд в Петербург.

— Знакомьтесь, друзья, — сказал Засядько, обращаясь к присутствующим, — мой старый друг, граф Огинский.

Огинский взглянул на гостей. Большинство из них знал, а о некоторых слышал. Ныне литераторы и композиторы, в 1812 году они, сражаясь против Наполеона, ратоборствовали и с польскими полками, шедшими под знаменами императора, который обещал Польше независимость. Жуковский воевал под Бородином, Батюшков ранен при Гельсберге, князя Вяземский и Шаховский служили в казаках, Глинка и Карамзин — в ополчении.

— Я зашел проститься, — сказал Огинский. — Еду во Флоренцию. На этот раз, видимо, надолго. Что-то разболелись старые раны, ночами не сплю...

Он оглянулся на открытое фортепьяно, помедлил.

— Ладно... Сыграю на память, никто еще не слышал в новой обработке. Видимо, это моя лучшая вещь...

Сел, взял первые аккорды. Слушатели затихли в почтительном молчании. Они знали графа Огинского, боевого соратника мятежного генерала Костюшко, активного участника восстания против России, бывшего депутата знаменитого четырехлетнего сейма. Многим этот политический деятель был известен и как композитор, автор военно-патриотических песен и маршей.

Засядько слушал мелодию с противоречивыми чувствами. Он узнал, сразу же узнал ее... Дважды слышал ранее: в битве при Требии, когда под ударом 1-го польского легиона полегло два русских полка. Положение тогда спас Суворов... И еще раз, когда 2-й польский легион под командованием генерала Домбровского предпринял отчаянную попытку отбить крепость Мантую... Это было давно, очень давно, но и теперь, когда он иногда вспоминает, половина кабинета растворяется в зыбком мареве, там начинает клубиться дым, нещадно палит жгучее итальянское солнце, слышится страшный орудийный грохот, и,

перекрывая шум боя, накатывается хриплое и мощное: «Jeszcze Polska nie zginie!...»

Когда Огинский кончил играть, Засядько сказал негромко:

— Михаил, тогда это была боевая песня, теперь — гимн. Уже ради этого стоило жить.

Огинский, однако, не выказал особой радости, мысли его были уже далеко, и раны давали себя знать.

— Пора мне, ты уж прости. Внизу ждет карета, я ведь к тебе на минутку... Может быть, больше не увидимся.

Когда Засядько, проводив графа, вернулся, в комнате кипели страсти. Тон задавали братья Глинки: Сергей и Федор. Придерживаясь разных взглядов, — один издавал журнал «Русский вестник», где выступал с монархических позиций, другой был сторонником якобинства, — сейчас оба удивительным образом сошлись на ненависти к французам.

— Вам факты? — кричал кому-то Сергей. — Пожалуйста! Генерал Кутайсов, смертельно раненный под Бородином, последние слова произносит по-французски. Переписка, в которой Ростопчин и Воронцов изливают желчь против французов, ведется на французском языке. На триумфальной арке, воздвигнутой в Царском Селе в честь побед Александра — русского царя! — над Францией, красуется сделанная по-французски надпись: «Мои товарищам по оружию»...

Он набрал в грудь воздуха, собираясь выпалить новую тираду, но моментом воспользовался его брат Федор, которому тоже было что сказать:

— Француз герцог де Ришелье становится наместником императора на юге и вместе с другими французами — графом де Ланжероном, маркизом де Траверсе, графом де Мазоном, инженером Базеном и другими — основывает город Одессу, развивает ее торговлю с Марселем, заканчивает постройку портов и крепостей в Херсоне, Кипбурне, Севастополе, создает школы и театры, ставит аббата Николая во главе своего лицея в Одессе...

— Простите, Федор Николаевич, — прервал Засядько, — вы восхваляете или порицаете герцога? Разве не достойны уважения его заслуги перед Россией?

— Достойны, — ответил Федор яростно. — Но на кой черт нам французы? Или мы сами не можем строить

города? Прямо помешались на французском! Я бы сажал в тюрьму всякого, кто заговорит не по-русски!

Засядько с неудовольствием покачал головой: — Если сказано умно, то не все ли равно, на каком языке?

— Не все равно, — упорствовал Глинка. — Слишком мы уступаем позиции всему французскому. Нет у нас национальной гордости.

Засядько в ответ стал загибать пальцы:

— Крылов в своих комедиях «Урок дочкам» и «Модная давка» зло высмеивает галломанов, Озеров ставит на сцене «Дмитрия Донского», под татарами, иго которых сокрушил Донской, подразумевает французов. Крюковский в своей трагедии «Пожарский» имеет в виду 1812 год. Жуковский пишет «Песнь барда над гробом славян-победителей» и «Певец в стане русских воинов». Карамзин в записке «О древней и новой России» дает настоящий антифранцузский манифест. Кропотков в «Надгробном слове моей собаке Балака» поздравляет пса с тем, что тот никогда не читал Вольтера...

Он разжал загнутые пальцы и поклонился в сторону плотного человека в партикулярном платье, который наблюдал за их спором.

— Николай Иванович в своем журнале «Сын отечества» проповедовал священную войну против Наполеона и всего французского...

— И сейчас проповедую, — согласился Греч. — Я против всего, что не является русским.

За его спиной поднялся загорелый человек в форме морского офицера, вопросительно взглянул на Засядько:

— Может быть, мне лучше уйти, Александр Дмитриевич?

— Подождите, Отто Евстафьевич, — остановил его Засядько. — Я полагаю, что Николай Иванович разъяснит свои взгляды или извинится...

Греч всплеснул руками:

— Помилуйте, я вовсе не имел вас в виду, когда говорил об иностранцах! Господи, да всякий знает, что ваш руководитель Крузенштерн — первый русский мореплаватель, совершивший кругосветную экспедицию. Повторяю: русский. И вы, Коцебу, уже вошли в анналы морской истории как русский мореплаватель! Так что, пожалуйста, не принимайте на свой счет мои выпады... А если вам и показалось, что я задел вас, покорно прошу

извинить. Всею виной мой несносный характер: вечно перегибаю палку!

Засядько подошел к окну, отдернул штору. Солнце выглянуло из-за туч, обласкало город золотыми лучами. Насупившиеся спорщики невольно залюбовались панорамой Санкт-Петербурга, этой Северной Пальмиры. Все поняли, на что хотел указать генерал. Город строился, но строился опять же при участии французов и итальянцев. Монферран принялся за постройку величественного, роскошного Исаакиевского собора, Тома де Томон строил здание Биржи, Росси — новый Михайловский замок...

— Учиться не зазорно тому, чему стоит учиться, — нарушил молчание Засядько. И, оглядев смущенных друзей, неожиданно предложил: — Лучше потешьте меня стихами! Ведь вы почти все стали писателями, поэтами и музыкантами. Один я никак не вырвусь из стихий огня и железа...

ФЕЙЕРВЕРК ИЗОБРЕТЕНИЙ

Это было немыслимо, но он справлялся со всеми должностями. И справлялся блестяще. К тому же он урывал время и для учебной бригады. Учредил специальные классы ракетчиков и частенько гонял учащихся на практические занятия, приводя в ужас служителей полигона.

Его бригада состояла из двух батарейных и одной легкой роты. Первые были из вольноопределяющихся, лишь во второй служили кантонисты. С вольноопределяющимися работать было легко, они охотно занимались новым делом. Засядько писал Александру I: «В бригаде во всех ротах давно уже учреждены классы и все идет довольно хорошо». Михаил в свою очередь требовал письменных донесений. И так до предела загруженный работой, Засядько скрепя сердце садился писать ничего не значащие бумаги: «Государь император удостоил сказать мне, что я подарил его ротю. Я в первый раз ее вижу, он изволил сказать, люди хорошо поставлены, хорошо обучены, маршируют и равняются очень хорошо. Я доволен».

Однажды пришлось срочно ехать на Охтенский пороховой завод, откуда прислали недоброкачественный порох. Нужно было двести пудов добротного мушкетного, а прислали низкосортный, от которого ракеты еще в

активной фазе полета начинали отчаянно дымить и сбиваться с курса.

Засядько вошел в ворота, где его никто не остановил, и сразу направился к складу. Территория завода была захламлена, повсюду валялись остатки деревянных ящиков, ржавые обручи, куски полусгнивших веревок. Посреди двора грызлась целая свора худых облезлых собак.

— Ну и порядки, — пробурчал Засядько.

Из главного здания выскочил коротенький человечек в вицмундире и поспешно покатился навстречу директору. Это был управляющий по коммерческим вопросам Таймер.

Засядько молча поманил его пальцем и повел к складу.

— Скажите, Александр Витальевич, что это такое?

Таймер похолодел от зловещего голоса. Он смертельно боялся грозного генерала. Не знаешь, как и подступиться.

— Эт-т-то склад, — пролепетал он.

В ветхом сарае с прохудившейся крышей было свалено около ста мешков с порохом. Соседний сарай, где хранилась сера и селитра, был в еще более плачевном состоянии.

— Я ведь выделял деньги на ремонт, — произнес Засядько негромко. — Где они?

Он в упор посмотрел на управляющего, у которого кровь отхлынула от лица.

— Чтобы завтра к вечеру были новые склады! Если произошла порча пороха — убытки за ваш счет!

Он круто повернулся и пошел в цех. Управляющий остался на месте. Колени его мелко-мелко дрожали. Он был счастлив, что грозный генерал удалился. В этот момент он был готов собственноручно ремонтировать крыши и стены складов, только бы не попадаться под испепеляющий взгляд директора завода.

Засядько, пригнувшись, шагнул в темное и низкое помещение порохового цеха. «Ох и будет мне, — успел подумать Таймер, — и там отыщет непорядки...» В это время в цехе грянул взрыв.

Побелевший от ужаса управляющий увидел, как из окон и дверей вылетели клубы огня и дыма. Оконные рамы и сорванная с петель дверь пролетели в воздухе и тяжело грохнули посреди двора.

Опомнившись, управляющий бросился к горящему зданию цеха. За ним побежали рабочие и оказавшиеся поблизости инженеры. «Может быть, сгинул проклятый тролль», — подумал управляющий со странным чувством облегчения.

В этот момент из дымящегося ада шагнул человек гигантского роста. Он нес на руках окровавленного рабочего. Генеральский мундир на Засядько горел, лицо было черным от копоти.

Управляющий застонал от разочарования. Засядько молча положил рабочего на землю, зажмурился под струями воды: набежавшие рабочие окатывали его водой из ведер. Мундир еще дымился, на руках вздулись пузыри от ожогов.

— Часто так? — спросил Засядько.

— Что? — переспросил управляющий, вздрогнув.

Засядько кивнул на цех. Огонь уже погас: в каменном здании гореть было нечему, однако оттуда все выносили и выносили покалеченных рабочих.

— Да, — ответил управляющий. Он был бледен как смерть. — Бог карает нас за грехи... Но умоляю вас! Я ни при чем! Взрывы при производстве пороха случаются не только у нас. Во Франции, Англии, Пруссии...

Один из инженеров, сочувственно смотревший на обожженного генерала, сказал несмело:

— Ваше высокопревосходительство, мы в самом деле ни при чем. Такова технология производства пороха. Убедитесь сами — нарушений не было!

— Технология... — сказал Засядько горько... — В ступке... Варварство...

Он повернулся и медленно пошел к выходу. Невыносимо болело обожженное тело. Усилием воли он приглушил боль, ибо она отвлекала его от нахлынувших мыслей. Взрывы... В ступке... Технология... Варварство...

К вечеру он представил Михаилу «машину для предотвращения взрывов», как он назвал ее. На следующий день имел возможность сообщить великому князю: «На устройство пороховой мельницы я согласил наконец Кларка».

Это и была знаменитая пороховая мельница, положившая конец взрывам в цехах и значительно облегчившая труд рабочих. Был механизирован самый сложный и самый опасный участок работы.

Как-то один из помощников Засядько, капитан Внуков, принялся, загибая пальцы, подсчитывать:

— Александр Дмитриевич до обеда директор Артиллерийского училища, после обеда — подрядчик...

— А вечером — начальник Арсенала, — поддержал его Греч.

Внуков продолжал загибать пальцы:

— Ночью — генерал учебной бригады...

— А утром — ракетчик и изобретатель, — сказал Греч. — Александр Дмитриевич, когда вы все это успеваете? На такие труды требуется по меньшей мере двадцать шесть часов в сутки!

— Встаю на пару часов раньше, — отшутился Засядько.

В это утро все обещало быть прекрасным. Новое светлое здание училища вот-вот закончат, налицо экономия денег и материалов. Их можно употребить с пользой для училища. Артиллеристы успешно овладевают искусством составления пороховых смесей. Скоро появятся укомплектованные кадры ракетчиков...

Засядько замер, прислушиваясь. Издали донесся тревожный звон колокола. Почти сразу же зазвонили на других колокольнях.

— Пожар!

Засядько выскочил на веранду. Друзья побежали следом. В северной части города вздымались клубы дыма. Пламени пока не было видно, однако, судя по переполоху, пожар обещал разгореться не на шутку.

— Пиротехническая лаборатория! — ахнул Внуков.

Засядько мгновенно оценил ситуацию. Лаборатория сама по себе бесценная вещь, но если пожар перебросится на склад со снарядами и боевыми ракетами, трудно даже представить последствия...

— Коня! — закричал он.

Внизу забегали конюхи. Один сломя голову бросился к веранде, держа на поводу жеребца. Засядько вскочил на перила и прыгнул вниз. Кто-то испуганно ахнул, когда конь упал на колени под тяжестью всадника. Однако Засядько тут же поводьями поднял коня и с места погнал в галоп.

Конюхи замешкались открыть ворота, и Засядько направил коня через забор. Жеребец успешно взял препятствие. Засядько пришпорил его и как ураган понесся по улочке, которая уже начала заполняться народом. При

виде всадника, скачущего на хромающем жеребце, прохожие бросались врассыпную, прижимались к заборам, испуганно крестились.

Лишь добравшись к месту пожара, Засядько перевел дух. Пока непосредственной опасности не было. Горел соседний с пиротехнической лабораторией жилой дом. Жильцы кричали и суетились; громко плакала, причитая, толстая женщина в дюжине юбок, по виду типичная купчиха, зеваки радовались неожиданному развлечению.

Вдруг Засядько ощутил, что ветер меняется. Искры закружились в накалившем воздухе, опускаясь на большой сарай из толстых просмоленных досок. В толпе сразу же начали беспечно заключать пари: загорится или не загорится сарай? Один Засядько знал, что в сарае сложены снаряды, ракеты и мешки с порохом...

Он прыгнул с коня и бросился через толпу.

— Что же вы стоите?! Ждете пожарных?

В толпе засмеялись. Все знали, с какой скоростью начинают собираться петербургские пожарные.

— В этом сарае сорок мешков с порохом! — крикнул Засядько.

Это подействовало, хотя и не так, как он рассчитывал. Гудящая, как рой, толпа мгновенно исчезла, осталось несколько подвыпивших любопытных парней. Они обалдело уставились на разъяренного генерала, который голыми руками принялся ломать и разбрасывать дощатый забор, соединявший сарай с горящим домом.

— Уносите эти доски к чертовой матери! — скомандовал Засядько.

Парни с готовностью принялись помогать. Такой генерал им нравился, да и работа веселая: ведь ломать — не строить...

Из переулка послышался приближающийся топот. На взмыленных лошадях выскочили Внуков и Греч.

— Александр Дмитриевич!

— Помогайте! — скомандовал Засядько.

Друзья бросились на борьбу с пожаром. Двоих из помогающих парней Засядько послал в ближайшие дома за ведрами. Вскоре удалось наладить цепочку от ближайшего колодца. Греч сидел на крыше сарая и лил воду под ноги. Искры летели ему на спину, и он ерзал, по-цыгански дергая плечами и хлопая по коленям, где уже начинали тлеть брюки. Засядько велел ему вылить на себя ведро воды.

Постепенно площадь перед лабораторией опять начала заполняться народом. На этот раз все держались вдалеке: слухи о сорока мешках пороха распространились со скоростью ветра. Много было карет и открытых колясок.

— Развлекаться приехали, — проворчал Внуков недоброжелательно.

— Не обращай внимания, — посоветовал Засядько.

Он послал несколько человек с ведрами в горящий дом. Арсеналу и лаборатории уже ничего не угрожало, можно было позаботиться и о купчихином добре. А то дождется пожарных, когда и угли погаснут!

Внуков пристально всмотрелся в одну из карет и сказал Засядько иронически:

— Ай-яй-яй, Александр Дмитриевич! Вы советуете не обращать внимания на государя императора?

В самом деле, в одной из карет сидел сам Александр I. По мере того как и другие узнавали карету императора, в толпе пробуждалось рвение. Многие изъявили желание тушить пожар и бестолково толпились возле дома, делая вид, что спасают отечество. Но, увы, пожар был уже потушен...

Засядько вместе с Внуковым и Гречем отошел в сторону почиститься от сажи и копоти. Товарищи выглядели не лучше. Греч походил на черта из преисподней: весь в саже, только глаза и зубы блестели. Внуков безуспешно пытался натянуть на плечи лоскутья расплзающейся рубашки.

К ним подбежал молоденький щеголеватый офицер. По контрасту с тремя закопченными фигурами, похожими не то на рудокопов, не то на трубочистов, он выглядел особенно румяным и чистеньким. Засядько узнал князя Волконского.

— Александр Дмитриевич! Государь император изъясляет вам монаршее благоволение...

— Тронут, — ответил Засядько хрипло.

— ...и предлагает избрать для лаборатории более безопасное место.

— За городом? — спросил Засядько, сразу же сообразив, о чем речь.

— Да. Обязательно. Необходимые средства выделяют немедленно.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло... — пробормотал сзади Внуков.

— А как насчет Арсенала? — спросил Засядько. Он решил ковать железо, пока горячо. — Его тоже нельзя оставлять в окружении жилых домов.

— Я доложу государю императору, — поспешно ответил Волконский. — Да вы и сами сможете внести проект, как только... приведете себя в надлежащий вид. Дело в том, что с государем в карете находятся великие княжны Анна и Мария, и он не может пригласить вас немедленно...

Засядько с усмешкой взглянул на себя и товарищей. Трое разбойников с большой дороги. Какая там карета!

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», — повторял он слова помощника, когда ездил в поисках подходящего места для Арсенала. Он хотел найти не просто безопасную для города, но и благоприятную во всех отношениях местность для будущего сооружения. И построить не деревянную временку, как было до сих пор, а добротную каменную крепость, оснащенную по последнему слову военной техники.

Такое место удалось выбрать вверх по Неве, напротив мануфактурной фабрики. Засядько быстро воссоздал в уме громаду Арсенала, вписал в окружающий пейзаж и остался доволен. Его новое детище будет смотреться отлично. Не стыдно показать и зарубежным гостям.

Утром к нему заскочил Внуков. Увидев, какой тщательный план генерал начертил за ночь, сказал с неудовольствием:

— Александр Дмитриевич, мало вам хлопот со старыми постройками? А как же артиллерийская бригада? За нею нужен постоянный глаз. А пороховой завод? И там без вас пальцем не пошевелят. А когда заниматься ракетным делом?..

— Эх, дружище, — отозвался Засядько, не отрываясь от циркуля и счетной линейки, — многое ты перечислил, но это лишь малая часть... Все бросил бы я ради ракетного дела. Это тот невзрачный птенчик, из которого выведется сказочная птица Симург... Но пока приходится делать шаг в сторону. Обязан! Хорошо вижу завтрашний день российской артиллерии. Поэтому придется возглавить и это заведение, самому составить программы на многие годы вперед. Да и кто лучше меня знает, что нужно артиллеристам в будущем? Лишь потому и

взвалил на плечи новую ношу. Ясно? Теперь артиллерийское дело Российской империи целиком и полностью в моих руках. Начиная от производства пороха и кончая поставкой в армию готовых орудий. Да и артиллеристов готовлю сам...

— А надо ли это вам?..

— Надо, — ответил Засядько твердо.

Между делами он изобрел калиброммер и особый лафет для пушек, специально предназначенных для обороны крепостей. Об этом его попросил великий князь Николай, будущий император России.

Очень много приходилось работать и с орудиями, которые отливали в глиняных опоках и в земляных формах, чтобы определить изменения в металле. Папки с описаниями многочисленных опытов занимали в его библиотеке несколько полок. Особенно трудоемкой и неблагоприятной была работа по переливке старых орудий, когда потребовалось узнать, сколько раз можно совершать эту операцию, сохраняя требуемую крепость металла.

В эти же дни он успел изобрести «маленькую переносную машинку для передвижения орудий самого большого калибра». Потомки назовут ее домкратом и оценят по достоинству, но сам изобретатель смастерил ее между делом для рабочих-литейщиков, чтобы хоть немного облегчить их тяжелый труд.

Друзья удивлялись неиссякаемой энергии генерала, который буквально ошеломил их фейерверком изобретений, будучи поглощен совсем другими делами.

Педантичный Внуков однажды выписал на бумажку должности, которые Засядько занимал в данный момент:

«Директор Артиллерийского училища, профессор, преподаватель артиллерии, директор петербургской пиротехнической лаборатории, директор Охтенского порохового завода, директор петербургского Арсенала, командир учебной артиллерийской бригады, смотритель карабинерского полка.

Кроме того, по Вашим проектам и под Вашим руководством строятся новые здания Артиллерийского училища, пиротехнической лаборатории и Арсенала. К тому же Вы делаете открытия и изобретения, которые не идут на ум и более свободным людям. Признайтесь, Александр Дмитриевич, либо Вы продали душу врагу рода человеческого, либо умеете раздваиваться. Правда, тут и

раздвоение не поможет. Вы наверняка один в десяти лицах?»

Но и при такой загруженности Засядько ухитрился выкраивать время, чтобы просматривать новинки литературы. Он выработал привычку скорочтения, и друзья часто удивлялись его феноменальной способности: генерал читал с такой же скоростью, с какой человек перелистывает страницы.

Однажды Внуков застал Засядько, углубившегося в «Литературные листки». На приветствие помощника генерал лишь небрежно кивнул головой, не отрываясь от чтения.

— Беллетристика? — спросил Внуков скептически.

— Да, но какая! — ответил Засядько рассеянно. — Любопытнейшая повесть... Тут есть и воздушные дилижансы, и машины для делания стихов, и воздушные десанты..

— Чуть какая-то, — отозвался Внуков неодобрительно. — Услыхали бы господин Кукольник или господин Пушкин про машину для делания стихов! Затравили бы автора эпиграммами.

— Нет, ты послушай, — оборвал помощника Засядько и стал читать вслух: — «Правда, что в физических законах мы гораздо выше древних, и если науки будут продолжаться беспрерывно в таком же множестве и с таким же рвением, то любопытно знать, что будет с родом человеческим через тысячу лет». Каково?

Внуков пожал плечами.

— Ничего не будет. Все останется по-прежнему. А почему что-то должно измениться?

— Эх, ты... В мир пришла наука, и автор это хорошо понимает. А это силища, которая будет расти год от года. Послушай еще отрывок. Герои перенеслись в будущее на тысячу лет, и им объясняют: «От того, что наши предки без всякой предусмотрительности истребляли леса и не радели о воспитании и сохранении деревьев, они наконец сделались редкостью и драгоценностью!» Кстати, в этом будущем даже монеты чеканят не из золота и серебра, которого много, а «из дубового, соснового и березового дерева».

— Впрямь чуть! — воскликнул Внуков. — Да у нас лесов-лесов... Господи! Да их хоть миллион лет руби да жги, все равно еще больше останется. О каком сохранении деревьев может быть речь?

— Гм... А вот послушай еще... «Все, что вы здесь видите на столе... есть произведение моря. По чрезвычайному народонаселению на земном шаре и по истреблению лесов все почти животные и птицы, которые прежде в таком множестве употреблялись в пищу, перевелись. Но зато море представляет нам неисчерпаемый магазин для продовольствия. После изобретения подводных судов и усовершенствования водолазного искусства дно морское есть плодоносная паша, посеянная несчетным множеством питательных растений, а воды снабжают нас в изобилии рыбами, водоземными животными и раковинами».

Возмущенный Внуков поднялся. Подводные суда! Дно морское — плодоносная паша! Чрезвычайное народонаселение на земном шаре! Господи, и эту чушь пишет здравомыслящий человек. Да в своем ли он уме?

Засядько перелистал страницы, отыскал заглавие. Это была повесть «Правдоподобные небылицы, или Страствование по свету в двадцать девятом веке». Автор Фаддей Булгарин.

— В двадцать девятом веке, — сказал Засядько довольно. — Ишь ты! Далеко заглядывает. Путешествие во времени, воздушный транспорт...

— Это приятель Греча, который у вас часто бывает, — сказал Внуков недружелюбно. — Он сотрудничает в рылеевской «Полярной звезде» и дружит с Грибоедовым. Намекните кому-нибудь из них, пусть захватят с собой и Булгарина.

— А что, — сказал Засядько, оживившись, — буду рад познакомиться с автором, который пытается заглянуть в будущее.

СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

— Крепостные, — сказал Булгарин, глядя в окно на марширующих во дворе солдат. — В Европе их называют рабами. Так и говорят: рабство в Америке и в России. Злые языки, верно?

Он обернулся, испытующе посмотрел на Засядько. Тот немного помедлил, потом, решившись, поднял глаза и скрестил взгляд с издателем журнала.

— Не будем играть в прятки. Знаю, почему спрашиваете. Тайное «Южное общество», верно?

Булгарин смутился. Видно было, что колеблется. Наконец спросил уклончиво:

— И как вы находите этих молодых офицеров? Горячие головы...

— Горячие. Вы связываете с ними какие-то надежды? Возможно, отделение Польши? Могу порадовать, это предусмотрено.

Булгарин встрепнулся:

— Откуда вы знаете?

Некрасивое лицо его пошло пятнами, он разволновался, шагнул к генералу.

— В мои руки, — ответил Засядько невозмутимо, — попал только что принятый ими документ, естественно, случайно, в котором намечено отделение Польши и предоставление ей тех же свобод, которые будут введены в России. Так что я могу поздравить вас как поляка. Ведь вы польский шляхтич? — Засядько какое-то мгновение подумал и добавил: — Этих принципов придерживается «Южное общество», созданное на Украине. Оно гораздо более демократичное, чем «Северное». Те вообще собираются сохранить монархию. Так что, дорогой мой, никаких особенных надежд я не связываю с этими молодыми офицерами. В чем-то будет лучше, если им еще повезет, а в чем-то, возможно, хуже...

— Вы пессимист, Александр Дмитриевич. А по мне хоть монархия, хоть республика, хоть черти с рогами — лишь бы Польша была свободна! Премного благодарен вам, Александр Дмитриевич, за утешительную новость. Теперь ночь спать не придется, в облаках витать буду.

— Только и остается, что витать в облаках, — заметил Засядько горько. — Не очень верю в успех. Слишком много среди этих заговорщиков... поэтов. Спорят и пишут бумаги, когда нужно действовать. Не секрет, что еще в тысяча восемьсот шестнадцатом году они основали «Союз спасения», который просуществовал два года, а потом переродился в «Союз благоденствия». Еще через год перестроился в две организации: «Южное общество» и «Северное общество». И вот уже который год болтают, пишут бумаги, спорят...

— Откуда вы все знаете? — ужаснулся Булгарин.

— «Южное общество» находится в Малороссии, па моей родине. Как раз во 2-й армии, генералом которой я являюсь. Там я проходил службу, там остались мои помощники, туда я должен явиться в случае объявления

войны. Мне известен каждый шаг в моей армии... А вот откуда вы знаете?

Булгарин в замешательстве опустил голову.

— Можете не сочинять ответ, — сказал Засядько спокойно. — Я знаю, что ваши лучшие друзья — Рылеев, Грибоедов и прочие заговорщики. Они печатаются в вашем журнале, вы сотрудничаете в «Полярной звезде». Читал. Но не слишком ли много людей знает об их собраниях? К тому же постоянные споры, разногласия, раскол... Чудо, что еще всех не выловили!

— Вы не собираетесь примкнуть? — спросил Булгарин осторожно.

— Нет! — ответил Засядько резко. — Ни в коем случае. У них свои заботы, у меня свои...

Через несколько минут, когда Булгарин взглянул на часы и стал поспешно прощаться, Засядько будто между прочим заметил:

— Под моим началом — артиллерийская бригада и карабинерский полк. За мной они пойдут в огонь и воду.

Он многозначительно посмотрел на посветлевшее лицо Булгарина и добавил строго:

— Но это я так, к слову. Для осведомленности.

Александр I утвердил план и смету строительства нового здания Арсенала, а также расходы по перенесению лаборатории в безопасное место. Друзья предлагали Засядько добиться, чтобы место старой лаборатории оставили лично для него, и уже подсчитали, какой доход оно бы ему принесло, но генерал составил план по строительству лагеря для своих воспитанников с разведением при нем хорошего сада. «Это полезно для здоровья юнкеров, и вместе с тем лагерь будет близ самого училища», — решил он.

Наконец Арсенал был построен, и все необходимое разместили там в должном порядке. Александр I, посетив Арсенал, пришел в восторг, императрица Мария Федоровна, как об этом в тот же вечер писали газеты в разделе светской хроники, «с материнской заботливостью входила в разные подробности... осталась чрезвычайно довольна и со свойственной ей милостью изволила изъять свое удовольствие генералу Засядько».

Великая княгиня Мария Павловна после обозрения Арсенала, как сообщила через неделю та же светская хроника, изволила сказать: «Это не Арсенал, а магазин галантерейных вещей». Засядько долго прикидывал: похвала это или оскорбление? Видимо, все-таки великая княгиня решила, что подобное сравнение делает честь Арсеналу.

Однажды в один из напряженнейших дней к Засядько подбежал взволнованный полковник Крюгер, его помощник:

— Александр Дмитриевич, гости! Его императорское величество со свитой!

— Знаю, — ответил Засядько, взглянув на часы. — Предупреждали заранее...

— Что ж вы не сказали? — не удержался Крюгер. — Мы бы подготовились.

Засядько взглянул на него холодно:

— Ковры постлали бы? Или посыпали песочком дорожки?

Крюгер поспешил исчезнуть. Засядько неторопливо пошел навстречу подъехавшим каретам. Наметанным глазом отметил несколько иностранцев. Такие делегации были ему не в диковинку. Осмотреть Арсенал приезжали иностранные принцы, военные советники союзных держав, послы дружественных стран. Обычно их сопровождал либо сам император, либо кто-нибудь из его братьев.

— Александр Дмитриевич, — спросил осторожно появившийся за спиной Крюгер, — может, вы переоделись бы?

— Уже не успею, — ответил Засядько беззаботно.

Он был в простой холщовой рубашке, изрядно потертой на локтях. На боку желтело большое пятно от кислот.

С Александром I прибыла большая свита. Императрица Мария Федоровна, великая княгиня Мария Павловна, великий князь Михаил Павлович, великий князь Николай Павлович... Все великие и все самые знатные...

Царь милостиво кивнул Засядько, а великий князь Михаил вскинул руку в приветственном жесте и пошел ему навстречу.

Когда они обменивались рукопожатием, к ним приблизился еще один человек в одежде английского покроя. Засядько узнал фельдмаршала Веллингтона, портреты

которого встречал в газетах после битвы под Ватерлоо довольно часто.

— Здравствуйте, генерал, — сказал Веллингтон, протягивая руку. — Нам нет нужды представляться. Участники войн с узурпатором долго еще будут узнавать друг друга по незаметным для других приметам!

Засядько пожал руку герцогу, которому еще довелось командовать английскими войсками при завоевании ряда княжеств в Индии — сказочной стране, где ему так и не удалось побывать.

— Я уж подумал, не сам ли это Петр Великий, — говорил между тем Веллингтон. — Кстати, в Англии на расхват продавались газеты с описанием Итальянского похода русской армии. Тогда у нас впервые прочли о вашем подвиге при взятии Мантуй. Вас тогда не отметили наградой? Странно... Потом ваше имя нередко упоминалось в военной хронике... Скажите, а эта простонародная рубашка вам не мешает?

Засядько понравилось, что фельдмаршал произнес последнюю фразу без нарочитой брезгливости.

— Почему она должна мешать? Очень удобна для работы.

— Разумеется, — согласился Веллингтон. — Но разве вам не приходится ежеминутно доказывать целесообразность такой одежды?

Засядько рассмеялся. Веллингтон ему нравился.

— Не обращаю внимания. Петр тоже любил простую одежду, когда работал.

— У Петра были великие замыслы, — возразил герцог, — он мог не обращать внимания на мелочи.

— У меня тоже замыслы, — ответил Засядько шутливо.

Однако Веллингтон не рассмеялся. Внимательно всматривался в загорелое лицо генерала. Он знал, что этого молодого генерала называли специалистом по ракетам — повому и еще не изученному виду оружия. Кто знает... Ракеты — темная лошадка. Может быть, ничего в них нет, а может — колоссальное будущее. Нужно иметь мозг гения, чтобы, глядя на яйцо, видеть в нем парящую птицу.

— Если ваше дело удастся, — сказал Веллингтон, — то ваша слава затмит славу ныне живущих. Так уж повелось, что при жизни смотрят на родословную, а после смерти оценивают дела. Уже сейчас имена механиков

Уатта и Фултона гремят на американском континенте, да и у нас в Британии они известны больше иных принцев крови!

21 августа 1821 года генералу Засядько была объявлена высочайшая благодарность за воинскую выучку учебного карабинерского полка, которым он заведовал. 24 декабря за превосходные знания воспитанников директор Артиллерийского училища Александр Дмитриевич Засядько был награжден орденом св. Анны 1-й степени. В апреле 1822 года изобретатель Засядько был пожалован землей в Саратовской губернии, которая моментально ушла на уплату долгов, ибо опыты с ракетами производились на собственные средства. 8 ноября директору, управляющему, начальнику и т. д. Засядько был объявлен приказ генерал-фельдцейхмейстера: «Осматривая 2 и 4 числа сего месяца Артиллерийское училище, учебную артиллерийскую бригаду и с.-петербургский Арсенал, к совершенному моему удовольствию я нашел во всех частях везде превосходный успех, отличный порядок, устройство и опрятность. Столь блистательное состояние я отношу единственно к особому усердию и попечению начальника сих частей, генерал-майора Засядько, будучи всегда признательным к его неутомимым трудам, на пользу службы обрацаемым, от действия коих все части более и более получают усовершенствования. Учебная артиллерийская бригада доведена до такого совершенства, отличного состояния по выправке людей, знанию всего дела, ловкости в ходьбе и обмундировании, что может похвастаться примерною и образцовою во всех отношениях. Я приятнейшим долгом себе поставляю изъяснить генерал-майору Засядько совершеннейшую мою благодарность и признательность, находя в нем истинного себе помощника».

Профессор Засядько был награжден орденом святого Владимира 2-й степени. И лишь ракетчика Засядько никто не отметил и не наградил. А именно в это время он значительно увеличил дальность своего детища и усовершенствовал шестиствольную ракетную установку. Но самое главное — наконец-то детально разработал теорию ракетной тяги. Теперь мог точно сказать, сколько требуется пороха, чтобы запустить, к примеру, ракету из Петербурга в Москву или даже на Луну. Правда, порох

в этом случае будет далеко не лучшим топливом. Гораздо перспективнее окажется нефть. Вернее, ее некоторые фракции...

В один из дней перед отъездом на юг к Засядько зашел попрощаться Александр I. Выглядел он очень плохо, лицо было желтым и одутловатым, руки дрожали. А через два месяца из Таганрога пришло сообщение, что царь 1 декабря умер от лихорадки.

У Засядько собрались возбужденные товарищи. Все строили догадки, кто же будет императором. По праву престолонаследования императором должен стать великий князь Константин, но все помнили его гордый отказ от царского трона, когда он узнал, каким образом старший брат завладел им. Правда, за это время много воды утекло. Константин давно мог переменить решение.

— Императором будет Константин, — заявлял Алябьев решительно. — Царская корона — слишком большая приманка!

— Константин и так уже генералиссимус, — возражал ему Внуков. — Это звание потруднее заработать, чем корону. Императоров много, а генералиссимусов раз-два и обчелся. К тому же Константин развелся с саксен-кобургской принцессой и вступил вmorganaticкий брак с полькой Иоанной Грудзинской. Чтобы стать императором, он должен бросить польку. Константин на это щекотливое дело не пойдет: ради польки он не только от короны, но и от других благ откажется...

Постепенно страсти утихли и спорщики умолкли.

— Императором будет Николай, — сказал Засядько. — Константина знаю хорошо. Он резок, груб, недостаточно умен, но честен и упрям. Если отказался от императорского престола, то слово сдержит.

— Только бы не Николай, — простонал кто-то в ужасе. — У него лучший друг — Аракчеев!

Последующие дни были полны противоречивых событий. Константин, бывший в то время в Польше, узнав о смерти Александра, 8 декабря написал Николаю письмо, заверяя в своем повиновении и верности, и поручил Михайлу срочно отвезти его в Петербург. Николай же сам принес присягу Константину и требовал принесения присяги от других. Тем временем собрался Государственный совет, и был прочитан акт о престолонаследовании, в котором Константин отказывался от престола в пользу Николая. Николай выслушал и заупрямился.

Это было совершенно необычное для России положение. Предыдущий век ознаменовался периодом жестокой борьбы за трон, государственными переворотами, царевубийствами. А теперь между братьями происходило как бы соревнование в отказе от трона.

Михаил прибыл в Петербург 14 декабря и привез категорический отказ Константина от престола. Николай потерял еще десять дней на отправку писем Константину, в которых уговаривал того приехать и принять корону. А между тем полиция сообщала о многочисленных собраниях офицеров. Военный губернатор города Милорадович отвечал пренебрежительно: «Оставьте этих шалунов в покое и не мешайте им читать друг другу их плохие стихи».

— Чего они медлят? — недоумевал Засядько. — Мне донесли, что вчера, 24 декабря, Николай получил от командующего южной армией самые подробнейшие сведения об организации тайных обществ и их программах. Дорога каждая минута.

Товарищи смущенно разводили руками.

Прождав еще день, Засядько уехал на Охтенский завод.

Дел хватало, и он провозился с ними до поздней ночи. А когда возвращался по Неве, увидел, что произошло непоправимое. Берег, обращенный к Сенатской площади, был залит кровью. Отряды полицейских волокли трупы солдат и сбрасывали их в проруби.

— Стой! — закричал Засядько, видя, как один дюжий полицейский собирается спихнуть в прорубь залитого кровью солдата. — Он же еще живой!

Полицейский вытянулся, взял под козырек:

— Осмеюсь доложить, ваше высокопревосходительство, это мятежники!

— Какие еще мятежники?

— Против государя императора бунтовали! Вот их и угостили картечью. А нам велено побыстрее убрать улицы и набережную.

— Тащи в лазарет, — распорядился Засядько.

— Ваше высокопревосходительство, — взмолился полицейский, — да он и часу не проживет! Взгляните, все кишки выворотило!

— Тащи!

Засядько пошел дальше по набережной, осматриваясь по сторонам. Трупы, трупы, трупы... Новый император

начал царствование с того, что стрелял картечью по соотечественникам.

«Плохая примета, — подумал Засядько, — ясно, что будет за царствование».

Дома узнал подробности неудавшегося переворота. Московский полк первым явился на Сенатскую площадь, выстроился в каре и долго простоял один пока пришла рота лейб-гренадерского полка, затем гвардейский морской экипаж и почти вся остальная часть гренадерского полка. Но диктатор восстания Трубецкой на площадь не явился. Пока восставшие стояли без действия, Николай успел подтянуть войска и велел стрелять картечью.

Вновь перед глазами возникла картина кровавой расправы: полицейские, волокущие к прорубям убитых и раненых солдат...

Тягостные мысли прервал шум в передней. Кто-то громко требовал позвать генерала, ему отвечал раздраженный голос Василя. Дескать, его высокопревосходительство заняты, освободятся лишь завтра. Тогда и будут принимать посетителей...

Но дверь распахнулась, в кабинет влетел Булгарин, а за ним растерянный Василь. Издатель «Северной пчелы» был бледен, некрасивое лицо его стало еще более непривлекательным из-за гримасы горечи и страдания. В руке он держал туго набитый кожаный портфель.

Засядько поднялся навстречу, махнув Василю, чтобы шел к себе. Тот вернулся в прихожую, ворча на слишком мягкосердечного генерала. Другой бы так турнул нахала, что он и детям наказал бы выучиться правилам обходительности.

— Что? — спросил Засядько коротко.

— Полный разгром, — ответил хрипло Булгарин и переложил портфель из руки в руку. Видно, он был достаточно тяжелым, но неожиданный гость почему-то не решился поставить его на пол.

Поймав вопросительный взгляд генерала, Булгарин объяснил:

— Заскочил к Рылееву. Все-таки вождь восстания, к нему явятся первому. Он передал мне все свои крамольные стихи. Едва я вышел и еще не успел отойти от дома, как за ним приехали...

Засядько ощутил, что ему стало жарко и душно. Кровь прилила в мозг, в глазах потемнело. Среди восставших были его близкие друзья...

— Александр Дмитриевич, — сказал Булгарин настойчиво, — вам надо исчезнуть из Санкт-Петербурга. Начнутся аресты, потянутся нити... Вы чересчур честны, а в сложившейся ситуации это не годится. Откровенно лгать вы не сможете, отречься от друзей не станете, а говорить правду нельзя. Скройтесь! Возьмите отпуск или придумайте какую-нибудь срочную поездку...

— Уже думаю об этом, — признался Засядько. — Сегодня же, нет, завтра с утра начну передавать дела заместителям. Пока начнется следствие, я успею уехать. А как вы?

— Я остаюсь, — ответил Булгарин обреченно. — Условия поменялись, надо применяться к обстоятельствам. Сейчас активно сопротивляться режиму безрассудно.

— Желаю успеха, — сказал Засядько невесело.

СНОВА В АРМИИ

Засядько читал письмо великого князя Михаила от 5 мая 1826 года: «Александр Дмитриевич! Я весьма сожалею, узнав о скором вашем отъезде, что не мог с вами проститься; но, уважая особенно всегдашнюю отлично ревностную службу вашу, я остаюсь уверенным, что ваше превосходительство, коль скоро получите облегчение в болезни, не оставите поспешить в Петербург и тем сделать мне угодное. Пожелав при сем вам совершенного восстановления здоровья, пребываю к вам навсегда с моим уважением, искренно доброжелательный Михаил».

Засядько отложил письмо и задумался. Из Петербурга сюда, в Крым, доходили слухи о процессе над арестованными повстанцами. Среди обвиняемых оказались высшие офицеры, штабс-офицеры, генералы, флигель-адъютанты императора, представители самых аристократических родов России. Была создана большая следственная комиссия, которой руководил сам царь. Влиятельным лицом в этой комиссии был член верховного суда Паскевич, земляк и друг Засядько...

Спустя три месяца после получения письма от Михаила Засядько узнал о казни через повешение пяти осужденных. Неловкость палачей привела к тому, что трое осужденных сорвались, лишь Каховский и Пестель были повешены сразу. Когда снова начались приготовления к повешению, Муравьев-Апостол произнес: «Проклятая

страна, где не умеют ни составлять заговоры, ни судить, ни вешать». Прошло еще четверть часа, пока казнь удалось довести до конца.

Засядько чувствовал, что разгром восстания и жестокая расправа с повстанцами подкосила его силы. По всей видимости, Паскевич так и не позволил его имени всплыть на следствии, а может быть, Николай I решил не терять нужного человека и потому закрыл глаза на дружбу и близкое знакомство генерала с участниками восстания. Более того, Засядько получил известие о награждении его орденом святого Владимира 2-й степени. Это свидетельствовало о том, что новый император России провел размежевание между ним и мятежниками.

Целыми днями Засядько бродил по знойной крымской степи. Впервые в жизни ощутил в душе пустоту. Даже маяющие ракеты утратили свой волшебный блеск и отделились в сознании. Перед глазами постоянно всплывали трагические события, разыгравшиеся в Петербурге. Он пристрастился слушать старинные крымские легенды, воскрешавшие память о некогда могучих и грозных народах: таврах, кимврах, скифах... Услышал он и о приключениях Ореста и Пилада в Тавриде, о необычайном строительстве Перекопского рва, о прекрасной Гикии — героине Херсонеса, о Великом Медведе, который стал Медведь-горой, о смерти Митридата и множество рассказов о борьбе запорожцев с турками и татарами...

Наконец пришло письмо от Булгарина. Издатель «Северной пчелы» сообщал о расширении Николаем I функций собственной его величества канцелярии, которая теперь контролировала все отрасли управления и по сути дела подменяла высшие государственные органы. Наибольшее значение имело учреждение Третьего отделения этой канцелярии — управления тайной политической полиции. Чтобы уберечь «Северную пчелу» от закрытия, пришлось принять покровительство Третьего отделения...

«...Приезжай, — было в письме, — нужно жить и работать. Для тебя петербургский воздух будет уже целебнее крымского...»

Булгарин подчеркнул слово «уже», и Засядько понял причину. Казнь совершилась, остальные осужденные отправлены на каторгу в Сибирь. В столице жизнь вошла в прежнее русло.

Однако прошло еще несколько месяцев, прежде чем Засядько превозмог себя и отправился обратно в Петер-

бург. В утешение думал, что жизнь и в самом деле не кончилась. Не получилось у декабристов, как стали называть участников восстания на Сенатской площади, получится у других. А пока что нужно воспитывать молодежь, вселять в умы свободолобивые идеи.

Не знал Засядько, что подозрительный Николай решил никогда больше не допускать его к преподавательской деятельности. Крамольный генерал должен быть снят со всех должностей и отправлен из Петербурга. Куда? Да лишь бы подальше от столицы. Например, в армию. Лучше всего — в действующую. Авось легенда о его неуязвимости останется только легендой...

Михаил сидел за письменным столом и рылся в куче бумаг. Великий князь был не один: вдоль книжных шкафов в глубокой задумчивости вышагивал Николай. Даже здесь он не мог избавиться от тяжелого прусского шага: опускал ногу на всю ступню, сильно укорачивая шаг.

«Весь в папу, — подумал Засядько, вытягиваясь. — Дай бог и тебе его участь!»

Николай небрежно ответил на приветствие, кивнул на свободное кресло. Михаил пододвинул к изобретателю груды бумаг.

— Хотите посмотреть, Александр Дмитриевич? Это может стать прелюдией к нашему разговору.

— Я весь внимание, Михаил Павлович, — ответил Засядько насторожившись. К письмам он не прикоснулся.

Николай перестал мерять кабинет, повернулся к генералу.

— Пахнет порохом, — сказал он.

— Турция? — поинтересовался Засядько из вежливости.

— Она, — ответил Николай важно. — Сама бы не осмелилась, уже не раз была бита. Но ее постоянно подталкивает Англия, обещает поддержку.

— Я готов вернуться в армию, — сказал Засядько, прекрасно понимая, чего от него хотят.

Николай и Михаил довольно переглянулись. Этот малоросс угадывает все с полуднамека.

— Спасибо, Александр Дмитриевич, — сказал Михаил. — Я знал, что на вас можно положиться. По обоюдному размышлению, мы решили предложить вам новую

должность. Училище вы поставили на ноги, и благодарная Россия вас никогда не забудет. Первые выпуски показали, каких прекрасных инженеров-артиллеристов оно готовит. Спасибо! Но машина уже завертелась, дальше пойдет легче. Дело теперь за распределением ваших выпускников по армии. Почему бы вам не взяться за это?

— Каким образом?

— Подумайте, — сказал Михаил. — На какой должности вы бы сделали это с наибольшим успехом?

Засядько ответил медленно:

— Разве что на должности начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера...

Михаил хлопнул ладонью по столу, посмотрел на брата:

— Что я говорил? Он читает мысли! Это я и собирался вам предложить. Подумайте, Александр Дмитриевич. Если возьметесь, будет просто великолепно.

Засядько напряженно размышлял. Николай следил за ним испытующим взглядом, Михаил откинулся на спинку стула и тоже внимательно наблюдал за генералом. Засядько понимал, что перед его приходом братья наверняка внимательно просмотрели его бумаги, возможно, пополнившиеся новыми со дня следствия по делу декабристов. От того, какой он даст ответ, зависит его дальнейшая судьба, карьера, а возможно, и свобода. Конечно, жаль расставаться с училищем и прекрасной лабораторией. Ведь он уже успел заложить основы ракетостроения, подготовить прекрасных ракетчиков, создать теорию ракетной тяги. Но, с другой стороны, на полях войны легче выявить конструктивные недостатки боевых ракет...

— Решайтесь, — сказал Михаил настойчиво. — Кстати, учебную артиллерийскую бригаду можете забрать с собой. Разве этого мало?

Николай сел в кресло, вытащил из ящика письменного стола чистый лист бумаги.

— Я напишу назначение. Перспектив у начальника штаба больше, вы это хорошо знаете. Здесь потеряете только уютную квартиру да высокие должности, но вы не из тех, кто цепляется за теплые местечки...

Засядько наклонил голову. Он понимал, что разговор окончен.

В последний день перед отъездом неожиданно явился Быховский. Он здорово постарел в Финляндии и приехал

в Петербург на лечение от подагры. Долго рассматривал чертежи, опасно обошел двухаршинную ракету.

— Упадок, — сказал он, вздыхая. — Развал. После того как надежды многих рухнули вместе с тайными обществами, в среде интеллигенции бог знает что творится. Одни ударились в мистику, другие спрятались в раковины, отгородились от мира. Снова модным стало собирательство книг. Особенно по искусству, а также старинных. Один знакомый коллекционирует сборники сказок. Начитается на ночь, и кажется ему, что он и сам сказочный богатырь, лично творит расправу над плохими людьми... Бегут из этого грязного, неустроенного мира в красивый, хотя — увы! — иллюзорный. Вот даже ты...

— Что я? — спросил Засядько, не дождавшись продолжения.

Быховский помялся, но, видимо, решив, что перед другом влиять не стоит, продолжил:

— Твои ракеты... Извини, разве это не уход от действительности? Я тебя знал железным человеком. Ты никогда не увлекался прожектами. А здесь... Иные миры! Надо же такое придумать. Это в наше время!

— Чем тебе не нравится наше время?

Быховский несколько секунд молчал, кусая ногти. Потом заговорил вдруг охрипшим голосом:

— Саша, я видел лицо этого мира... Был с миссией в Испании, и перед самым моим отъездом из Валенсии там состоялось аутодафе. И это в тысяча восемьсот двадцать пятом году после рождества Христова! Человека втащили на вязанку дров, прочитали молитву и — подожгли дрова! Это сделали весьма ученые люди, имеющие звания магистров. Собравшийся народ гоготал и обменивался впечатлениями, словно на ярмарке. А там, на костре, извивался в муках живой человек, который осмелился думать не так, как остальное стадо. Саша, пока такие чудовищные вещи творятся на земле, о каких полетах к другим мирам можно мечтать? Всюду дикость, невежество, тупость!

— Хватает и этого, — отозвался Засядько рассеянно. Он собирал вещи и лишь краем уха слушал друга.

— Ну, знаешь! — возмущился Быховский. — А что ты видишь еще, кроме варварства?

— Во время наполеоновской кампании мне довелось познакомиться с одним поистине великим человеком. Он

всего на четыре года старше меня, но в тот год его как раз избрали в члены парижской Академии наук. Мне было диковинно видеть человека, который среди крови, пожаров и резни занимается теорией магнетизма. Он не работал на Бонапарта, ни на союзников, он работал на будущее! Я еще раньше познакомился с его трудами по теории вероятности и некоторыми исследованиями по математическому анализу. Поэтому, узнав, с кем меня столкнула судьба, я снял перед ним шляпу.

— Победитель перед побежденным? — спросил Быховский ехидно.

— В ту минуту мы не были врагами, мы не служили враждующим императорам, мы поклонялись одному богу — науке. Ее законы всеильны и вечны. Посмотри, вот его последняя работа.

Быховский покосился на объемистый трактат на французском языке, смущенно помялся. Знания, которые он получил в корпусе, давно выветрились. Только и прочел на обложке: «Андре Мари Ампер. Теория электродинамических явлений, выведенная исключительно из опыта. Париж. 1826 г.».

— Что еще за электродинамические явления? — спросил он.

— Вот-вот, «что еще за...» — подхватил Засядько. — Над ним смеются из-за какого-то электричества, надо мной — из-за ракет. Не смеются лишь над устроителями балов и аутодафе.

Вечером забежал проститься Остроградский, молодой талантливый математик. Он был больше известен в Париже, где в тюрьме решил труднейшую задачу, поставленную парижской Академией наук десять лет тому. Засядько часто просматривал работы земляка в рукописях, радовался оригинальным решениям. И теперь, ознакомившись с расчетами, сказал уважительно:

— Красиво... Изячно и просто... Боюсь перехвалить, но ты, по-моему, одна из значительнейших фигур нашего времени!

Остроградский смутился, попытался свести все к шутке:

— Самые значительные фигуры нашего времени — это государь император и его семья!

Засядько не принял легкомысленного тона:

— Так считать было бы смешно, если бы не было грустно. Ведь большинство придерживается этого мне-

ния. Чем заполнены газеты и журналы? Короли, императоры, цари, принцы, герцоги... Каждый их шаг заносится историками в летописи. Но время выявляет истинные ценности. Оказывается, что в те же самые времена, когда воспевались цари, жили Гомер, Пифагор, Сократ, Дюген, Аристотель, Архимед, Леонардо, Галилей, Кеплер, Ньютон... А скажи, Михаил Васильевич, кто правил в их времена?

Застигнутый врасплох Остроградский молчал. Засядько тоже хранил молчание, давая математику время собраться с мыслями. Однако тот виновато развел руками:

— Каюсь, Александр Дмитриевич! Не могу вспомнить...

Главным начальником артиллерии России был генерал-фельдцейхмейстер. Эту должность обычно занимал один из членов императорской фамилии, и она носила почетный характер. Настоящим же начальником артиллерии являлся начальник штаба генерал-фельдцейхмейстера. Должность генерал-фельдцейхмейстера занимал великий князь Михаил, который армии не любил и обычно не вмешивался в распоряжения начальника штаба, предоставив ему свободу действий и возможность отдавать приказы от своего имени.

Сначала Засядько провел срочную реорганизацию артиллерии. По его приказу были сняты с вооружения устаревшие единороги, верно послужившие еще Ивану Грозному при осаде Казани. Новые орудия, отлитые по своим чертежам, Засядько направлял во 2-ю армию, в которой когда-то был дежурным генералом. Этой армии первой предстояло вступить в бой во время неизбежного столкновения с Турцией, и Засядько хотел, чтобы она была оснащена на уровне лучших европейских армий.

Одновременно он отдал приказ о сформировании в русской армии постоянной ракетной роты. Ей было присвоено название «Ракетная рота № 1». Командиром Засядько назначил подпоручика Андрея Балабуху, сына погибшего друга и своего воспитанника еще с Артиллерийского училища.

Балабуха принял назначение восторженно. Несмотря на юный возраст, он отлично понимал историческое значение нового вида оружия.

— Первая в армии ракетная рота! И я — ее командир! Александр Дмитриевич, не знаю, как доказать вам, что буду достоин высокого назначения!

Многие воспитанники Артиллерийского училища, которых Засядько, будучи директором, принимал неоперившимися кадетами, а выпускал юными соколами, продолжали смотреть на него сыновними глазами и обращались по имени-отчеству. Засядько не препятствовал нарушению субординации. Он любил своих питомцев. В большинстве это были демократически настроенные офицеры, в которых ему удалось зажечь интерес к делу и воспитать чувство гражданского долга.

— Вот что, Андрей, — сказал Засядько. Он часто обращался к бывшим ученикам по имени. — Ты получишь новейшие шестизарядные ракетные установки, а к ним — полные боевые комплекты. Сам отбери людей и как можно тщательнее обучи всей премудрости ракетного дела. Помни, что здесь нужно больше полагаться на разум, а у нас все еще полагаются только на силушку.

— Сделаю! — отчеканил Балабуха.

— Получишь двадцать три ракетные установки. Семь для четырехдюймовых, по восемь для двух с половиной дюймов и двухдюймовых.

— А ракеты?

— Две тысячи, полагаю, хватит.

Балабуха не ожидал такого богатства, но на всякий случай заметил:

— Александр Дмитриевич! Несколько дней стрельбы — и мы останемся с пустыми руками.

— Стрелять нужно с толком.

— Но при скорострельности ваших установок...

— Все равно. Ракеты лучше ядер поражают цель, однако и стоят дороже.

Он весело посмотрел на опустившего голову подпоручика и вдруг сказал в неожиданном приливе великодушия:

— Ладно! Дам еще тысячу.

Балабуха недоверчиво поднял голову. На его широком лице застыла нерешительность, белесые волосы растрепались и торчали во все стороны. Голубые, как васильки, глаза смотрели выжидательно.

— Ей-богу, дам, — подтвердил Засядько. — Государь поставил под мою руку все пороховые, оружейные и литейные заводы Российской империи.

Балабуха потрясенно прошептал:

— Вот это да... Все заводы! Теперь с ракетами дело пойдет?

Засядько кивком подтвердил нехитрую догадку подпоручика.

— Я уже распределил заказы на ракеты. Иначе ты не получил бы и тысячи.

— А на каком заводе станут делать их?

Засядько усмехнулся наивности вопроса.

— Ракеты — слишком сложное устройство, чтобы их можно было делать на одном, пусть даже самом крупном заводе. Пришлось распределять заказы по всей империи. С припуждением. Двух директоров снял, а одного едва не упек в солдаты. Не желал осваивать новое дело, при-
вык лить колокола для церквей!

Для выполнения заказов на части к ракетам пришлось загрузить несколько государственных и частных заводов, но окончательную сборку делали под руководством подполковника Внукова, которого Засядько назначил начальником «ракетного заведения», где готовились кадры квалифицированных ракетчиков, в своем ведомстве.

7 марта Засядько вызвал Внукова.

— Василий Михайлович! Срочно готовьте роту Балабухи. Без малейшего промедления отправляйте в Тульчин. Там стоит 2-я армия.

— Значит, война все-таки будет?

— Будет, Василий Михайлович. И очень скоро. Поэтому прошу поторопиться. Армия должна быть вооружена ракетами. Чем скорей, тем лучше. Приготовьте к походу и ракетное заведение. Я наметил для него место в Тульчине, поближе к действующей армии.

Он пытливо смотрел в бесстрастное лицо подполковника. Это не горячий Балабуха. Этот все не спеша обдумает, взвесит, выскажет сомнения и опасения... Однако энтузиаст ракетостроения не меньший, чем Балабуха. А как организатор намного лучше. Сказывается жизненный опыт и умение ладить с людьми. Один из первых учеников...

— Когда в поход? — спросил Внуков.

— 16 апреля, — ответил Засядько. — Ни на день позже. Кто знает, когда вспыхнет война. Мы должны быть

к ней готовы в любую минуту. Возможно, она начнется раньше, чем вы приедете на место. Но в любом случае вы должны выпускать не менее шести тысяч ракет в год.

— Шесть тысяч! — ужаснулся Внуков.

— Шесть тысяч, — подтвердил Засядько. — Попробуйте дать меньше. Шкуру спушу и не приму никаких отговорок. Всем необходимым я вас обеспечу. Ракетные установки, гильзы, треноги, гранаты, спускные трубы, прессы с соответствующими приспособлениями для набивки ракет, поддоны — это будет прибывать к вам прямо в ракетное заведение в Тульчин. Или еще лучше: вы пока останетесь, чтобы принимать необходимое. Учтите, от вас буду требовать готовые к бою ракеты. Ясно?

Внуков широко улыбнулся:

— Да что вы, Александр Дмитриевич, пугаете? Я все сделаю!

Засядько провел рукой по воспаленным глазам.

— Извините, Василий Михайлович. Устал... Огоньки перед глазами пляшут. Сегодня нехороший сон снился...

Внуков с сочувствием смотрел на бледное, исхудавшее лицо генерала. Засядько держался на ногах лишь усилием воли. Он, как всегда, поднимался в четыре утра и ложился далеко за полночь. И каждая секунда рабочего времени была заполнена изнуряющей работой на пределе сил...

— Сделаем, — повторил подполковник, и Засядько уловил в голосе помощника жалость и сочувствие. Внуков любил учителя, хоть и без слепого обожествления, как Балабуха, но верно и глубоко.

Александровскому чугунолитейному заводу в Петербурге Засядько приказал «сколь возможно поспешнейшим образом» изготовить шесть больших прессов с соответствующими приспособлениями для набивки ракет. Железные поддоны и гранаты тоже пришлось заказать здесь, ибо Петербургский казенный чугунолитейный завод был загружен изготовлением спускных труб для ракетных станков.

Внукову пришлось несколько раз ездить на Ижевский завод и выколачивать медь для спускных труб, которые после обработки приходилось везти обтачивать на токар-

ных станках в технической артиллерийской школе, что располагалась на другом конце города.

С заказом на деревянные треноги измученный Внуков решил не связываться и велел своим ракетчикам-технарям изготавливать их в собственном ракетном заведении.

Не ожидая, пока Внуков соберется с переездом, а тем паче подготовит ракетную базу для Балабухи, Засядько приказал Шосткинскому пороховому заводу срочно отправить в Тульчин припасы, необходимые для приготовления ракет в счет первых шести тысяч, а именно: «...мякоти пороховой 1600 пудов, пороха мушкетного 80 пудов, селитры 242 пуда, серы мягкой 80 пудов, угля ольхового молотого 120 пудов...»

Управляющий заводом хватался за голову и молил об отставке. Слишком уж немислимыми были требования, да еще в предвоенное время, когда воинские заказы сыпались со всех сторон. К тому же это было только начало: Засядько предупредил о серии поставок.

24 марта 1828 года первый транспорт под руководством еще одного из верных учеников Засядько, поручика Лацкого, выехал из Петербурга. С Лацким ехало три фейерверкера и двое рядовых. Засядько рассудил, что пяти человек достаточно для начала работ. Еще придется отправить не меньше десятка транспортов с припасами и готовыми к сборке ракетами.

Лацкий ехал на передней телеге, уютно устроившись на сене, которым были прикрыты медные цилиндры ракет. Позади тянулся нескончаемый обоз. С первым же рейсом Засядько распорядился отправить два копра, два прессы для набивки ракет, шестьсот ракет, снаряженных гранатами и полуядрами, готовые, но не набитые гильзы и двенадцать треножных ракетных установок с медными цилиндрическими трубами для 2- и 2,5-дюймовых ракет.

Медленно двигался обоз по размытой после весенней растопки дороге. Лацкий с тоской думал, что им предстоит трястись на груженных телегах несколько суток.

— Захарыч! — крикнул он старшему фейерверкеру. — Проследи пока за обозом, а я подремлю. Разбуди, когда покажется деревня.

— Слушаюсь, ваше благородие, — безразлично отозвался старик, которого тоже клонило в сон, а про себя подумал: чего следить, лошади исправные, с дороги не

сбьются, мимо деревни не пройдут. Да и люди надежные, каждый рад-радехонек, что попал на такую службу: ешь, пей да лежи себе на боку, пока доедешь на другой край необъятной Российской империи.

К задремавшему фейерверкеру подсел молодой солдат.

— Захарыч, а как там на месте?

— Что? — недовольно буркнул старик.

— Сам знаешь. Служба-то у нас необычная. Послабление или льготы какие будут?

— Молодой, да приткий, — ответил Захарыч неодобрительно. — Еще не служил, а уже льгот захотел...

Его сердили разговоры о мнимых льготах солдатам-ракетчикам. На своем веку насмотрелся на солдатские профессии и знал, что все зависит от барской воли. Попадется добрый начальник, и служишь при нем сносно, а попадется зверь — хоть руки накладывай. Слава богу, у них все хорошо: его высокопревосходительство генерал-майор сам не обидит простого человека и другим не позволит. Справедливый человек, дай ему господь долгих лет жизни...

С такими успокоительными думами старый солдат и заснул на зарядных ящиках. Телега мерно покачивалась на колдобинах, словно шлюпка на волнах. Впереди было без малого две тысячи верст.

РАКЕТНЫЙ ЗАЛП ПО БРАЙЛОВУ

В апреле 1828 года грянула русско-турецкая война. С 1 мая Засядько был уже в действующей армии. Приняв командование артиллерией под турецкой крепостью Браилов, он в первый же день сделал рекогносцировку и пришел к самым неутешительным выводам. Два раза русские пытались взять штурмом крепость, но оба раза безуспешно. Стояла сырая и холодная погода. Войска страдали от недостатка продовольствия, начались эпидемии. Общего начальника над осаждавшими войсками не было, поэтому боевые действия велись без единого плана, перешилось и вяло.

Свои соображения Засядько изложил на военном совете, созванном по его инициативе. Его слушали молча,

никто не спорил. Все знали сложившееся положение, но никто не решался высказать мрачные мысли вслух.

— Через пару недель я жду партию новых осадных орудий, отлитых по моим чертежам. Теперь проверим их в бою. А пока давайте готовиться к штурму, — закончил Засядько.

— Вы, батенька, и сейчас не прекращайте обстрел, — сказал просительно генерал-майор фон Миллер. — После вашего приезда пушек словно бы удвоилось.

— Это потому, что никто из здешних артиллеристов не учился в моем училище, — ответил Засядько без улыбки. — Я бы их научил, как правильно расставлять батареи.

— Пусть хоть сейчас поучатся, — вставил полковник Брудзиевский.

— Пусть, — согласился Засядько. — Потаскают пушки на руках, мигом запомнят наилучшее расположение. Все засмеялись, и мрачное настроение улетучилось.

Однако вскоре произошли события, которые несколько изменили планы Засядько. В Тульчин прибыл транспорт Лацкого. Поручик уже знал, что ракетное заведение решено построить в Тирасполе, и намеревался без промедления следовать по указанному адресу.

Но Засядько решил оставить обоз с ракетами в лагере осаждавших. Остальные транспорты пусть сосредотачиваются в Тирасполе, а этих ребят можно использовать при осаде Браилова.

Лацкий выслушал новый приказ с радостью. Все-таки воевать будет рядом с учителем!

— Ракетная рота Балабухи подойдет не скоро, — продолжал Засядько. — Нам самим придется взяться за ракеты. В какой мере ваши люди знакомы с ними?

— Только со сборкой. Увы, мы лишь мастеравые.

— Обстоятельства переменились. Придется воевать. Надо показать солдатам, как обращаться с ракетами.

— Я сейчас же...

— Я тоже. Но мы с вами сможем обслуживать две установки, а для хорошего ракетного удара нужно как минимум два десятка. Поняли?

Лацкий слушал, разинув рот. Вот оно, начинается!

— Понял, Александр Дмитриевич! Сейчас же прикажу солдатам собирать ракеты.

— Я придам в ваше распоряжение еще две роты. Обучите тщательнейшим образом. Хотя нет — подберите добровольцев. Те лучше справятся.

На следующий день Лацкий уже объяснял новоиспеченным ракетчикам способы применения нового оружия. Засядько, который пришел на занятия, лишь покрутил головой и удалился, ничего не сказав. Лацкий растерялся: что случилось? Учитель недоволен? Но ведь он обучает целую роту!

Вечером он увидел, как работает генерал: в течение недели он обучил 23 роты солдат-ракетчиков! Лацкий опустил руки. Вот что значит талант... Он же полмесяца бился с подчиненными, которые еще не усвоили, какой стороной закладывать ракету в пусковую установку...

Было подготовлено 24 роты, и Лацкий понимал, сколь невелика его роль в этом деле.

— Значит, штурм. Бери ракетчиков и командуй, — сказал Засядько, вызвав его к себе. — Ракет не жалея. Я заказал еще две тысячи четыреста снарядов.

В ночь перед штурмом Засядько выдвинул ракетчиков на переднюю линию. Они должны были нанести удар фугасными ракетами по внутренним строениям крепости и сразу же повторить залп зажигательными. Пожары посеют панику, а в это время начнется штурм.

Под Браилов прибыл командующий русскими войсками в турецкой войне генерал Паскевич. Посоветовавшись с Засядько, он разделил войска на три части. Первая, под командой генерал-майора Трофимова, составляла левое крыло войск и предназначалась для захвата Бойцовой башни. Во вторую часть выделялась группа войск подполковника Антоненко. Они должны были взять бастион возле Старого вала. Третьей группой командовал майор Хорольский. Он должен был демонстрировать нападение со стороны Дуная.

Едва забрезжил рассвет, Засядько подал Лацкому знак. Тот, дрожа от волнения и утренней свежести, поспешно поджег фитиль. В темное небо взвилась яркая ракета. В высшей точке полета она взорвалась и осветила притихших ракетчиков.

Это был сигнал. Засядько знал, что в данную минуту повсюду вокруг осажденного Браилова новоиспеченные ракетчики подносят фитили к запалам. Запела боевая труба, атакующие колонны двинулись к темным стенам крепости.

Вдруг над их головами со страшным, леденящим душу свистом пронеслись гигантские огненные стрелы. За каждой тянулся черный хвост дыма и огня.

Засядько видел, как один ветеран охнул и схватился за сердце. Черное небо было расчерчено огненными линиями. Все они вели к Браилу и там обрывались. Засядько невольно залюбовался грозным зрелищем. В войну вступили новые механизмы, несоизмеримые по ударной силе со всеми существующими ранее.

Не успели ошеломленные солдаты перевести дух, как небо снова с треском раскололось и сверху посыпался дождь огня — ракетчики дали залп зажигательными ракетами.

Воодушевленные солдаты ринулись на штурм. Турки встретили их беспорядочным ружейным и орудийным огнем. В нескольких местах вспыхнули пожары, в левой части крепости грянули взрывы и в воздух взлетели обломки оборонительных сооружений. Видимо, ракеты угодили также в склады со снарядами.

На валу произошла последняя отчаянная схватка. Турки попытались контратакой остановить штурмующих, но гренадеры штыками сбили последних защитников с бастиона и быстро распространились по валу крепости.

Ворвавшиеся русские войска не встретили упорного сопротивления со стороны защитников. Пылали здания, рушились деревянные строения. В одном месте Антоненко даже вынужден был отвести свои войска, которым грозила участь быть похороненными под горящими обломками. Деморализованные турецкие солдаты уже не помышляли о сопротивлении, лишь в старом строении отчаянно сопротивлялся паша с небольшим гарнизоном.

Хорольский ахнул, увидев Засядько внутри крепости с окровавленной саблей.

— Александр Дмитриевич! — крикнул он срывающимся голосом. — Вам-то что здесь надобно?

— Пустяки, не волнуйтесь. Я заговоренный. И кроме того, должен же я увидеть действие боевых ракет в деле, а не только на полигонах?

— Но зачем сабля?

— Сабля? Ах, сабля... Она помогла мне отделаться от нескольких янычар.

Засядько указал на двух заколотых турецких солдат, отшвырнул чужую саблю и зашагал к воротам приземистой мечети. Хорольский тупо посмотрел ему вслед, подумал с недоумением: какого черта генералу-изобретателю рисковать головой? И еще доволен, что не разучился владеть саблей!

Вдруг из мечети грянуло несколько выстрелов. Хорольский посмотрел в ту сторону и ахнул. За воротами мечети засела группа турецких солдат...

Генерал-майор фон Миллер с рюмкой вина ходил по залу. Командование праздновало победу, для высшего офицерства был устроен прием у главнокомандующего и банкет. Героем дня был генерал-майор Засядько. Из Петербурга подоспели награды за взятие Браилова, и он получил алмазные знаки к ордену святой Анны 1-й степени.

— Вот вы где! — Миллер наконец отыскал Засядько, беседовавшего с Паскевичем. — Теперь и у вас есть что повесить на грудь. Поздравляю, от души поздравляю!

Паскевич насмешливо посмотрел на захмелевшего генерала.

— Если бы Александр Дмитриевич носил все свои боевые награды, то ордена последних лет негде было бы вешать. А ведь его грудь пошире вашей!

— У вас есть еще награды? — удивился Миллер.

— А вы не допускаете возможности иметь ордена и не пускать пыль в глаза? — поддел генерала Паскевич.

— Да что вы возводите напраслину! — запротестовал Миллер. — Я имею орден святого Владимира третьей степени и орден Железного креста и счастлив. У вас их больше? Поздравляю и завидую!

РАКЕТНЫЙ УДАР ПО ВАРНЕ

На очереди была крепость Варна. Засядько объехал ее с северной стороны и нашел перспективы штурма крайне неутешительными. Крепость стояла на левом берегу реки Варнадере, впадавшей в Черное море, атаковать отсюда было бессмысленно. Осада началась еще с середины лета, но с таким же успехом могла начаться вчера или сто лет назад. Турки отбивали попытки штурма без особых потерь для себя, в то время как русские войска несли большие потери.

К Засядько, который задумчиво смотрел на крепость не слезая с коня, подъехал Быховский. Был он уже полковником, командовал кирасирским полком.

— О чем задумался, дружище? — спросил он. — Любуешься? Да, Варна — ключ к обороне турок. Отсюда идет кратчайший путь на Константинополь. Отдать Варну — значит проиграть войну!

Засядько молча указал на гору, что высилась близ крепости. На ее вершине резко выделялся на фоне голубого неба старинный монастырь, сложенный из красного камня. Это было поистине незабываемое зрелище: зеленая гора, красный остроконечный монастырь-замок и ослепительно синее небо.

— Что это? — спросил Быховский подозрительно. — Мечеть?

— Эх ты, мечеть... Это Аладжа. Построена задолго до появления турок в этих местах. — Засядько снова призадумался. Потом неожиданно спросил: — Послушай, «Варна» по-санскритски означает качество, цвет. Нет ли связи с названием города?

Быховский удивленно взглянул на друга. За годы разлуки отвык от неожиданных поворотов его мысли.

— При чем тут какие-то санскриты? Это кто, древние турки? Варна и есть Варна! Надо думать над тем, как ее взять, а не как ее называли раньше.

— Ты прав, — ответил Засядько с сожалением. Трянул головой, отгоняя «невоенные» мысли. — Будем думать, как ее взять...

Тронул коня, пустил шагом по направлению к крепости. Быховский поехал следом.

Неожиданно Засядько воскликнул:

— Вспомнил! Варна всего тысячу лет как называется Варной! А до этого звалась Одессос!

— А сколько лет ее так называли? — спросил Быховский ехидно.

— Да больше тысячи, — ответил Засядько мирно. — Ее построили еще древние греки.

— Черт с ними, — взорвался Быховский, раздосадованный эрудицией друга и его неуместными экскурсами в историю, — с греками, санскритянами, болгарами... Там засели турки, и мы должны их вышибить! Наши с тобой предки еще двести лет назад взяли эту крепость без всякой осады и артиллерии. И вражеский гарнизон тогда был намного больше!

— То были запорожцы, — сказал Засядько почтительно. — Теперь таких людей нет.

— Есть, — заявил Быховский упрямо. — Казацкому

роду нет переводу! Я родился на Хортице, а ты — сын главного гармаша Сечи. Что удалось молодому Хмельницкому, то должно получиться и у нас. Под нашим началом — армия!

Засядько заметил язвительно, чтобы унять пыл разгорячившегося друга:

— А все-таки слава будет не та... Запорожцы взяли Варпу одним молниеносным штурмом, а сколько топчется наша армия?

— Ладно, — сдался Быховский. — В семь часов военный совет. Приходи послушать очередную болтовню о решительном штурме. Если появятся какие-либо соображения, приготовься.

Засядько повернул коня в сторону русского лагеря, расположенного почти под самой крепостью. Со стены грянуло несколько выстрелов. Быховский сердито погрозил кулаком.

— У меня уже есть соображения, — сказал Засядько.

— Какие?

— Веские.

— Ракетная рота?

— Она самая.

— Гм... Остается надеяться на твоих ракетчиков. Мы слышали об их успехах под Браиловом и Ахалцыхом. А тут наша артиллерия два месяца зря расходует снаряды. Твои ракетчики прибыли?

— Сегодня утром. Двадцать два человека командиров и триста три рядовых. Толковые парни. Впрочем, сам увидишь.

— Отдыхают?

— Какое там! Балабуха ушел осматривать позиции. Завтра установим верстаки и дадим туркам жару.

— Ой ли?

— Браилов не научил разве? — спросил Засядько. — Или Ахалцых?

— Мы там не были, — уклонился Быховский. — Мы с начала войны стоим под Варной, будь она неладна! Боюсь, что Варна — не Ахалцых, это орешек покрепче.

— У меня крепкие зубы, — улыбнулся Засядько. — Пошли на совет. Пора.

Верховное командование постановило захватить крепость решительным ударом с севера и юга одновременно.

Более мощным должен быть удар с севера. Решающий штурм начнется утром 16 сентября.

Засядько с легким раздражением слушал речи, в которых так и мелькали слова «сокрушительный удар», «стремительный натиск», «полный разгром противника». Сколько этих сокрушительных ударов разбилось о неприступные стены Варны? Он видел, что взоры членов военного совета то и дело обращаются с надеждой к нему. Все уже слышали об успешном применении боевых ракет под Браиловом и Ахалцыхом и теперь ждали, что он скажет.

— Что скажете вы, Александр Дмитриевич? — обратился к нему князь Рагулин, председатель военного совета. — Может быть, иначе расположить батареи? Чтобы причиняли больший урон? У вас громадный опыт в этой области — вам и карты в руки.

— Пусть артиллеристы отдохнут, — ответил Засядько. — Утром я выведу ракетчиков на позиции.

— Вы надеетесь...

— Я уверен. Судьбу Варны решат ракетные установки.

Рагулин с неудовольствием пожевал старческими дряблыми губами. Он не терпел, когда его перебивали. Как-никак сиятельный князь, потомок Рюриковичей, командующий армией, а не нищий генерал из Малороссии!

— Не слишком ли вы уверены? — спросил он сухо.

Все умолкли в предчувствии конфликта. Рагулин был злопамятен. Карьеру начал с интриг при дворе и ложных донесений, неугодных людей старательно убивали с его пути влиятельные родственники.

— А вы когда-нибудь видели ракетный удар? — спросил Засядько почти вызывающе. — Одновременный ракетный удар нескольких установок?

— Я знаю артиллерию...

— Я ее тоже знаю. И ракеты знаю. Завтра и вы их узнаете! — Он деловито взглянул на часы, поднялся. — Простите, должен откланяться. Хочу на ночь еще раз проинструктировать ракетчиков. Честь имею!

Он поклонился и покинул помещение совета. Все ошеломленно молчали, затем разом взглянули на Рагулина. Глаза командующего горели недобрым огнем. Дерзкий генерал, покинувший помещение раньше князя, нанес ему оскорбление. Если завтра с ракетами у него хоть что-то сорвется, уж он, Рагулин, сумеет представить дело

в нужном свете. Карьера нищего генерала будет прервана...

Поздно вечером Быховский отыскал Засядько. Тот сидел в маленькой комнатке и озабоченно изучал чертежи. В пламени свечи лицо генерала казалось суровым и неприступным.

Быховский сказал огорченно:

— Рагулин рвет и мечет. Ты в самом деле так уверен? Может, не стоит отказываться от артиллерии?

— Я не отказываюсь, — отозвался Засядько рассеянно. — Но не хочу, чтобы заслуги ракетного оружия приписали артиллеристам. Не получится у ракетчиков — заговорят пушки. Но у ракетчиков должно получиться. Кстати, я нарочно дразнил Рагулина. Так моя победа будет значительней... Да и другим урок! — Он обнял товарища за плечи, дружески встряхнул. — Запомни: в мире появилась новая сила! Сражениями будут руководить инженеры, а не именитые князья. Техника будет решать исход боев. Мало кто это понимает... а ведь еще Бонапарт признал, что потерял корону, когда прогнал Фултона с его проектом парового судна.

— Не знаю, — неуверенно пожал плечами Быховский. — Рагулин не простит...

Засядько сказал успокаивающе:

— У Балабухи двадцать три шестизарядных ракетных установки. Одновременного залпа достаточно, чтобы причинить крепости огромные разрушения.

— Не увлекайся, — предостерег Быховский.

— Я не увлекаюсь. Наполеон считал подводные лодки варварским способом ведения войны — и проиграл. Кстати, я подал проект об оснащении подводных лодок ракетными установками. Новое слово в военной технике! Побеждает обычно страна, лучше оснащенная технически. А ракеты — вершина военной науки. Варварство? Да, ракеты причиняют больше разрушений, чем ядра. Но вспомни: римская церковь прокляла и запретила техническую новинку средневековья, от которой не спасала и самая толстая кольчуга, — арбалет, она же старалась запретить употребление в военном деле другого средства массового уничтожения — пороха. Но еще долго техника будет служить войне. Когда же решат покончить с войнами — я первый выну гранаты из ракет.

— Куда же ты денешь их? — спросил Быховский по-доверчиво.

— Гранаты?

— Ракеты.

Засядько счастливо улыбнулся.

— О, тогда и начнется настоящая работа...

— А куда нас, военных? — задал Быховский коварный вопрос.

— Дружище! У нас будет самое лучшее в мире занятие.

— Разводить тюльпаны? Нет, Саша, не верю в твои мечтания. Человек — это самый лютый зверь на свете. Никогда не перестанет убивать себе подобных!

— Перестанет.

— Верить в доброе начало?

— Верю. Но даже не будь этой веры — все равно знаю: человек воевать перестанет. Проследи за историей вооружения. Стрелой можно было убить одного, пушечным ядром нескольких человек, ракетой — несколько десятков. Подводная лодка потопит корабль с сотнями людей на борту. И подобное стремление к убиванию одним махом как можно большего числа людей будет все увеличиваться. В принципе возможно сконструировать огромную ракету или серию больших ракет, которые одним ударом превратят в пыль такой город, как Петербург. Можно ли воевать при таком оснащении?

Быховский поежился.

— Не хотел бы я жить в том мире... Но ничего такого не будет. Фантазия, скажу, работает у тебя на славу! Пострадал здорового! Мурашки побежали по спине. Тебе бы писателем быть, сочинять романы ужасов.

Утром Засядько вывел роту Балабухи на передовые позиции. Позади остались тяжелые неповоротливые осадные орудия.

Рагулина тоже не спалось, со штабными офицерами он обходил войска. Завидев генерала-ракетчика, поспешил навстречу.

— Через час начало штурма. Почему орудия прекратили стрельбу?

Засядько почтительно заметил:

— Ваше сиятельство, сейчас вступят в бой ракетчики...

С холма было видно, как Балабуха перебежал от одной установки к другой, проверяя готовность. Засядько помор-

щился: поручик занимался не своим делом. Пришлось послать адъютанта с напоминанием, что в его распоряжении двадцать три командира. Пусть учится командовать!

Двадцать три ракетные установки нацелились на крепость, двадцать три офицера из ракетной роты встали с запальными фитилями, ожидая сигнала. Триста рядовых ракетчиков спешно готовили к следующему залпу фугасные ракеты. Вместе с зажигательными их было подготовлено три тысячи двести двадцать две штуки!

— Начнем! — сказал Засядько и подал знак фейерверкеру.

Взлетела сигнальная ракета. Все двадцать три офицера поднесли фитили к зажигательным шнурам. Грохнуло и раскололось небо. Даже рассвет померк перед ослепительной лавиной огня! Свист врзался в уши, заставил побледнеть и втянуть головы в плечи. Замерли в тревожном ожидании плотные ряды солдат: через несколько минут они ринутся с лестницами на неприступные дотолы стены, но многие ли переживут это утро?

Над Варной взметнулось зарево пожаров. Погода стояла жаркая, безветренная, черные столбы дыма от горящих зданий поднимались до облаков.

— Впечатляюще, — пробормотал Рагулин.

— То ли еще будет, — пообещал Засядько.

— Будете стрелять еще?

— Да.

— Мы сами изжаримся в огне...

— Смотрите!

В рядах русских войск слышались ликующие крики. Над бастиями Варны появились белые флаги. Они трепетали, хотя ветра не было: то ли от потоков воздуха, вызываемых огнем, то ли у защитников дрожали руки.

Быховский бросился обнимать друга. Тот вывернулся и позвал адъютанта.

— Немедленно передай Балабухе, чтобы прекратил обстрел!

— Прекратить обстрел! — прокатилось по рядам.

— Прекратить обстрел!

— Прекратить...

Ряды наступающих колонн расстроились, но офицеры не обращали внимания на вопиющее нарушение. Крепость сдавалась! Неприступная Варна сложила оружие! Сколько человеческих жизней спасено...

Вскоре казаки привели турецкого парламентаря. Это был офицер в чине полковника, одетый по-европейски. Он вручил Рагулину петицию от военного коменданта Ахмед-паши.

Турки писали: «Господин командующий! Бесполезно подвергать опасности быть убитыми мужественных русских и турецких солдат в борьбе за Варну. Мы предлагаем вам перемирие с целью установления условий для сдачи крепости. Назовите подателю сего срок, который вы считаете нужным установить для переговоров».

— Не медлите, — подсказал Засядько Рагулину. — Пусть сдают крепость со всей артиллерией, арсеналами, запасами продовольствия и военным имуществом. Знамена и личное оружие могут оставить себе...

Внизу грянул оркестр. Русские войска нескончаемым потоком вливались в ворота некогда неприступной крепости.

На банкете по случаю взятия Варны захмелевший барон фон Миллер поздравлял Засядько:

— Подвиг твой войдет в историю! Нужно совершенствовать ракетное дело!

— Спасибо, — прошептал Засядько.

Он чувствовал себя неважно. В четко отлаженном, как хронометр, организме что-то испортилось. Вдруг стало душно, воротник давил горло, в виски стучала кровь. Сердце билось все быстрее и быстрее...

«Расплата за отказ от режима», — успел подумать он.

Страшная гремящая чернота надвинулась со всех сторон, обрушилась непосильной тяжестью. Ноги внезапно ослабели, и Засядько гаснущим сознанием понял, что падает наземь. Последним ощущением была злость: он, железный генерал, валится, словно ватная кукла, из которой выдернули стержень.

Быховский успел подхватить друга, но вынужден был опустить на пол: Засядько был огромен и тяжел. Подскочили испуганные товарищи, общими усилиями перенесли генерала на диван.

Быховский растегнул ему мундир, вылил графин воды на широкую грудь. Липо генерала стало пугающе багровым. Он хрипел сквозь зубы и не открывал глаз.

За дверью слышались крики: звали лекаря. Побледневшие офицеры смотрели со смешанным чувством ужаса и жалости. Железного генерала никто не мог представить себе поверженным. Он никогда ничем не хворал,

работал за десятерых, неизвестно когда спал, питался мизерным количеством пищи, всегда был молод, силен и бодр. Это был человек, которого не могли свалить ни сабля, ни штык, ни пуля, ни ядро. А теперь он лежал с багровым лицом и хрипел...

В ХАРЬКОВЕ

Однажды теплым летним вечером зеваки на одной из харьковских улиц стали свидетелями довольно редкого зрелища. Они увидели незнакомую карету, которую тащила четверка усталых лошадей. Карета была ветхой, однако в городе, где имелось всего три кареты, появление четвертой стало событием. Знатоки тотчас же определили, что экипаж заграничной работы, и это еще больше разожгло любопытство.

Карета свернула на Сумскую улицу и там остановилась. Из нее вышел высокий, атлетического сложения военный. Широкие плечи облегал старый потертый мундир, на ногах были истоптанные сапоги. За ним вышел парень с длинным бледным лицом, взял небольшой чемодан с веревочной ручкой и сумку с вещами. Военный подошел к дверям каменного дома, дернул за шнурок.

Так генерал Засядько прибыл в Харьков. Он любил этот небольшой городок, который протянулся с севера на юг, как он привычно определил из кареты, на две версты, а с запада на восток — на три с небольшим. Тихие украинские ночи, родной с детства язык... Здесь и будет его последнее пристанище.

С порога он оглянулся на строящуюся колокольню Успенского собора и улыбнулся своим мыслям. Начали ее в честь победы над Наполеоном в 1812 году, сейчас идет уже 1832 год, а конца строительству не видно. Харьковчане не спешат, словно у них впереди вечность. Счастливые!

Он прошел в свою комнату, устало опустился в кресло. Молчаливый слуга взглянул понимающе, принес пузырек с настойкой из степных трав. Засядько торопливо глотнул. Жидкость огненным комом прокатилась по пищеводу, разлилась по жилам горячими струями. Через несколько минут боль начала утихать...

— Ольга Зигмундовна дома? — спросил он хрипло.

— Они в деревне, — ответил слуга. — Ведь вы велели не предупреждать о своем приезде, дабы не беспокоить... Вот они и не встретили.

— Это хорошо, — сказал Засядько одобрительно. — Не стоит ей видеть такую развалину. Немного отдохну и пошлю весть.

— Так, может, сейчас послать? Пока нарочный доскачет, вы отдохнете.

— Э-э, приятель... Прошли времена, когда мне для отдыха требовалось полторы минуты. Теперь нужно непременно принять горячую ванну и хорошо выспаться на чистых простынях... Иначе я не человек.

Он подумал, что удивительно и то, как он после трехкратного апоплексического удара остался жив. Другие умирают после первого, а он перенес три. Великий князь Михаил с большой неохотой дал отпуск для лечения. Ему вовсе не улыбалось взвалить на себя обязанности начальника штаба: ведь на заместителей генерала-профессора серьезно рассчитывать не приходилось.

К физической боли прибавилась тревога по поводу плачевного состояния финансовых дел. Нужно было содержать и воспитывать восьмерых детей. Великий князь делал вид, что не замечает его затруднительного положения. Возможно, не верил, что человек, занимавший столько ответственных постов, не урвал от казенного пирога и не обеспечил себе в старости приличного существования.

Когда представился случай съездить в Москву подлечиться минеральными водами, друзья уговорили его воспользоваться возможностью. Уговаривала и Оля, умалчивая лишь о неизбежных долгах, которые повлечет за собой эта поездка.

Весной Засядько приехал в Москву, предпринял попытку подлечиться, однако вскоре сам смеялся над собой. Какие, к дьяволу, в Москве минеральные воды?

Через год он окончательно сдался настояниям жены и переселился домой. Родной климат повлиял благотворнее. Отвечая на одно из писем великого князя, Засядько писал: «...Мое лучшее состоит в том, что я не цепенею теперь при малейшем стуке, как это было прежде, не прихожу в исступление при малейшем беспокойстве или огорчении, а для сего беспокойства достаточно было дитяти заплакать или вскрикнуть громче обычного...»

Конечно, улучшение было невелико. Малейший стук или шелест заставлял содрогаться человека, который раньше безмятежно спал подле грохочущих пушек. Но как обойтись без стука и шума, когда в доме восемь душ детей?

Постепенно во время ежедневных прогулок обзавелся новыми друзьями. Особенно подружился с Лякумовичем, низкорослым белоголовым старичком, работавшим архивариусом в городской управе. Тесен мир: Засядько в Италии служил с его сыном в одном полку. Лякумович буквально боготворил генерала. Он только читал о героях, а теперь был счастлив увидеть одного из них воочию и даже познакомиться. Поэтому пользовался каждой свободной минутой, чтобы заскочить к новому другу. Он искренне переживал за состояние его здоровья и постоянно думал над тем, как облегчить страдания рано поседевшего воина. Однажды вычитал в путеводителях о целебных свойствах кавказских вод и немедленно загорелся этой идеей. Засядько слабо сопротивлялся, наконец сдался и написал великому князю 23 ноября 1832 года: «...Нашелся здесь человек, который, принимая на себя попечение обо мне в продолжение зимы, располагает ехать будущей весной на Кавказ и, при употреблении там воды под его наблюдением, дает утешительную надежду восстановить здоровье мое до возможности продолжать мне службу. Осмеливаюсь испрашивать о сем разрешения».

Обрадованный Михаил тотчас же откликнулся. «Александр Дмитриевич! — писал он 7 декабря. — Усматривая с удовольствием из письма вашего ко мне от 23 ноября, что вы имеете надежду освободиться от болезненных страданий употреблением минеральных вод, я поспешаю изъяснить согласие на поездку вашу на Кавказ, присовокупляя искреннее желание, чтобы надежда сия сбылась в полной мере и тем сохранила вас для продолжения всегда отличной и полезной службы вашей. Пребываю с истинным к вам уважением, искренне доброжелательный Михаил».

Михаил продолжал подчеркивать свое приятельское отношение к железному генералу и по-прежнему вместо царской фамилии с присовокуплением длинных титулов ставил одно имя. Видимо, все еще не мог подобрать толкового начальника штаба, а также жалел, что уже нет человека, способного занимать хоть половину тех должностей, с которыми Засядько справлялся шутя.

Ему было велено считаться генералом от артиллерии, и Засядько был рад этому, ибо у артиллеристов жалованье было самым высоким в армии.

Лякумович тут же принялся подсчитывать:

— Генерал от артиллерии... Уставом 1796—1797 годов звание генерал-аншефа заменено званием генерала по родам войск, то есть ты не генерал-аншеф, а генерал от артиллерии... А по воинскому уставу 1716 года генерал-аншеф — это главнокомандующий, равный фельдмаршалу. Он возглавляет консилию генералов.... Поздравляю, Александр Дмитриевич!

— Не с тем поздравляешь, — ответил Засядько безучастно.

— А с чем же еще?

— Сегодня несколько часов провел за расчетами, и, представляешь, голова не сразу разболелась!

— Александр Дмитриевич! — всполошился Лякумович. — Разве можно... Какие еще вам понадобились расчеты?

— Высчитывал запас горючего на обратный путь с Луны на Землю. Понимаешь, оттуда стартовать намного легче. На Луне тяготение в несколько раз меньше...

Возмущенный Лякумович не находил слов. Конечно, гении всегда поражают окружающих своими причудами, но это уж слишком! Обратный путь с Луны на Землю! Как будто и туда можно добраться не иначе, как в горячем бреду.

— Вся беда в том, что приходится считать слишком много, — говорил между тем Засядько, горестно вздыхая. — Целую дивизию математиков нужно бы посадить за расчеты. Эх, поскорее бы сделали математическую машину...

— Математическую машину?

— Да. Которая бы считала в миллионы раз быстрее людей. И не ошибалась бы. Чего глаза выпучил? Еще Свифт писал о такой. Помнишь, когда Гулливер попадает к лапутянам?

— Не читал, — отрезал Лякумович.

— Зря... Есть книги, которые не стареют. Наоборот, из дали лет лучше видишь их величие.

Засядько бросил в камин несколько поленьев, высек огонь. Пламя весело побежало по дереву, повеяло теплом. Засядько довольно зажмурился. Он любил тепло, хотя легко переносил и холод. Вспомнил, что Наполеон, который в походах спал на сырой земле и на снегу, в

своем дворце в Фонтенбло панически боялся сквозняков и велел топить камин даже в июльскую жару.

Лякумович покосился на стол, заваленный бумагами с расчетами траекторий, зябко передернул плечами. Засядько засмеялся. Он понимал архивариуса, который смотрит на математические формулы как на китайскую грамоту. Дескать, чур нас от науки и техники! А ведь гармонично развитый индивид должен разбираться и в науке, и в литературе, и в искусстве.

— Вы великий человек, Александр Дмитриевич, — сказал Лякумович почтительно, — но, побей меня бог, я так и не понял вашего увлечения ракетами...

— Вот-вот, — Засядько горько махнул головой. — Если у меня и есть какое-то величие, то оно как раз и заключается в ракетах. Ты считаешь меня счастливым человеком, полно прожившим жизнь? А я чувствую себя самым несчастным на свете. Военные заслуги? Груда орденов и золотая шпага? Современники ценят меня только за инженерную оборону Сиракуз. А каково было ему среди моря невежества? Ведь его математические работы больше чем на две тысячи лет опередили время и становятся понятными лишь теперь, в эпоху создания дифференциального и интегрального исчисления! Ты понимаешь, как это страшно: за всю жизнь не перемолвиться о главном ни с одним человеком? А внешне все благополучно...

Засядько отвернулся, проглотил комок, подступивший к горлу, и стал смотреть в окно. Потрясенный Лякумович некоторое время пытался представить себе бездну, отделяющую этого гения от эпохи, в которой нужно было бы ему родиться, но стало страшно, словно бы повис над пропастью.

— А как же проект насчет священников-врачей? — спросил он в отчаянии. — Ничего не пойму! Неужели это тоже реально? Ведь явное противоречие...

Засядько, не оборачиваясь, ответил:

— А что делать? Сидеть сложа руки? Да, это мало-реально. Но посуды: почти каждая самая захудалая деревушка имеет церковь. Поп, дьякон, дьячок, причетники... А фельдшер едва ли на волюсь отыщется. Люди мрут как мухи. Грязь, болезни, увечья... В диких племенах Тунгусии и то дела обстоят иначе. Там в каждом селении есть шаман, он же и лекарь.

— Такое сравнение кощунственно, — заметил Лякумович робко. — Дикие язычники и православные служители господа...

Засядько с неудовольствием пожал плечами.

— Какая разница? Религии всех времен и народов служат одной цели. Только у дикарей шаманы больше пользы приносят. Эх, не скоро придет эра новой античности! Но придет. Люди перестанут стыдиться тела, прекратятся изуверские истязания плоти. Ведь все напрасно! Чем больше подавляешь инстинкты, тем больше они бунтуют. А надо бы усвоить: богу — богово, кесарю — кесарево. Здоровый человек и работает лучше, и в общении приятнее. Красота здорового тела! Пифагор, величайший математик, был победителем-борцом на Олимпийских играх! И многие другие великие, оставившие полезный след в истории, понимали пользу гимнастических упражнений, ухода за телом.

— Кант? — спросил Лякумович.

— Гуинфельд, Кант — это люди, еще оставившие свои методы для последователей. Но сколько таких, которые унесли с собой собственный опыт к достижению полной гармонии тела и духа!

— Понимаю вас, Александр Дмитриевич. Это было бы прекрасно. Но это невозможно. Христианская религия рассматривает человеческое тело как сосуд греховных мерзостей. Только так!

— Поэтому христианство и рухнет. Не ахай! Рухнет, рухнет. Чересчур обострятся противоречия. Жаль, что священники их не видят. В религии есть и хорошее, это хорошее стоило бы сохранить. Но где там! Все рухнет...

И ЦАРИ ХОДЯТ В ГОСТИ

Поездка на Кавказ мало что дала. Прославленные лечебные воды Пятигорска не помогли. Приходилось принимать решение. Тяжелое и бесповоротное. Засядько долго колебался, гнал всякую мысль об отставке, но после одного из приступов вынужден был написать в апреле 1834 года великому князю: «...Мне остается только... просить быть совершеннейшим образом удостоверенным, что одно только конечное изнеможение сил душевных и физических и всеобщее расстройство могли довести меня

до крайности оставить то поприще, на котором вами удостоен я был находиться. Сильно убежденный в той истине, что кто не может быть полезным, тот, оставаясь, необходимо бывает вредным, несравненно охотнее буду терпеть я один, нежели беспрестанно болезненностью и малоспособностью своею подвергать тому же многим...»

Ответ пришлось ждать вдвое дольше, чем когда Михаил благословлял его в поездку на Кавказ. Видно было, что великому князю очень не хотелось отпускать Засядько со службы, но и удержать не представлялось возможным. Ровно через три недели он получил ответ, датированный 14 мая:

«Александр Дмитриевич! В ответ на письмо ваше от 28 минувшего апреля прошу вас принять уверение, что я вполне знаю и ценю искренность ваших чувств и что во всяком случае найдете меня готовым быть вам полезным и содействовать вашим желаниям».

Итак, он получил отставку после тридцатисемилетней службы с шеститысячным пансионом. Хватит ли, чтобы прокормить семью? Смешно и подумать. Одна надежда на крохотное имение жены за городом. А ловкие беспринципные дельцы даже на мизерных должностях в короткие сроки ухитряются сколачивать состояния за казенный счет. И что же? Преуспевают. Если и увольняли кого за взятки или казнокрадство, то лишь тех, кто не по чину берет.

Засядько-страхнул тягостные думы о безденежье. Как-то будет. Намного хуже одиночество.

Одиночество? Едва вышел в отставку, как в его кабинет началось паломничество. Сначала посещали самые близкие, потом потянулись старые боевые товарищи, затем настал черед воспитанников. Они как раз и интересовали его больше всего. Чему сумел научить, какие знания и добродетели заронил в их души?

Кто не сумел навестить его лично, слал пространные письма. И шли эти конверты со всех концов необъятной Российской империи, из Польши, балканских стран, Франции, Австрии, Пруссии, Англии, Италии, Голландии, Швеции, Испании, недавно созданного королевства Греции... Письма приходили даже из-за океана.

Обширнейшая переписка стала занимать по несколько часов в день. Писали друзья далекие и близкие, писали бывшие ученики. Нередко встречались письма совершен-

но незнакомых людей, испрашивающих совета в той или иной области.

Однажды Василь внес в кабинет особенно большой ворох писем. Засядько рассыпал их по столу, пробежал глазами обратные адреса, выбирая, с какого начать. Наконец распечатал письмо от Леопольда, боевого товарища, с которым ел кашу из одного солдатского котла, когда сражался против полчищ Бонапарта. Он любил этого сильного, способного и энергичного человека. Леопольд — поэт, любитель приключений и сражений — скитался по всей Европе, принимал участие в войнах, которые случались на его пути, был лично знаком со многими выдающимися людьми своего времени, в том числе с наиболее известными учеными, изобретателями, писателями. Ему предлагали корону Греции, но он отказался от нее, и лишь бельгийцам удалось склонить его стать у них королем.

— Гм,— произнес Засядько, читая письмо,— теперь мне придется обращаться к тебе, Леопольд, «ваше величество»...

Леопольд писал, что революционные бельгийцы, сбросив короля Вильгельма I, оказались в тяжелом положении. Коалиция держав во главе с Николаем I готова была послать войска, чтобы восстановить короля в правах и растоптать республику, потому он, Леопольд, согласился прибыть в Бельгию и принять королевскую власть, «чтобы сохранить конституцию и республику». Дальше Леопольд жаловался на разорение страны предыдущим королем и звал Засядько в Бельгию.

«Нам очень не хватает умных и знающих людей»,— прочел Засядько вслух. Он криво улыбнулся, представив себя выезжающим в Бельгию. Дело даже не в болезни. Просто он из породы людей, которые могут творить лишь на родной земле...

Еще раз прочел письмо. Да, Леопольд взялся за дело умно. Провел сеть железных дорог, всячески поощрял промышленность и торговлю. Жизненный опыт и знание людей обеспечивали ему большое влияние на судьбы Европы.

— А может, поехать? — спросил себя Засядько, но засмеялся и потянулся за следующим письмом.

В этот момент в кабинет без стука влетел Василь. Он был смертельно перепуган, язык заплетался.

— А-александр Дмитриевич!

— Что стряслось? — спросил Засядько раздраженно.

От внезапного появления растерянного служителя к вискам начала подступать пульсирующая боль. Если не приглушить ее вовремя, то ночь пройдет без сна.

— Александр Дмитриевич! — лепетал Василь.

— Что тебе? — спросил Засядько, усилием воли подавляя раздражение.

— Там, за дверью... за дверью... царь!

Засядько рассердился.

— Что ты мелешь?

— Клянусь!

В это время дверная ручка слегка повернулась и знакомый голос нетерпеливо произнес:

— Позволят мне, наконец, войти?

Василь охнул и отскочил в испуге. Засядько повернулся к двери.

— Открой! — велел он Василию.

— Я сам, — ответил Николай, входя.

Был он весел, бодр, румян. Держался подчеркнуто прямо, движения были четкие, словно и здесь чувствовал себя как на параде.

Засядько хотел подняться, но Николай предупреждающе вытянул руки:

— Нет-нет, не вставайте! Я и так обниму вас, Александр Дмитриевич... Если бы вы знали, как нам не хватает вас! Михаил жалуется, что меняет уже десятого начальника штаба после вашего ухода, я никак не подберу достойного директора Артиллерийского училища. Все оказываются либо дураками, либо лентяями, а то и лихоимцами. Арсенал и заводы, бывшие под вашей рукой, тоже пришли в упадок. Пришлось ввести строгости, но и это мало помогает...

Он подтащил тяжелое дубовое кресло и сел рядом с Засядько. Озябшие ноги поставил на каминную решетку и зажмурился от удовольствия. Василь, словно мышь, выскользнул под стенкой из комнаты.

— Я с инспекционной поездкой, — объяснил свой визит Николай. — По пути свернул в Харьков, чтобы повидаться с вами. Как вам тут живется? Может, в чем-то нуждаетесь?

— Спасибо, — ответил Засядько сдержанно.

— Как здоровье супруги?

— Спасибо, неплохое...

— Как детишки? Сколько их у вас?

— Восемь.

— Восемь? — удивился Николай. — Да когда ж вы успели? Поздравляю, Александр Дмитриевич! Древние говорили: «Человек должен посадить дерево, построить дом и вырастить сына». Вам все это удалось. Уже зеленеют деревья ваших изобретений, поднимается здание русской артиллерии, а ваши сыновья подхватят факел ваших талантов. Поздравляю!

«Ужасный стиль, — подумал Засядько, — что он нагородил». А вслух сказал:

— Спасибо. С сыновьями мне действительно повезло. Сильные, здоровые и умные ребята...

— Вы живете на хорошей улице, — заметил Николай. — Чистая, опрятная, много зелени. Только до церкви далековато. Это вас не беспокоит?

Он посмотрел в глаза генералу. «Ясно, — подумал Засядько. — Проект о священниках-врачах уже попал к нему в руки».

— Нет, — ответил он медленно, — это меня не беспокоит. Беспокоит другое. В деревнях нет ни единого врача. Крестьяне мрут от пустячных болезней, хотя было бы достаточно элементарной врачебной помощи, чтобы сохранить им жизнь. Я много видел на своем недолгом веку, многие пали от моей руки на поле брани, но то, что делается в наших деревнях, ужасно!

Николай хотел что-то возразить, но Засядько продолжал, повысив голос:

— Да, это ужасно! В самой маленькой деревушке есть церковный приход, а врача нет даже в уезде. А кто нужнее: священник или врач?

Николай закусил губу. Это было слишком.

— Да вы безбожник! А еще поговаривали, что после окончания кадетского корпуса хотели уйти в монастырь.

— Я безбожник не более, чем царь Петр, который снимал колокола с церквей. Надо спасти страну! Я разработал и отослал в столицу проект об обучении священников врачебному ремеслу. Врач души должен быть и врачом тела! Тем более, что душа и тело связаны неразрывно, что бы там ни говорили... Религиозные посты очищают не только душу, но и тело — от пищевых ядов, поклоны — та же гимнастика для хребта... Нет-нет, это не кощунство! Священникам верят в народе, так пусть же они оправдывают это доверие полностью.

— Пастырь божий должен заботиться лишь о спасении души, — отозвался Николай глухо. — Тело — это прах, тлен.

— В древние времена служители культа были врачами, — напомнил Засядько. — Даже сейчас у тунгусов шаманы лечат народ.

— Так то ж язычники! — воскликнул Николай возмущенно.

Засядько уклонился от ответа и продолжал уже мечтательно:

— И еще... Удалось бы ликвидировать ножицы...

— Ножицы? — не понял Николай.

— Да. Растущий разрыв между духовными интересами человека и плотскими.

Царь поморщился. Его покорило само слово «плотскими». Засядько продолжал настойчиво:

— Раньше человек был гармоничнее. Взять Леонардо, Аристотеля, Ломоносова и многих других. Каждый из них сочетал в себе и художника, и ученого. А только поэты или только ученые показались бы им много потерявшими, ущербными людьми.

— Но ведь вы сами... — напомнил Николай осторожно.

— Да, стал плоской личностью. Хотя в детстве рисовал превосходно, сочинял стихи, имел способности к музыке... Все задавил в себе, чтобы не мешало заниматься основной деятельностью. А теперь чувствую, что многое потерял... Но вернемся к врачам-священникам. Ведь наше противопоставление души и тела бесчеловечно. Не говоря уже о том, что неверно.

— Как это неверно? — возразил Николай. — Тело смертно, а божественная душа бессмертна и ничего общего с телом не имеет.

— А как они друг на друга влияют! По себе знаю... И никакие авторитеты не убедят в обратном. Впрочем, оставим этот щекотливый вопрос. Зайдем с другой стороны. Мы живем в Европе, и Россия не будет пользоваться у соседних цивилизованных стран уважением, если с людьми будут обращаться хуже, чем со скотом. Ведь о домашнем скоте любой хозяин заботится!

— Крестьянство составляет основную массу, — согласился Николай неохотно. — Но вы представляете, как реагирует духовенство, если мы передадим ему ваш проект? Да меня, как Пугачева, во всех церквях предадут анафеме!

Он засмеялся, стараясь шуткой разрядить напряженный разговор.

— Нет-нет, это невозможно. Лучше поговорим о вашем проекте насчет торгового пути в Индию. Мне передали его из департамента, очень любопытная вещь. Главное — с расчетами, экономическими выкладками, обоснованием. Как вы это себе мыслите?

— Я все изложил в документах, — ответил Засядько устало. — Такой путь возможен и необходим. Я подробнейшим образом изучил карты и документы, которые мне любезно прислал Берг, да и со слов участников его обеих экспедиций в Среднюю Азию и его самого составил определенное суждение. С тухменцами мы поладим. Они сами извлекут немалую выгоду, когда через их страну польются два встречных потока товаров. И Европа станет пользоваться дорогой через Россию. Петр Великий прорубил окно в Европу, вы прорубите в Индию!

— А сколько войск потребуется для прокладки дороги?

Засядько был застигнут врасплох неожиданным вопросом.

— Полагаю... войск не понадобится. Мы не можем держать войска для охраны такой длинной дороги. Они себя не прокормят. Посылать отряды с караванами тоже накладно, не окупятся расходы. Даже простая экономическая выгода заставляет нас дружить с соседними народами.

Николай сидел насупившись, медленно шевелил ступнями на каминной решетке. Перспектива дружбы с соседями не прельщала. Другое дело военная сила. Надежнее. Пусть ненавидят — лишь бы боялись.

— Удивляюсь я, Александр Дмитриевич, — наконец сказал он. — Такой опытный воин — и вдруг «мирным путем»... Это же не Европа, а дикари, магометанцы. С другой стороны, человек в старости обычно ищет утешения в религии, а вы, наоборот, носите с идеей священников-врачей. Так что давайте разговаривать, как правоверные христиане. Нехристей тухменцев можно приручить только силой оружия. Если с проектом все пойдет гладко, мы сразу же пошлем в эту Тухмению, или как там она называется, 2-ю армию. Так что не медлите, а я прослежу, чтобы проект прошел по инстанциям возможно быстрее.

— Спасибо,— ответил Засядько.— В конце недели отошлю дополненный и переработанный проект. Надеюсь, он будет внимательно рассмотрен.

Николай I уже отогрелся и поднялся.

— До свидания, Александр Дмитриевич. Желаю вам долгих лет жизни и отменного здоровья! Кланяйтесь супруге. Жаль, что она в деревне, был бы рад познакомиться с женой выдающегося человека.

«Черта лысого получишь нужный проект,— подумал Засядько.— Плевал на врачей, посижу ночи, но получишь такие сведения, что отобьют охоту лезть к трухменцам. Недаром маркиз де Кюстин назвал тебя тюремщиком третьего земного шара. А Россия — тюрьма, ключ от которой у тебя в кармане».

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Засядько сидел на веранде, подставив лицо ласковым лучам весеннего солнца. Последнее время он все чаще и чаще обращался к литературе прошлых веков, с горечью отмечал, что меньше стало рыцарства, удали, верности слову и делу, поубавилось человеческого благородства... Люди постепенно становились суше, осмотрительнее, эгоистичнее. Или это только кажется постаревшему боевому генералу?..

Послышались легкие шаги. Засядько чуть повернул голову, виновато улыбнулся. Это была Ольга Зигмундовна, а для него всегда Оля, верная спутница жизни, — женщина, которая заслуживала многого, но которой он дал так мало. Он наклонил голову, поцеловал руку, которую она опустила ему на плечо, благодарно прижался щекой.

— Мой генерал,— сказала она улыбаясь,— я вижу, у тебя сегодня минорное настроение?

Она была все еще красива. Есть женщины, красота которых расцветает год от года, и в тридцать-сорок лет они красивее и обаятельнее, чем были в восемнадцать. Ольга Зигмундовна относилась к числу таких женщин.

— Перебирая свою жизнь, сказал он медленно, — не нахожу оправдания себе в одном: слишком мало я уделял тебе времени. Работа, опыты с ракетами, сражения, а ты все время оставалась в стороне...

— Я? — удивилась она и с большой нежностью, как ребенка, погладила его по голове. Голос ее звучал искренне: — Милый, дорогой мой человек, ты не прав.

— Почему? Я даже по балам не возил тебя, а где еще появляться красивой женщине?

— Я счастлива,— сказала она мягко.— Ты занимался своими делами, я — своими. Ты велик в своих мужских делах, я — в женских!

Он вопросительно взглянул на нее, но она вместо ответа указала вниз, на площадку в саду.

Оттуда донесся крик и гам, разбойничий свист. Засядько вместе с креслом подошел к перилам, растроганно заулыбался.

На площадку выкатились кубарем трое: два мальчика лет шести-восьми боролись с более рослым и, видимо, старшим противником. По дороге они наткнулись на садовую скамейку, послышался треск, и все трое прокатились еще пару саженей. А позади осталась разломанная скамейка.

— Сорванцы,— сказал Засядько довольно, — одни убытки от них. А где остальные?

— Взяли лошадей, собираются устроить скачки на берегу реки.

— Пусть,— одобрил Засядько.— Как прошли вчерашние занятия?

— Преподаватели не нахвалятся. Хорошо усваивают иностранные языки, математику, физику, превосходно рисуют и музицируют...

— Правильно,— одобрил Засядько снова. — Воспитание и образование должны быть разносторонними. А гимнастическим упражнениям уделяют время?

— Больше, чем нужно,— вздохнула Ольга Зигмундовна.— На саблях и шпагах фехтуют лучше, чем взрослые офицеры, необъезженных жеребцов укрощают... Сразу видно, чья кровь течет в жилах.

— Это хорошо,— сказал Засядько с гордостью.— В здоровом теле — здоровый дух, как говорили древние. А здоровый дух будет стремиться за горизонт, все дальше и дальше... Сначала в дальние страны, потом... потом еще дальше.

Вечером заглянул Лякумович. Засядько отложил в сторону корреспонденцию и, едва гость, кряхтя, уселся в глубокое кресло, сообщил новость, которая привела архивариуса в смятение:

— Вот что, Владимир Остапович, решил я съездить на днепровские пороги, поклониться святым местам.

— Александр Дмитриевич! — воскликнул Лякумович. — Вы еще не оправились от болезни. Вам нужен покой, продолжительный сон, отдых...

— Покой, продолжительный сон, отдых, — засмеялся Засядько, — когда я руководствовался такими понятиями? Однажды боги спросили Одиссея, какую жизнь он избрал бы: долгую и мирную или короткую, но полную подвигов? Одиссей выбрал второе. Боги же за отвагу даровали ему жизнь долгую и полную приключений. А вот мой копец близок, хотя прожил я мало... Зато приключений... Одиссею столько и не снилось... А посетить пороги я просто обязан. В минуты просветления придумал машину, которая облегчит плавание через эти самые пороги. Надобно осмотреть местность. Пусть корабли плавают...

Наступило молчание. Каждый думал о своем. Наконец Засядько подвел итог размышлениям:

— На той неделе я и поеду. Всю зиму ждал... Сейчас весна, а до лета не дотяну.

— Не стоило бы на пороги, а? Зачем душу беречь? Может, лучше на кавказские воды? Ведь Кавказ подлечил вас в прошлый раз?

— Только красотой. — Засядько задумался на мгновение и решительно закончил: — Завтра отправляюсь на пороги. Сейчас май, теплынь. Полвека назад я стоял с отцом на Хортице... И ни разу не был после. А костлявая уже приходила ночью, гремела косою, звала: «Пора, казак!»

Лякумович дивился энергии Засядько. Казалось, мощь его предков вливается в постаревшее тело. Иначе трудно было объяснить подвижность большого генерала.

Детальное обследование показало, что свободное плавание можно устроить с помощью изобретенной им машины. Река станет судоходной!

Подул резкий ветер. На чистое небо напозла черная туча. Донесся далекий раскат грома.

— Александр Дмитриевич! — подбежал испуганный Лякумович. — Гроза будет! А у нас коляска открытая... Надо спешить!

— Успеет, — отозвался Засядько.

Он смотрел на остров, откуда предки его выступали в боевые походы. А гроза все приближалась, приближа-

лась и наконец грянула. Вдали опустилась и стремительно надвинулась на них плотная серая стена дождя.

Засядько бросил последний взгляд на Хортицу и пошел к коляске. Он даже не вздрогнул, не поежился, когда ледяной водопад ревущей воды обрушился на голову и плечи. Просто не замечал ливня, грома и молний.

Лякумович, оглохший от неистового грохота и ослепший от яростного блеска молний, успел подивиться: если он такой сейчас, после изнурительной болезни, то каков был раньше?

Бешеные порывы пронизывающего ветра и проливной дождь сопровождали их всю дорогу, целых тридцать верст. Лошади то и дело увязали в грязи, и Засядько с Лякумовичем, промокшие и продрогшие, терпеливо вытаскивали коляску на твердый грунт.

Измученный Лякумович уже ничего не хотел. Единственным его желанием было лечь здесь в поле и умереть. Все что угодно, лишь бы избежать этой дорожной голгофы. Остальной путь был сплошным кошмаром. Он смутно помнил, что Засядько теребил его и что-то кричал в самое ухо. Очнулся в своей передней. Когда слуги торопливо снимали с него промокшую одежду, заметил на себе плащ генерала. А как же он?

От этой страшной мысли и чувства непоправимой вины Лякумович подхватился и снова бросился в ревущую ночь, уже не ощущая ни дождя, ни ветра.

Засядько был дома, сидел у жарко натопленного камина. Лицо его казалось застывшим. Настолько застывшим и бесстрастным, что Лякумович испугался и громко воскликнул:

— Александр Дмитриевич!

Засядько повернул к нему голову, сказал с жутким спокойствием:

— Все.

— Что все?

— Организм износился. Через неделю часы остановятся.

Лякумович разволновался, заговорил быстро:

— Да что вы, Александр Дмитриевич! Побойтесь бога такое говорить. Кто, кроме всевышнего, знает, кому сколько жить?

— Я знаю. В свое время хорошо управлял своим организмом, и он подчинялся мне. Однажды по глупости я отказался от командования, но хоть сохранил способность

наблюдать... Чему удивляешься? Сковорода тоже видел свою кончину и даже сам выкопал себе могилу. Сейчас вот думаю, жизнь — как озеро: чем больше высыхает, тем больше грязи показывается на дне...

— Не во всяком грязь! — горячо запротестовал Лякумович. — На дне горных озер нет грязи!

— Спасибо, Владимир Остапович... Ты уж извини великодушно, но я сегодня собирался еще немного поработать.

— Александр Дмитриевич, вам надо отдыхать.

— Отдыхать... Только мертвецы имеют право отдыхать. Только они! Кстати, ты никогда не задумывался над тем, что большую часть человечества составляют не живые, а мертвые? И они живут среди нас. Помогают. Когда я вел в атаку на Бородинском поле своих людей, то рядом со мной шли также воины Александра Невского и Дмитрия Донского... Хочу думать, что и я когда-то буду идти с кем-нибудь по Луне или другим планетам...

— Александр Дмитриевич!

— А что? Сохраните только память о нас, и мы будем жить и после смерти. А насчет Луны... Владимир Остапович, иные утопии бывают лишь слишком рано высказанными истинами!

Лякумович удалился, терзаясь жалостью и желанием помочь хоть чем-то титану, который заканчивал земное существование. Но чем? Своей жизни не займешь, да и сколько ее осталось. Единственное, до чего додумался, это под каким-то предлогом снова утром забежать к генералу, надеясь успокоительной беседой отвлечь его от работы, которая только ускоряла кончину друга.

Засядько был у себя в кабинете, писал. Очевидно, всю ночь не ложился. Увидев появившегося в дверях Лякумовича, сказал:

— В старости нужно работать больше, чем в молодости. Ты так не находишь?

— Вам нужно отдохнуть, Александр Дмитриевич, — только и нашел что ответить Лякумович.

— Ах, оставь, Владимир Остапович... Уже некогда отдыхать. Не успеваю. А сделать нужно многое...

— Ты ненасытен, — упрекнул Лякумович, не сдержавшись. — Чего еще надо? Ведь что-то гнетет, я же вижу! Другой сказал бы на твоём месте: я сделал больше, чем дано человеку. И всего добился сам, своим талантом, волей, трудолюбием. Я счастлив!

— Ты мой друг, и я могу сказать, что было бы для меня самым большим счастьем...

Лякумович весь превратился в слух. Что может осчастливить этого титана?

— Увековечить свое имя... — прошептал Засядько, — где-нибудь... на обратной стороне Луны!

Он невольно засмеялся, наблюдая за Лякумовичем. Тот отшатнулся, словно кот, попавший передними лапами в горячее молоко.

— Эх, дружище, — сказал Засядько невесело, — ты даже и на миг не допустил мысль, что я сказал это серьезно... — И отвернулся к окну, стал наблюдать за дорогой.

— До Луны далеко, — заметил озадаченный Лякумович, не зная, что и подумать. — Только праведники увидят ее обратную сторону.

— Надеюсь, что праведники, — буркнул Засядько. — Правда, я праведность понимаю иначе. И не после смерти, а при жизни увидят... Ведь я так много сделал, чтобы они достигли Луны!

— Побойся бога, Александр Дмитриевич, — прошептал Лякумович побелевшими губами, — что ты говоришь? Какая Луна?

— И до Луны доберутся, и до других планет. Впрочем, давай лучше поговорим о погоде. Когда дождь прекратится? А то мои старые раны ноют.

Через неделю к Засядько стали прибывать гости. Он сам разослал им приглашения, не сообщив о цели вызова. Первым прибыл повзрослевший Балабуха, затем стали появляться остальные боевые соратники, ученики, пришло несколько харьковских ученых и писателей.

Балабуха ахнул, увидев исхудавшее и пожелтевшее лицо генерала. Тот слабо улыбнулся, махнул рукой. Мол, сам знаю, можешь не утруждать себя дежурными соболезнованиями.

— Друзья, — сказал он, обводя взглядом собравшихся, — сегодня я покину этот мир... — Властно поднял руку, останавливая протестующие возгласы, и продолжил размеренно: — Речь уже не обо мне. Мое дело остается без продолжателей! Кто подхватит работу над ракетами? Какие бы посты я ни занимал, чем бы ни руководствовался, главное мое детище — ракеты! Пока что я создал лишь боевые образцы, но это начало. На ракетах можно пере-

сылать грузы и животных. На ракетах поднимутся в небеса люди. На ракетах можно достигнуть Луны, планет и дальних звездных миров...

По лицам собравшихся он понял, что ему могут сейчас положить на голову холодный компресс или напоить успокоительным. В который уже раз! Сколько он ни начинал разговор о ракетостроении, всегда ответом было вежливое непонимание. Но что делать? Нужно повторять, повторять и повторять... Не поймут, так пусть хоть запомнят механически. Вдруг это окажется зерном, которое проклюнется через много лет...

— От боевых ракет — к межпланетным! — прохрипел он. — Придет время — люди поселятся в других мирах! Я вижу это время...

Он закинул голову. Пульсирующая боль сжала сердце и впилась в мозг. Он попробовал бороться, но боль победила. На этот раз — навсегда.

Балабуха поспешил увести детей. Пусть помнят отца живым и сильным. Внуков плакал и спрашивал: почему всевышний не взял его бесполезную жизнь, а оставшиеся годы не прибавил умирающему гению? Это было бы справедливо.

Но не было в те годы справедливости ни на земле, ни на небе. Шел 1837 год. Семенам, брошенным Засядько, предстояло лежать в почве еще почти сто лет.

